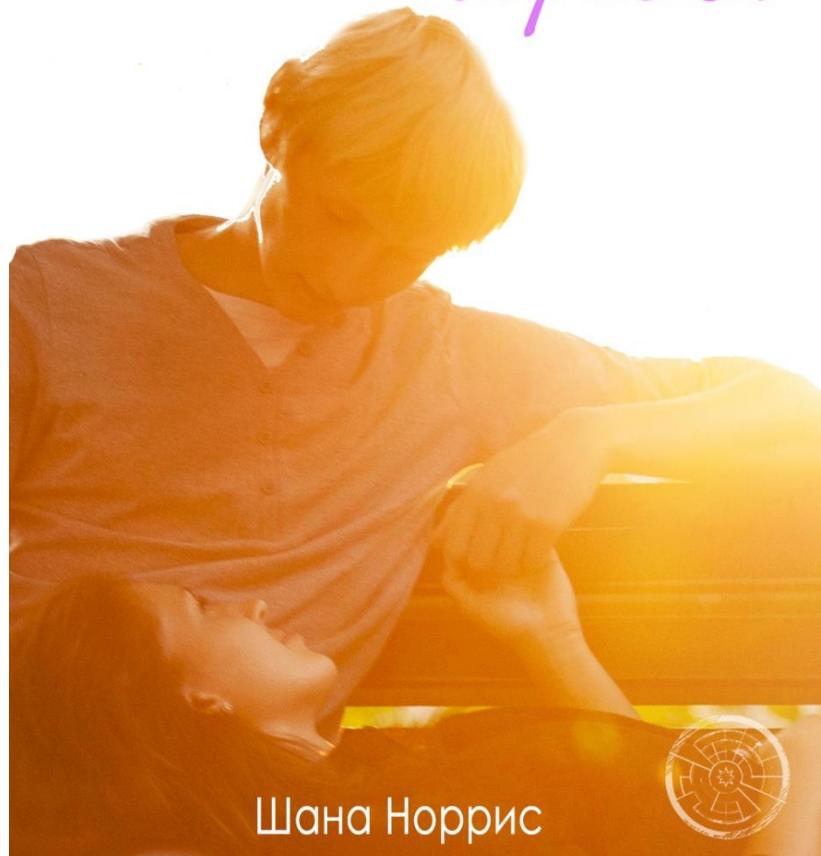

“Шикарно и смешно” — Лорел Моррилл автор книги
“Идеальный парень”

бойфрендов

https://vk.com/romantic_books_translate

воровка

Шана Норрис

Внимание!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды.

Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

Любое коммерческое и иное использование материала,
кроме предварительного ознакомления, запрещено.

*Оригинальное название: The Boyfriend Thief by Shana Norris
Название на русском: Шана Норрис "Воровка бойфрендов"*

Перевод: Ирина Шапочкина

Редактор: Оксана Волкова

Вычитка: Анна С.

Оформитель: Ксюша Манчик

Обложка: Ксюша Манчик

*Переведено специально для группы:
https://vk.com/romantic_books_translate*

*Любое копирование без ссылки
на переводчика ЗАПРЕЩЕНО!*

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Один злосчастный костюм хот-дога. Две бывшие лучшие подруги. И одиннадцать дней на то, чтобы соблазнить парня.

Эйвери Джеймс не верит в романтику. Она достаточно подкована в биологии и понимает, что любовь – это всего лишь гормоны и химические соединения. Кроме того, в ее голове множество практических планов: накопить до лета достаточно денег на гуманитарную программу в Коста-Рике. Но когда управляющий «Будки Дигити», в которой работает Эйвери, отказывает ей в прибавке, девушка самостоятельно пытается найти \$500 на путешествие всей своей жизни и принимает неожиданное предложение. Сделка? Эйвери должна увести парня своего заклятого врага Ханны до выпускного. На то, чтобы соблазнить Зака Грили, у девушки есть всего 11 дней.

Эйвери уверена, что легко справится с заданием. Но череда полуночных стендап шоу и спонтанные танцевальные вечеринки (не говоря уже об одной особенно интимной тусовке на автомойке) заставляют Эйвери пересмотреть свои взгляды на любовь. Все дело в фирменной вишнево-лимонной замороженной газировке Зака или Эйвери по-настоящему начала влюбляться в него?

Сможет ли девушка украсть Зака у Ханны до того, как Зак украдет ее сердце?

Глава 1

Если и существует на свете то, что я ненавижу сильнее всего — это Большой День хот-дога. Апрельское солнце нещадно печет, от раскаленного тротуара поднимается жар, а я стою возле “Будки Дигити” в огромном костюме красного хот-дога, украшенном двумя зигзагами из горчицы и кетчупа, змейкой переплетающимися на моем животе, зажатом в мягкие подушки-булочки.

От костюма вечно шмонит, как от потных, инфицированных грибком ног, а стоящая над Уиллоубруком жара усугубляет все еще больше. Когда я нахожусь внутри хот-дога, стараюсь чаще дышать ртом, чтобы защитить нос от вони. Рассмотреть что-то сквозь сеточку в крошечном отверстии перед лицом практически нереально. Единственный плюс этого костюма в том, что снаружи не видно, кто находится внутри, так что чирлидерши, в которых я едва узнала второкурсниц из моей школы, не узнают, над кем смеются. Я машу им затянутой в белую плюшевую перчатку рукой, пока они заходят в забегаловку, чем заставляю их хихикать еще сильнее.

Ох, как же сильно я ненавижу Большой День хот-дога.

— Посмотри, Бейли, — произносит женщина, сжимая руку мальчика, которому на вид не больше трех лет. Она указывает на меня и улыбается ему. — Это хот-дог Боб!

Дети из Уиллоубрука обожают гигантские хот-доги. Когда живешь за тридевять земель от Диснейленда или Шести флагов, или любого другого места, где бродят милые ростовые куклы, гигантские хот-доги выходят на службу, чтобы заполнить пустоту.

— Хот-дог! — выкрикнул мальчик, послав мне очаровательную улыбку.

Я потрепала его по голове и отвернулась, возвращаясь к своим “талисманским” обязанностям.

Но маленький мальчик еще со мной не закончил.

— Станцуй!

О, нет. Не в этой жизни, малой. Я напялила костюм, но исполнять Дигити танцы не собираюсь. Не на пересечении Ховкинс и Майн стрит в сорокаградусную жару на виду у всего города.

— Танцуй!

Я слегка приподняла голову хот-дога руками, надеясь, что это усмирит его. Предприняла попытку наладить телепатический контакт с его мамой. *Ты хочешь Дигити хот-дог с особой начинкой, послала я мысленный месседж в ее сторону. Иди внутрь и оставь меня наедине с моим отчаянием.*

Очевидно, телепатия — не мой конек. Мать с сыном остались стоять на тротуаре напротив меня.

— Танцуй! Танцуй! Танцуй! — требовал мальчик, топая ножками.

Этот малый реально мог докричаться кое до кого ростом почти в три фута. Если он продолжит в том же духе, мой менеджер, мистер Трокмортон выйдет на улицу посмотреть, что случилось, и тогда мне влепят выговор за отказ от танцев. Снова. Я и так уже ходила по лезвию из-за двух замечаний в прошлом месяце. Первое за то, что вынесла молочный коктейль своей подруге Молли через пять минут после закрытия, а второе за то, что забыла дома костюм хот-дога в день, когда должна была проходить регистрацию.

В “Будке Дигити” существовало всего три нерушимых правила:

Первое: закрываемся ровно в десять часов. Ни минутой позже. Десять — крайний срок.

Второе: все кассиры, стоящие за прилавком, во время смены должны носить головные уборы с большим пластиковым хот-догом.

Третье: хот-дог Боб обязан исполнять шаркающий танец Дигити, кто бы его об этом ни попросил.

— Ладно-ладно! — прорычала я.

Шарканье — это тупой танец, придуманный мистером Трокмортоном, включающий что-то вроде чечетки — шаг, шаг, шарканье, шаг, шарканье, повтор — и размахивание руками из стороны в сторону. А в конце ты прыжком разворачиваешься и трясеши своими булками перед зрителями.

Абсолютно унизительно.

Но маленький мальчик в восторге. Он улыбался и хлопал пухлыми ручонками.

Стоило мне отвернуться и начать трясти булками, как малыш визгливо засмеялся и закричал:

— Осторожно! Тебя сейчас магазинная тележка проткнет!

Набитые синтепоном булки не оставляют пространства для резких движений. Мне удалось разглядеть лишь сине-белое пятно, когда что-то вонзилось мне в бедро, заставив меня отлететь назад. Я упала на спину.

Подняться в огромном набитом хот-доге нереально. Я каталась из стороны в сторону, пытаясь развить достаточный импульс, чтобы перевернуться.

Должно быть, так чувствуют себя черепахи.

Кто-то схватил меня за руку и привел в сидячее положение.

— Ты в порядке? — спросил смутно знакомый голос.

Я открыла рот, чтобы сказать, что в норме — набивка хот-дога удивительно полезна при падениях — но меня остановил другой, куда более знакомый голос.

— Я говорила тебе оставить тележку в покое, — прошипела Ханна Коэн.

Ее парень, Зак Грили, опустился передо мной на колени и обхватил мою плюшевую перчатку в попытке помочь мне подняться. Ржавая магазинная тележка лежала на боку неподалеку от нас, и одно колесико на ней все еще крутилось.

Мы с Заком отдаленно знали друг друга по школе. Я не понимала, что общего может быть у них с Ханной. В отличии от Зака, чья мятая одежда и вечный шухер на затылке указывали на то, что он только что вскочил с постели и напялил первое, что попалось под руку, Ханна всегда выглядела аккуратно и собрано. Она была президентом студенческого совета младших классов (я была вице-президентом), вице-президентом математического клуба (я президентом) и девушкой, которая в настоящее время конкурировала со мной за высший балл в классе. Иными словами, Ханна была моим официальным заклятым врагом.

А еще, когда-то — целую вечность назад — она была моей лучшей подругой.

Они не знали, кто находится внутри хот-дога. К счастью, к костюму прилагались плюшевые ножки, ручки и перчатки, так что я была почти полностью скрыта, и они не могли видеть, как краска стыда ползет по моей шее из-за пережитого фиаско.

— Извини, извини! — Зак поставил меня на ноги, схватив за руки, пока я, слегка пошатываясь, возвращала себе равновесие. — В следующий раз я сперва научусь рулить, если решу прокатиться на тележке с горки.

Он ухмыльнулся, от чего стал похож на озорного мальчишку. Судя по тому, что я знала о Заке, он вполне мог бы прокатиться на тележке с горы, а если верить слухам, то уже имел такой опыт. Я же не до конца уверена, что слух о его джиге в одних зеленых боксерах в кафетерии на День святого Патрика, правда.

И еще раз, что общего у него с Ханной?

Так как заговорить и позволить Ханне узнать мой голос я не могла, то просто показала ему большой палец. Или, во всяком случае, подобие большого пальца, насколько позволяла огромная перчатка на руке.

Ханна ждала у двери, скрестив на груди руки.

— Можем мы наконец купить тебе чертов хот-дог до того, как закончатся выходные?

В дни, когда мы с Ханной были подругами, она была глуповатой и забавной. Но чем ближе мы подходили к выпускну, тем более истерично она вела себя с теми, кто попадался ей на пути, и готова была сбить с ног любого, кто получал хорошие оценки.

Я знала, что многие люди, возможно, скажут подобное и обо мне. Но у меня другой случай. В один день у меня была мама, а на следующий ее не стало. Исчезновение моей матери, когда мне было двенадцать, изменило все. И с тех пор, все, что не приближало меня к цели, не имело значения. Я должна была сделать свою и жизнь моих отца и брата лучше.

У Ханны же оправданий нет, за исключением того, что она лгунья, которая ябедничала на свою лучшую подругу за ее спиной, а затем бросила ее, как только все пошло не так, как ей хотелось.

К счастью, она не могла видеть гримасу, которую я скорчила, пока они шли к ресторанчику.

Два часа спустя, ненадолго оставив свой пост, я уселась в самом дальнем углу кухни. Свернутая тушка хот-дога лежала на полу рядышком, в нескольких шагах от Эллиота Райсера и Тары Уоткинс. Сегодня они стояли на хот-догах — то есть готовили их, а не надевали на себя — и стояли преступно близко друг к другу. С тех пор, как три недели назад Эллиот начал работать в “Будке Дигити”, им с Тарой становилось все комфортнее и комфортнее друг с другом.

Я, конечно, презирала Эллиота, но между ним и моей лучшей подругой Молли Пински кое-что было. Не совсем свидание, но все шло к этому.

Эллиот покорил Молли, когда они одновременно потянулись к одной компьютерной игре в Волмарте. Эллиот бросил все свое обаяние на невинную Молли, пока меня не было рядом, чтобы открыть ей глаза на реальность.

А реальность заключалась в том, что Эллиот придурок. Коротко и ясно. Возможно, когда-то он был довольно славным парнем, но сейчас он отвешивал неприятные комментарии, считая, что это забавно. Кто знает, что происходит между ним и Тарой пока никого нет рядом? Я пыталась рассказать об этом Молли, но она заявила, что Эллиот всегда был дружелюбным и общительным, и она не против того, чтобы он разговаривал с другими девушкиами.

И, как постоянно напоминала мне Молли, я не видела, чтобы между Эллиотом и Тарой было что-то, кроме разговоров. Но с ней он разговаривал слишком много. Больше, чем с кем бы то ни было. Судя по подслушанным мной тайнам и вранью в коридорах старшей школы Уиллоубрука, девочки и мальчики не могут “просто дружить”. За этим всегда стоит что-то еще.

Я чересчур громко прокашлялась, и Эллиот с Тарой посмотрели в мою сторону.

— Ба, да это же Эйвери Джеймс, житель хот-дога, — сказал Эллиот, одарив меня своей тупой ухмылкой. — Все хорошо?

— Все отлично, — ответила я. — А у тебя? — я пристально посмотрела сначала на него, потом на Тару и снова на него.

— Заштабись, — Эллиот ухмыльнулся еще шире и вернулся к приготовлению хот-догов.

Офисная дверь “Будки Дигити” распахнулась и появился мистер Трокмортон, как обычно встрепанный. Каждый день он приезжал в забегаловку до полудня в отличной форме. Но уже через пару часов его волосы начинали торчать в разные стороны, а одежда покрывалась пятнами и мялась. Очевидно, управление забегаловкой с хот-догами — большой стресс.

— Джеймс! — рявкнул он, завидев меня. — Я плачу тебе за просиживание штанов?

— У меня перерыв, — сказала я.

— Это не оправдание. После перерыва пойдешь на улицу.

Я отсалютовала ему.

— Есть, сэр!

— И не выпендриваться мне тут, — сказал мистер Трокмортон прежде, чем промаршировать к двери, ведущей к кассам.

По мнению мистера Трокмортона все, что бы я ни сказала, было “выпендрежем”. Грешным делом я начала думать, что у него предубеждение против шестнадцатилетних рыжеволосых девушек. А может быть, просто против шестнадцатилетних рыжих девушек, ворчащих от необходимости отбивать чечетку и носить хот-дог на лбу.

— Лучше возвращайся на пост, Эйвери, — твой парень заждался, — Эллиот кивнул на свернутый на полу костюм.

Тара, по-видимому, нашла эту тупую шутку невероятно остроумной.

Думай о деньгах, напомнила себе я. Одна тысяча шестьдесят четыре доллара и тринадцать центов и шесть недель до ухода.

Если бы не деньги, хрен бы я терпела эту работу и Эллиота. Но, к несчастью, “Будка Дигити” помимо самого смущающего места работы в мире, была также самым высокооплачиваемым в городе.

Мистер Трокмортон должен был платить чуть больше, чем остальные рестораны, чтобы заставлять людей ежедневно корчить из себя идиотов.

Так что я в очередной раз публично унизилась. Следующие пару часов на улице протекали медленно, а затем, когда солнце село, я пошла внутрь, слоняться по залу и приветствовать, перекусывающих там посетителей. По правде, меня слегка разозлил один козлина, помешавший моему ужину, но, что поделать, клиенты “Будки Дигити” любили Боба. Все они широко улыбались и махали мне со своих столов. Крошечная пожилая дама, едва достающая мне головой до подмышки, попросила своего супруга сфотографировать нас.

Наконец пробило десять, и мистер Трокмортон буквально выставил за дверь последнего посетителя. Он придерживался строгой политики в вопросе закрытия, так как ровно в одиннадцать привык сидеть дома в пижаме и смотреть *Факты из жизни*.

Синтепоновый хот-дог отслаивался от моей взмокшей от пота кожи, пока я стряхивала его с себя. Каждую неделю я пробовала разные дезодоранты, чтобы проверить будет ли хоть один из них стойко держаться на “внутреннем ядре” Боба, но безуспешно. К концу вечера от меня всегда воняло. Это был своего рода научный эксперимент: какой дезодорант выстоит против гигантского хот-дога? Обычно, научные эксперименты мне нравились, но вынести этот довольно сложно.

Деньги, напомнила себе я и вытерла лоб пачкой салфеток. Мне нужны деньги.

Я направилась в кухню, открыв дверь бедром, так как мои руки были заняты примятым синтепоном. Эллиот и Тара сидели на кухне одни и резко отскочили друг от друга, когда я вошла. Тара занялась вытиранием плиты, а Эллиот ухмыльнулся мне.

— Заберешь своего парня домой на ночь? — спросил он меня.

Я прищурилась, пока мой взгляд перескакивал с одного на другого. Эллиот демонстрировал полное равнодушие ко всему, но я заметила легкий румянец на щеках Тары. Чему именно я помешала?

Молли никогда не поддерживала моей теории, что отношения — это пустая трата времени. Она позволила гормонам возобладать над здравым смыслом. Она даже не осознавала, как сильно нуждается в моей защите.

— Итак, — сказала я, возвращая Боба в шкаф, в котором он хранился, — вы двое, похоже, сильно сблизились за эти дни.

— Я дружелюбный малый, — ответил Эллиот.

Могу поспорить, так и есть.

— Будь уверен, я расскажу Молли о твоем дружелюбии. Помнишь Молли? Девушка, за которой ты таскаешься, вешая ей лапшу на уши каждый божий день.

Мои слова не произвели эффекта, на который я рассчитывала. Эллиот улыбнулся мне и потянулся за шваброй, чтобы подмети пол.

Ладно, пожалуй, есть еще кое-что, что я ненавижу больше, чем Большой День хот-дога: и это Эллиот Райсер. Со временем лета после седьмого класса, я ненавидела его сильнее собственной матери. Но я не могла рассказать об этом инциденте Молли, если не хотела, чтобы меня выбросили, как сморщеный хот-дог, завалившийся с прошлой недели.

Я должна как-то вывести его на чистую воду и заставить ее избавиться от этой жалкой задницы.

— Все готовы идти домой? — спросил мистер Трокмортон, входя на кухню. Он посмотрел на часы и хлопнул в ладоши. — Давайте, пошевеливайтесь!

Я проследовала за мистером Трокмортоном в его кабинет, собираясь с духом, чтобы попросить прибавку. Обернувшись, он слегка подпрыгнул.

— Джеймс, что я говорил тебе насчет того, чтобы красться за мной?

— Простите, мистер Трокмортон, — произнесла я, заламывая руки. Мои взгляд метался по его кабинету. Горы коробок и бумаги заполняли почти всю комнату, чередуясь с разнообразными вывесками, бумажными пакетами и кучей потных рубашек в углу. У меня так и зачесались руки задержаться здесь на пару часов и привести все в порядок, но мистеру Трокмортону стало бы не по себе, передвинь я даже коробочку со скрепками.

Я запустила руки глубоко в карманы, держа их подальше от старых налоговых выписок.

— Я хотела обсудить с вами возможную прибавку...

Мистер Трокмортон поднял руку вверх.

— Сразу стоп. Ты знаешь, что я не могу платить тебе больше. Ближайшее начисление не раньше июля.

В июле будет слишком поздно. Я не собиралась торчать в “Будке Дигити” до лета, дожидаюсь июля.

— Я знаю, но я подумала, может быть, вы могли бы повысить мне зарплату пораньше? — сказала я, стараясь говорить так заискивающе, как только могла.

— Нет, так не пойдет, — мистер Трокмортон перетасовал какие-то бумаги на своем столе. Одну из них он изучал несколько секунд, затем бросил ее в остальную кучу. Бумажка несколько раз перевернулась в воздухе и опустилась на пол. — Это несправедливо по отношению к остальным работникам.

Я старалась не смотреть на неадекватную систему хранения файлов своего начальника, заглушая голос в своей голове, кричащий: “ШКАФ ДЛЯ БУМАГ!”. Во имя любви к узорчатым носкам, используй долбаный *шкаф*!

— Тогда, может, я смогу отрабатывать большее количество часов в неделю? Я на все готова.

Он покачал головой.

— Извини, Джеймс. Я и так позволяю тебе работать максимальное количество часов, допустимое законодательством. Больше мне нечего тебе предложить.

Я подавила разочарованный вздох и заставила себя улыбнуться.

— В любом случае спасибо, мистер Трокмортон, — сказала я, разворачиваясь, чтобы покинуть его кабинет.

Когда двадцать минут спустя я остановила машину на подъездной дорожке у дома, в одиноком окошке горел свет. В кухне, именно там я ожидала застать их. Папа с Ианом всегда пробирались сюда по ночам, чтобы перекусить, пока меня нет дома. Обычно чем-то вредным и нереально жирным.

Когда я зашла в комнату, то застала отца с братом за попыткой смести остатки сырных палочек с чили в мусорную корзину.

— Привет, милая, — поприветствовал меня папа, преувеличенно бодрым голосом. — Хорошо поработала?

— Конечно, — сказала я, глядя на них, изогнув бровь. — А вы хорошенько закупорили свои артерии?

У папы отвалилась челюсть, и он попытался напустить на себя оскорблённый вид.

— Не понимаю, о чём ты...

Иан громко и раскатисто рыгнул.

— Простите.

— Чудно, — сказала ему я, садясь за облезлый деревянный стол. — Не мог бы ты сдержать свои телесные порывы до тех пор, пока не окажешься в своей комнате?

— Если что-то просится наружу, то оно должно выйти наружу, — Иану было тринадцать, и он застрял в стадии, когда звуки, издаваемые телом, кажутся жутко смешными.

— Иан, перестань доставать сестру, — попросил папа. — А ты, Эйвери, перестань доставать меня. Немного острого сыра нам не повредит.

— Вспомни об этом, когда твоё сердце решит остановиться, — сказала я.

— Переживу.

— Если продолжишь есть всякую дрянь, едва ли.

Не будь меня, папа с Ианом круглые сутки питались бы чизбургерами и пиццей.

Папа стер капельку соуса чили с подбородка салфеткой.

— Я иду спать. Завтра после работы у меня свидание с Тришой, так что буду поздно.

При упоминании о Трише, я закатила глаза. Нам с Ианом еще предстояло встретиться с новой пассией отца, хоть я и понимала, что момент, когда она появится за нашим обеденным столом — всего лишь вопрос времени. У папы действовало правило двух месяцев: если отношения длились больше двух месяцев, отец приводил возлюбленную к нам домой. По мне, идея отличная. Это спасло меня от вереницы безымянных женщин, отвалившихся уже на втором свидании. Но, по правде сказать, правило двух лет доставило бы мне куда больше удовольствия.

На данный момент папа встречался с Тришой уже два месяца и одну неделю.

— В холодильнике лазанья, — продолжил отец. — И проследи за тем, чтобы Иан сделал доклад по истории.

— Мне не нужна няня, — проворчал Иан.

— Хорошо, пап, — ответила я. Иногда казалось, что папа все еще считает нас с Ианом маленькими детьми, не способными о себе позаботиться. Как будто мы не заботились о себе в течение четырех лет.

Папа наклонился и поцеловал меня в макушку.

— Ладно, слышу по твоему голосу, что рекомендации для сиделки тебе не нужны. Спокойной ночи.

Как только папа ушел, я взяла тряпку и протерла стол и столешницы. В процессе я перечислила про себя все кости на моих руках. *Дистальные фаланги, промежуточные фаланги,proxимальные фаланги, пястные кости, запястья.* Названия отбивали в моей голове приятный, умиротворяющий ритм, пока я расставляла все по своим местам, следя, чтобы миски стояли аккуратно, а ложки не вываливались из ящичка. Возвращение вещей на их законное место, аккуратность и порядок всегда успокаивают меня и дают ощущение контроля.

Под стопкой ненужных писем, я нашла еще одну, купленную папой, книгу по самопомощи. *Новый ты: преодолей разочарование и страдания и обрети счастье.* Я отправила всю кучу с письмами и книгой в мусорку.

— Не наделай дел завтра, — сказала я Иану, поворачиваясь к нему. — Тот факт, что папы не будет дома, не дает тебе права срываешься с катушек. Я не смогу снова отпроситься с работы, если тебя застукают в кино.

— Все верно, — сказал Иан. — Меня ловят, когда я выхожу из него, а не вхожу.

— Только потому, что в первый раз ты пробрался не на тот фильм. В следующий раз я все расскажу папе.

— Ты нарушитель братского кодекса, — пробормотал Иан.

Я отправилась к себе в комнату, чтобы лечь спать. Когда я подошла к шкафу, мое внимание привлекли брошюры, сложенные в угол.

Проведи лето в Коста-Рике! — гласили яркие оранжевые буквы на листовке.

Я читала эти брошюры так много раз, что они начали рваться в местах сгиба. Это не были каникулы, это были три недели волонтерства в предместье Сан-Хосе с докторами и гуманитарными работниками. Это было крайне познавательно и послужило бы бонусом при поступлении в колледж, положив начало моей будущей медицинской карьере. Это был опыт всей жизни.

Стоимостью в четыре тысячи долларов.

Мне уже удалось скопить две тысячи, благодаря работе в “Будке Дигити” и деньгам, подаренным на день рождения бабушкой и дедушкой. Но мне предстояло собрать еще так много, а стажировка начиналась уже через два месяца, так что я не была уверена, что попаду в Коста-Рику этим летом.

Тем не менее, я уже внесла депозит, чтобы зарезервировать место, который не возвращают даже, если я не успею набрать нужную сумму к сроку. Это должно произойти этим летом, перед выпускным классом. Колледжи станут рассматривать мою заявку, и эта поездка послужит весомым доводом в пользу моего поступления.

Тонкий голосок в моей голове знал, что я вру. Я могла бы выбрать похожую программу поближе к дому, но я выбрала эту, потому что она в Коста-Рике. Мой взгляд переместился на карту, приколотую к стене над кроватью. На ней развернулся огромный мир, но желтыми кнопками были отмечены лишь несколько мест: Бельгия, Гонконг, Южная Африка, Ванкувер и Коста-Рика.

Если я закрывала глаза, то иногда могла вообразить себе маму, сидящую на краю моей кровати и рассказывающую мне истории обо всех далеких местах, которые она мечтала посетить. Пока одетая в дизайнерскую одежду мама Ханны Коэн грезила о прогулках возле Эйфелевой башни и плаванию по водным каналам Венеции, моя мама мечтала затеряться в джунглях, лесах и горах. Она хотела спрятаться от всего мира.

Но я никак не думала, что она захочет спрятаться и от нас тоже.

Мне потребовалась каждая унция моих переговорных навыков, чтобы убедить отца отпустить меня в Коста-Рику. Идея отослать меня на тысячи миль до сих пор его не вдохновляет, но он сказал, что я могу поехать, если сама заработаю деньги на поездку. Лишние деньги — не то, что в избытке у семьи с одним родителем и единственным источником дохода. Мольбы

повысить мне зарплату были последней надеждой заработать лишние деньги на постоянной работе.

Я вздохнула, отводя взгляд от брошюр и открывая шкаф, чтобы достать пижаму. Я бы добралась до Коста-Рики, несмотря ни на что. И искала бы в каждом уголке страны, пока не нашла бы ответы, которые мне так нужны.

Глава 2

— Любой придурок с минимальным знанием фаервола может войти в нашу школьную сеть, — изрекла моя лучшая подруга Молли Пински.

— И как же ты об этом узнала? — спросила я. — Собственноручно взломала ее?

Лицо Молли порозовело в тон окрашенным прядкам в ее блондинистых волосах.

— Нет, конечно. Я просто тестила настройки безопасности и поняла, что их явно недостаточно.

Одно из любимых занятий Молли — “тестить” настройки безопасности различных городских учреждений. К счастью бизнесменов Уиллоубрука, Молли взламывала системы не для того, чтобы навредить, а для того, чтобы проверить, сможет ли она войти. Затем она предлагала бизнесменам помочь по улучшению безопасности — естественно, за щедрое вознаграждение. Молли была бизнесвумен от природы.

— Я звонила мисс Ланкастер утром...

— Погоди, — перебила я. — Ты позвонила преподавателю информатики в воскресенье утром?

— Да, — ответила Молли.

— Домой?

— А где еще она могла быть в восемь утра? Короче, я пыталась донести до нее проблему с фаерволом, но она повесила трубку.

Я изобразила возмущенный вздох.

— Не может быть. Правда что ли?

Молли погрозила мне пальцем.

— Вот ты издеваешься, а дело серьезное. Я просто обязана сотворить что-нибудь со школьной системой, чтобы преподать им урок. Например, изменить свои оценки.

— Думаю, в первую очередь, ты навредишь этим себе, нежели другим, — заметила я. Средний балл Молли уже составлял самую высшую оценку. Единственное, что она могла сделать, это ухудшить его.

— Пусть тогда молятся, чтобы никто другой не пронал, как легко изменить свои оценки.

Молли могла весь день сокрушаться по поводу несправедливого отношения к ней со стороны мисс Ланкастер, если бы я не перевела тему.

— Мне очень нужно поговорить с тобой об Эллиоте, — сказала ей я.

Кроме меня, никто не удивился тому, что Молли с Эллиотом стали тусоваться вместе. С момента переезда в Уиллоубрук, два года назад, у нее были отношения с несколькими разными парнями, но Эллиот был для нее в новинку. Она носила рваные джинсы и армейские ботинки, он — брюки и рубашки поло. Молли говорила о базах данных и фаерволах, а Эллиот о трехочковых и чирлидершах в коротких юбках. Что вообще между ними общего?

Молли поерзала на диване в цветочек в своей гостиной и переключила внимание обратно на фильм про Джеймса Бонда, который смотрела. Естественно, про *Голдфингера*, ее любимый.

— Не начинай.

— Ты не видела его с Тарой прошлым вечером. Между ними что-то происходит, я точно знаю.

— Ты видела, как они целовались или слышала, как он зовет ее на свидание?

Я стиснула зубы и выдавила:

— Нет.

Молли сжала мою руку.

— Я доверяю Эллиоту. Я не истеричка, выходящая из себя всякий раз, когда ее парень заговорит с другой девушкой. И, кстати, официально мы пока *не вместе*. Просто общаемся и наблюдаем, к чему это приведет.

— Никто не скажет, что ты спятила, если ты будешь подозревать его. Он же обманывал Лилу Махони.

— Это было в девятом классе, — заметила Молли. — Думаю, за последние два года Эллиот хоть немного повзрослел.

— Даже не надейся, — пробормотала я себе под нос.

— Слушай, Эллиот может дружить с девушками. Он мог бы подружиться и с *тобой*, если бы ты позволила. Проведи ты с ним некоторое время и, я уверена, полюбила бы его так же, как я.

Я поджала губы и стиснула зубы. Молли не знала, что когда-то мы с Эллиотом уже дружили. Я поклялась, что сделаю все возможное, чтобы она не узнала о событиях четырехлетней давности.

Она была моей единственной подругой, единственным человеком, которому я доверяла так же, как брату и отцу. Между нами возникла связь, когда она заметила наклейку с практически никому не известной группой Hallow Flux на моем ежедневнике и в возбуждении сообщила, что закачала на свой iPod все их песни. С тех пор мы с Молли вдвоем дружим против остального мира.

Мне полагалось радоваться тому, что она нашла новую любовь, по крайней мере, по негласному правилу лучших подруг. Но эта девчонка влюблялась каждый месяц. Перед Новым годом она увлеклась президентом технического клуба. Еще раньше она была готова и встречалась с Брайаном Келли, который мазался черной помадой (я всегда могла с точностью определить, когда они целовались под лестницей, потому что его помада была размазана по ее подбородку). Сколько расставаний может выдержать один человек? Ей вот-вот дадут отставку и тогда мне *в очередной раз* придется приговорить вместе с ней коробку жирных клубничных чизкейков с мороженым, и я должна быть в восторге от этого?

— Из-за своей надуманной ненависти к Эллиоту ты раздуваешь трагедию из любой мелочи, которую он неосознанно делает, — заявила мне Молли.

У меня отвалилась челюсть.

— Неосознанно? Чем еще они с Тарой могли заниматься? *Наедине*?

— Обсуждать домашку? Или спорт? Или экономику? Нечто, никак не связанное с тем сценарием, который ты себе придумала.

Бедная наивная Молли. Всегда хочет думать о людях лучше. Она все еще не поняла, насколько жестоким может быть мир.

— Эллиот не так плох, как ты думаешь, — сказала Молли, отправляя в рот очередную горсть попкорна.

О нет, еще как плох. Но само собой, я не могла провести это лето под эгидой ненависти к Эллиоту. Так что стоит обратиться к другим гадостям, которые он совершил.

— А как насчет подножки, которую он поставил мне в спортивном зале?

Молли приподняла бровь.

— В этом году ты не занималась физкультурой. Как он мог поставить тебе подножку?

Я замахала руками.

— В восьмом классе! Он поставил мне подножку на смежном уроке с мальчишками.

— Только не говори, что ты лелеешь обиду на то, что произошло *три года назад*.

— Я ходила с синяками на коленках две недели, — сказала я.

— Ладно, — произнесла Молли с озорным блеском в глазах, — раз уж мы заговорили о событиях столетней давности, то что ты скажешь об инциденте с яйцом?

Я затолкала в рот огромную горсть попкорна, лишь бы не отвечать. Я не могла поверить, что Эллиот рассказал ей про это.

— Мне освежить твои воспоминания? — спросила Молли. — Третий тур школьных соревнований. Бег с яйцами на ложках. Ты разбила свое яйцо об голову Эллиота, когда он победил тебя.

Я проглотила размокший ком попкорна и сказала:

— Я такого не помню.

Она склонила голову набок, и ее блондинисто-розовая челка упала ей на глаз.

— Ну естественно, ты не помнишь. Эллиот *все* мне рассказал.

— Это было тысячу лет назад, — проворчала я.

— Как и все те аргументы, которые ты выдвигаешь против Эллиота.

— Он изменил Лилу всего два года назад. Откуда ты знаешь, что он не сделает этого снова?

Молли нахмурилась, выуживая из миски самые сырные зернышки.

— Ниоткуда. Но знаешь что? Я хотела бы узнать об этом сама.

Корри, мама Молли, неслышно проскользнула в комнату в пижаме со снежинками и тапочках с новогодней елкой, хотя с Рождества минуло уже пять месяцев.

— Снова Шон Коннери? — спросила она, перевесившись через диван, чтобы зачерпнуть немного попкорна. — Ох, мне бы такого красавчика, взболтайте, но не перемешивайте, пожалуйста.

Молли поежилась.

— Боже, мам. Оставь свои престарелые фантазии для кого-нибудь другого.

По сравнению с другими родителями, мама Молли не была старой и выглядела моложе своих лет. У неё были длинные светлые волосы и такие же голубые глаза, как у дочери. С тех пор, как десять лет назад они с отцом Молли развелись, она ненавидела, когда я называла ее миссис Пински.

— Корри, — сказала я, воспользовавшись появлением беспристрастного свидетеля по своему делу, — поделитесь мнением. Если кто-то ведет себя как полный придурок круглые сутки напролет и флиртует с другими девушками, следует ли девушке, заинтересованной в отношениях с ним, учесть ошибки и прижать его к стенке?

Корри склонила голову набок точно так же, как делала Молли.

— Зависит от того, насколько пареньексуален?

— Отвратительный, — сказала я, одновременно с Молли, заявившей: — Шикарный.

Корри засмеялась.

— Вижу, этот спор не прекращается уже очень долго, — она закинула в рот попкорна, прожевала его и произнесла: — Единственный способ решить его, это прийти к компромиссу, девочки.

— К какому? — поинтересовалась Молли.

— Встретиться с ним пару раз, а потом прижать к стенке, — сказала Корри и, шаркая, покинула комнату.

Молли передернуло.

— И почему я сейчас вижу перед собой собственную мать, флиртующую с рандомными мужиками? Агрх! — она постучала себя по голове.

— Вернемся к *нашей* проблеме, — напомнила я. — Я не такая всепрощающая и доверчивая, как ты. Предал один раз, предаст и во второй.

— Люди меняются, — сказала мне Молли. Она вздохнула, выудив из миски несколько попкоринок. — Тебе станет легче, если я пообещаю не влюбляться в него до тех пор, пока ты не представишь железобетонные доказательства его виновности?

— Да! — выкрикнула я.

Она метнула в меня хитрый взгляд.

— Я бы так не радовалась на твоем месте. Я не обещала, что перестану с ним общаться, но от перевода отношений на более серьезный уровень, так и быть, воздержусь. Устрою что-то вроде испытательного срока, на месяц. Если он докажет, что достоин

доверия, я вольна встречаться с ним столько, сколько захочу. А также, вольна выйти за него замуж и нарожать тысячу детишек-хакеров, если пожелаю. Идет?

Я протянула ей, испачканную в сыре руку.

— Идет.

Мои губы изогнулись в довольной ухмылке, когда она пожала ее. Все, что мне нужно, это дождаться, когда Эллиот и Тара совершают промашку — а они, без сомнений, совершают ее — и тогда я спокойно избавлюсь от Эллиота Райсера.

Глава 3

— В течение следующих шести недель, — сказал мой учитель по бизнес-экономике мистер Фримен в понедельник вечером, — мы будем проводить эксперимент.

Большая часть класса при этих словах застонала. Бизнес-экономика — не тот предмет, на котором ждешь каких-то экспериментов. Это был один из тех “A” факультативов, на которых читаешь кучу материала из учебника, участвуешь в обсуждениях, а потом сдаешь несколько тестов. Все любили мистера Фримена, который выпустился из колледжа всего два года назад и придерживался непринужденной методики преподавания, но нигде в описании курса не было ни слова об экспериментах.

Мистер Фримен поднял вверх руку.

— Все не так уж страшно. Весь год мы изучали законы бизнеса и принцип работы компаний. Теперь вы узнаете об управлении компанией из первых рук. Вы разделитесь на пары. Задача каждой пары — построить бизнес с нуля. Вы напишите бизнес-план, подготовите предложение о заключении ссуды и будете получать еженедельные отчеты о своей деятельности. Кроме того, вы получите несколько задачек, которые я случайным образом буду подбрасывать вам по ходу вашей деятельности.

И в самом деле, звучало не так страшно. Некоторые ученики уже начали разбиваться на пары, так что я повернулась к Молли, намереваясь попросить ее стать моим партнером, когда мистер Фримен заговорил снова.

— Я определю пары, вытащив имена из этих двух мисочек, — мистер Фримен показал нам две пластиковые пиалки. — Мальчики в одну, девочки в другую. Поскольку девочек у нас больше, чем мальчиков, две оставшиеся девочки тоже составят пару. Я хочу, чтобы это был *настоящий* эксперимент, и вы поработали с тем, с кем до этого еще не работали. С кем-то, с кем вы не можете даже вообразить совместный бизнес, — он усмехнулся. — Потому что в реальном мире вы не всегда сможете поладить со своими коллегами.

Молли подняла вверх скрещенные пальцы, в надежде, что двумя девочками, которым не хватит пары, будем мы с ней.

— Первая команда, — провозгласил мистер Фримен, — Нейтан Томпсон и Молли Пински.

— Я требую перераспределения! — воскликнула Молли. Она взглянула на Нейтана — тощего паренька в огромных очках. Он занимал должность моего секретаря в математическом клубе и был довольно приятным, хоть и тихим парнем. — Без обид, Нейт, — сказала она ему, прекрасно зная, что Нейтан не выносит, когда его называют Нейтом. Лоб над очками нахмурился.

— Никаких перераспределений, — отрезал мистер Фримен. Он достал еще несколько пар из мисочек и наконец... — Следующая команда — Зак Грили и Эйвери Джеймс.

Я тихонько застонала себе под нос. Зак посмотрел на меня со своего места через несколько рядов и поднял вверх большой палец. Я сомневалась, что он воспримет задание всерьез, так что мой высший балл находился под угрозой. Плюс ко всему, мне, скорее всего, придется вести записи самостоятельно, чтобы он не потерял их или не изваждал в

грязи. Я сморщила нос при взгляде на его грязные конверсы. Подошва его левого ботинка держалась на клейкой ленте.

Чтобы выполнить проект хорошо, я должна была сделать его сама.

Сидящая прямо перед Заком Ханна развернулась на стуле. Со странным выражением на лице, она задержала на мне взгляд на чуть дольше, чем следовало. Я слегка поежилась, игнорируя ее. Что ей сегодня не так? Слава богу, я не попала к ней в пару. Я представила себе все возможные способы, которыми она мучила бы меня на протяжении проекта.

Что, если она заставит Зака издеваться надо мной вместо нее? Пошел бы он на это? Он встречался с главной ведьмой Уиллоубрука, так что где-то в нем должна быть червоточинка.

Когда звонок оповестил об окончании занятия, Зак подошел ко мне, пока я собирала книги.

— Привет, партнер, — сказал он, широко улыбнувшись.

— Привет, — Зак умел заразительно улыбаться, так что я улыбнулась в ответ, хоть и не хотела.

Ханна стояла у двери и наблюдала за нами из-за его плеча.

— Думаю, нам нужно скооперироваться и встретиться где-нибудь для мозгового штурма, — сказал Зак. — У меня уже есть пара идей, но если они покажутся тебе тупыми, только скажи. Потому что иногда я разрабатываю безумные планы и сам не осознаю, насколько они безумны до тех пор, пока не скачусь вниз по тротуару на скейте, запряженном горсткой карликовых пуделей. Это, можешь мне поверить, не лучший способ передвижения.

— Что ж, можно... — мои руки замерли в воздухе, учебник по экономике влез в сумку лишь наполовину, и я резко вздернула голову. — Погоди. *Что?*

Зак рассмеялся.

— Да так, нечто, что я пытался осуществить пару недель назад. Собаки моего соседа затею не оценили. Как и сам сосед.

Я мотнула головой, отгоняя образ Зака на скейте в собачьей упряжке.

— Сегодня я не могу, работаю. Но как насчет завтра после школы? В Розовом замке?

Зак кивнул и зачесал длинную черную челку, упавшую ему на глаза, пока он совершил движения головой.

— Сегодня мне тоже на работу, но завтра я найду время. Буду ждать тебя там в три тридцать.

— Отлично.

Зак еще раз улыбнулся мне, затем развернулся и зашагал к Ханне, которая в последний раз окинула меня тяжелым взглядом и покинула помещение вместе с Заком.

— Джеймс! — рявкнул мистер Трокмортон, как только я вошла в “Будку Дигити” через заднюю дверь после школы. — Уоткинс заболела, так что ты сегодня Боб!

У меня отпала челюсть.

— Но я была Бобом в субботу! — надевать на себя вонючий костюм хот-дога второй раз за неделю — совсем *не то*, о чем я мечтала.

— Никаких возражений, — сказал мистер Трокмортон прежде, чем исчезнуть в своем кабинете.

Я затолкала свой рюкзак в шкафчик и потопала к другому. Это так в духе Тары, оказаться больной в день, когда она должна была работать Бобом.

У меня не осталось времени даже на то, чтобы насладиться свежим кондиционированным воздухом в “Будке Дигити”, как уже нужно было идти на улицу под

палающее солнце. Только я застегнула костюм и опустила на лицо сеточку, как кто-то вошел в дверь позади меня.

— Привет, — криво улыбнулся мне Эллиот. — Хочу сказать, что ты самый милый из всех гигантских хот-догов, которых мне доводилось видеть.

Это он мне? Я осмотрелась по сторонам настолько, насколько позволял костюм, проверяя, нет ли в помещении других гигантских хот-догов.

Эллиот закинул рюкзак в шкафчик.

— Жаль, что сегодня мы не вместе на приготовлении хот-догов.

Он принял меня за Тару! Определить, кто находится под костюмом трудно, а сегодня ее очередь быть Бобом. Должно быть, он не знал, что она заболела.

— Что ж, — сказал Эллиот, убеждаясь, что его красная форменная рубашка от “Будки Дигити” аккуратно заправлена в штаны, — пойду лучше, пока мистер Трокмортон не наорал на меня за то, что я не стою на хот-догах. Увидимся на перерыве, окей?

Я показала ему поднятый вверх большой палец. Если бы я заговорила, он бы понял, что внутри не та, о ком он думал. Я сама не знала, почему позволила ему поверить, что я это Тара, но что-то подсказывало мне, что я смогу использовать это как преимущество.

Все время на улице я не переставая думала об Эллиоте, Молли и Таре. Я знала, что за спиной Молли что-то происходит. Он такой скользкий. И всегда был скользким гадом, распускающим слухи, обманывающим и забывающим о тебе при первой возможности.

Никому не удастся изменить моей лучшей подруге и уйти безнаказанным.

Так что пока я исполняла для детишек фирменный танец Дигити, в моей голове, одна за другой, рождались идеи насчет Эллиота и выпавшей мне возможности.

— Танцуй! — снова потребовала стоящая передо мной маленькая девочка.

Я застонала.

— Довольно, малышка. Я и так станцевал для тебя пять раз.

Боб не должен разговаривать с посетителями, но эта девчонка довела меня до точки кипения. Ноги отваливались от боли, синтепоновый костюм прилип к вспотевшей коже.

Лицо девочки побагровело, и она сжала губы в одну тонкую линию, округлив глаза. Мне знакомо это лицо. Я достаточно долго работаю с детьми в “Будке Дигити”, чтобы понять, когда они готовы удариться в истерику.

— Ладно, хорошо, станцуешь я, — быстро сказала я, начиная шаркать ногами. Двигалась я медленнее и не с таким энтузиазмом как в первые четыреста раз, но надеялась, что этого хватит.

К несчастью, я забыла о другом детском выражении лица, схожим с готовностью впасть в истерику.

Лицо, которое бывает перед рвотой.

Это-то и произошло с девочкой с тонкими косичками, когда я закончила танцевать. Пережеванные кусочки хот-дога вырвались из ее рта и приземлились прямо на мой костюм.

Мать девочки схватила дочь за руку и оттащила от покрытого блевотиной хот-дога. На мгновение я застыла на месте, широко раскинув руки в сторону, стараясь не дотрагиваться до рвоты.

Подбежавшие мальчишки из средней школы, стали тыкать в меня пальцами и хохотать. Это вывело меня из ступора, и я понеслась в “Будку Дигити” прямо в туалет для персонала.

Я пыталась отмыться, избрав лучший способ для того, чтобы не испачкаться в блевотине, а именно, оставаться в костюме. Поэтому я все еще была костюме хот-дога, когда в дверь за моей спиной постучали.

— Занято! — крикнула я.

Однако дверь все равно открылась, и внутрь проскользнул Эллиот. Я вернула сетку на место прежде, чем он успел увидеть мое лицо.

— Так и думал, что ты тут, — взглянув на костюм, он сморщил нос. — Боже. Снова ребенка стоянило?

Я постаралась подделать голос Тары.

— Ага, просто ужас, — для убедительности в конце я добавила смешок.

— Давай помогу, — забрав у меня бумажное полотенце, Эллиот принялся вытираять костюм. Не каждый парень отважится стирать с девушки блевотину.

— Вот так, — сказал он через минуту, добродушно улыбнувшись. — Худшее позади.

Тот факт, что Эллиот принял меня за Тару, убивал в нем любую порядочность. Я ни разу не видела, чтобы он очищал от блевотины Молли.

— Спасибо, — процедила я сквозь зубы.

— Нет проблем. Всех нас облевывали в этом костюме так или иначе.

Его улыбка померкла, и лицо стало серьезным, когда он взглянул на меня, его глаза искали мои через сетку.

— Как ты? Думала о нашем вчерашнем разговоре?

О чём, о чём они вчера говорили? В моем мозгу мгновенно возникли тысячи идей. О том, чтобы начать встречаться? О том, чтобы сбежать с ним в Вегас? В каждом из сценариев, я видела Эллиота с Тарой, держащимися за руки и смеющимися над ни о чём ни подозревающей глупышкой Молли.

Я поняла, что Эллиот все еще смотрит на меня в ожидании ответа. Как бы Тара ответила на этот вопрос?

— Ох, эмм... — захихикала я. — Я еще не решила. Это был довольно туманный ответ, который, как я надеялась, не должен был вызвать подозрений.

Эллиот раздраженно вздохнул.

— Ты не сможешь скрывать это. Рано или поздно, тебе придется столкнуться с правдой.

Правдой? Правдой о том, что Эллиот влюблен в Тару и потому околачивается вокруг неё? Или, по крайней мере, хочет околачиваться? Может, Тара не согласна быть одной из двух и держится на расстоянии?

Я сжала руки в кулаки под плюшевыми перчатками.

— Ты, скользкий гаденыш, плетешь интриги за спиной Молли!

Эллиот моргнул.

— Что ты...

Он замолчал и прежде, чем я успела отойти от него, сдернул с моей головы верхушку хот-дога и зло уставился на меня.

— Эйвери, — прорычал он. — Я должен был догадаться.

Я выдернула сетку из его рук.

— В этот раз я поймала тебя с поличным. Я знала, что ты встречаешься с другими девушками, пока Молли не видит, и теперь докажу это.

Эллиот покачал головой.

— Ты не в своем уме, Эйвери Джеймс. И ты понятия не имеешь, о чём говоришь.

Он развернулся и вышел из помещения, оставил меня с кучей влажных, пропитанных рвотой, полотенец.

Глава 4

В Розовом замке стоял гул от музыки и разговоров, когда я вошла в него после школы на следующий день. Я протолкнулась через толпу, проверяя, не делает ли Зак то же самое.

Однако его нигде не было, так что я заказала шоколадный шейк, села за свободный столик и достала тетрадку по экономике.

Я была так увлечена записыванием идей, что не заметила подсевшего ко мне человека, сказавшего:

— Привет, Эйвери.

Я подняла взгляд, испуганно посмотрев в знакомые голубые глаза Эллиота Райсера.

— Что ты тут делаешь? — прошипела я.

— Увидел, как ты сидишь тут в одиночестве, и решил составить компанию, — сказал Эллиот. — Ты выглядела так одиноко.

— Вообще-то, я жду кое-кого, так что можешь идти.

— А может, я останусь пока этот кое-кто не придет? — изрек Эллиот, откидываясь на спинку сидения и всем своим видом показывая, что уходить не собирается.

— Я, правда, занята. Готовлюсь к важному проекту по экономике, — я постучала ручкой по тетрадке.

— Но, видимо, не настолько занята, чтобы рушить мою жизнь, — сказал Эллиот, подавшись вперед и обхватив ладонями мои руки. Он сжал их так, что у меня не было возможности вырваться.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Я знаю, что ты рассказала Молли о своих домыслах по поводу происходящего, — ответил Эллиот. — И теперь она заявила, что я на испытательном сроке.

Я пожала плечами.

— Сочувствую.

Лоб Эллиота изрезали морщинки.

— Вне зависимости от того, что ты думаешь, я бы *никогда* не изменил Молли.

— Да, я вижу, как ты не изменяешь ей с Тарой. Стоит ей поцеловать тебя в твои поганые губы, и ты не сможешь сказать нет.

Эллиот послал мне сальную улыбку.

— Ты же знаешь, что у меня не поганые губы.

Меня передернуло.

— Ха. Не льсти себе. Это была ошибка, которую я никогда не совершу снова, — прежде чем продолжить, я позволила напряженному молчанию повиснуть между нами. — Сейчас я сделаю все возможное, чтобы защитить от тебя Молли.

— Я никогда не сделаю ей больно.

— Ну конечно, — сказала я, почувствовав, как задрожали под столом мои ноги. Попытавшись слглотнуть ком в горле, я поперхнулась. — И мне, надо думать, ты тоже больно не сделал, раз уж мы *были* лучшими друзьями.

Все слова, которые Эллиот наговорил мне в день, когда они с Ханной перестали со мной дружить, эхом отзывались в моей памяти. Нам было почти по тринадцать, и лето только начиналось, прошло всего несколько дней после окончания седьмого класса. Тогда-то, в подвале родителей Эллиота, через дорогу от моего дома он и сказал, что будет ненавидеть меня вечно и желает мне провести остаток жизни в комнате без друзей. Ханна же обозвала меня лицемерной предательницей и швырнула в меня своей половинкой кулона “лучшие подружки”.

Я сжала зубы, чтобы сдержать дрожь в подбородке и уставилась на Эллиота.

На его лице промелькнула вспышка вины.

— Эйвери, я...

— Прости, опоздал.

Мы с Эллиотом подняли взгляд на застывшего у стола Зака. Он улыбнулся мне и скорчил рожицу Эллиоту.

— Зак, — облегченно произнесла я. Он мог бы стать моим рыцарем в сияющих доспехах, если бы я верила в подобные вещи. По крайне мере, у меня появился повод отделяться от Эллиота. — Рада, что ты пришел.

Осмотрев Зака с лохматых каштановых волос и до грязных ботинок, Эллиот нахмурился еще больше. Сам Эллиот, как обычно, был одет в выглаженную рубашку поло, аккуратно заправленную в брюки.

— Грили, — ворчливо поприветствовал он.

— Райсер, — отозвался Зак. Он указал на занятое Эллиотом место и спросил: — Это мое место?

— Да, — ответила я. — Эллиот уходит.

Эллиот еще немного посмотрел на Зака, затем встал и повернулся обратно ко мне.

— Позже поговорим, Эйвери. Ты не можешь вечно от меня прятаться.

Зак проводил его насмешливым взглядом.

— Похоже, вы с Эллиотом ну *очень хорошие* друзья.

Я фыркнула.

— Ну да, конечно. Он самый важный для меня человек во всем мире и он, я уверена, того же мнения обо мне.

Зак вскинул бровь.

— Хочешь поговорить об этом?

Я помотала головой.

— Абсолютно точно, нет. Давай займемся проектом.

Зак выудил из рюкзака тетрадку и раскрыл ее на столе перед собой.

— В общем, я пытался придумать несколько идей для нашего бизнеса, но это оказалось сложнее, чем я думал. Все мои идеи довольно неубедительны.

— Давай обменяемся списками, — я развернула к себе его тетрадь, чтобы прочесть то, что придумал он и показать, что придумала я. — А все не так плохо. Фотостудия — отличная идея. Погоди-ка, тут написано “чуваковое ранчо”?

— Именно, — сказал Зак, улыбнувшись мне. — Когда я был маленьким, то всегда мечтал о собственном ранчо. Я полагал, что этот проект окажется самым интересным, и я получил, что хотел.

Я засмеялась, радуясь, что Зак отвлек меня от столкновения с Эллиотом.

— Я ничего не знаю об открытии ранчо, пусть и воображаемого.

Зак пожал плечами, пробежав глазами мой список.

— Ничего. Это ведь должно стать приключением, так? — он ненадолго замолчал, потом продолжил: — Не возражаешь, если мы вычеркнем зоомагазин из твоего списка? У меня, эм, напряженные отношения с птицами. А ты, полагаю, не захочешь открывать зоомагазин, в котором не будет птиц.

Я хлюпнула носом, разглядывая его.

— Что значит *напряженные отношения* с птицами?

Зак втянул ртом воздух и быстро сказал:

— Птицы меня пугают.

Он поерзал на сидении под моим взглядом, стуча пальцами по столу, пока я переваривала информацию. Вокруг нас все еще стоял устойчивый шум, пока люди ели и разговаривали.

— Птицы, — уточнила я, — *пугают* тебя?

— Да. Просто до чертиков пугают.

— То есть, обычные птицы? Которые летают на улице? — я помахала руками, изображая крылья.

— Не делай так! Агрх! — кончики его ушей слегка покраснели. — Я знаю, что это глупо, но я не люблю птиц. Все эти хлопающие крылья и клювы, так и ждущие момента выколоть тебе глаза. И *когти*, — он содрогнулся. — Даже не говори мне о когтях.

Я не совсем понимала эту его птицефобию. Я с трудом представляла, как крохотная птичка может пугать парня ростом в пять футов и весом в сто восемьдесят фунтов.

— И что же ты делаешь на улице? — спросила я. — Там ведь повсюду птицы.

— Пока они сидят на деревьях или летают в небе, все в норме. Но я не хочу, чтобы они летели на меня или находились менее чем в десяти футах над моей головой. Поэтому я не хожу на пляжи. Ты чаек *видела*? Их там пруд пруди, и, я клянусь, каждый звук, который они издают — это план, как бы получше сгруппироваться и напасть на меня.

— На тебя нападали птицы?

Зак опустил голову и передернул плечами.

— Нет. Но одна из них нагадила на меня, когда мне было шесть. Слушай, я понятия не имею, почему ненавижу птиц, но так уж вышло. И всегда ненавидел. Можешь считать меня странным или сумасшедшим. Но я ненавижу птиц и все тут. И не хочу иметь с ними ничего общего.

— Ты же понимаешь, что это гипотетический проект, — уточнила я. — И мы не станем использовать настоящих птиц даже, если решим открыть зоомагазин.

— А я все равно не хочу иметь с ними дела, пусть и с гипотетическими! — воскликнул Зак, замахав руками, как будто отгонял невидимых птиц.

— Ладно, — сказала ему я, подняв руки. — Никаких гипотетических птиц. И зоомагазинов. У меня идея. Давай я пройдусь по твоему списку и выберу самое лучшее, а ты по моему. А потом выберем что-то более конкретное.

— Прекрасный план, — ответил Зак. Теперь, когда я согласилась не привлекать воображаемых птиц, он, казалось, выглядел спокойнее.

Мы прошлись по спискам друг друга, отметив те пункты, которые понравились нам больше всего. У Зака было несколько глупых идей, но вместе с тем и несколько удачных. По правде говоря, ни одна из них не впечатлила меня достаточно сильно, но я готова была пойти на компромисс.

— Ладно, — сказал Зак через несколько минут. — Давай посмотрим, что у нас есть.

На основе обоих списков мы выделили девять идей.

— Ой, — сказала я, увидев отметки Зака, — вот это можно вычеркнуть.

Я указала на строчку, в которой было написано “Бизнес по подбору пары”.

— Это глупо. Я просто записывала все, что приходило в голову. Не думаю, что это лучшая идея для бизнеса.

— Почему нет? — спросил Зак искренне, недоумевая. — По мне, это самая лучшая идея из списка. Другие команды даже не подумают о таком, так что риск, что наш бизнес совпадет с чьим-то еще — минимален. К тому же столько людей готовы платить огромные деньги за возможность найти истинную любовь.

— Не уверена, что мистеру Фримену понравится, — сказала я. — Возможно, он станет настаивать, чтобы мы выбрали настоящий бизнес.

— Подбор парочек — это настоящий бизнес, — гнул свое Зак. — Разве ты не видела подобные рекламные ролики по телеку? Тысячи веб-сайтов существуют только за счет того, что сводят людей друг с другом. Хмм... наш бизнес может состоять из двух частей — онлайн-сервиса и личных консультаций для местных жителей. Так что нам понадобятся программист, чтобы поддерживать сайт и парочка работников, которые будут проводить собеседования с глазу на глаз. Также, для экономии кадровых расходов, они могут помогать нам с интернет приложениями.

И прежде чем я успела что-то сказать, Зак открыл чистую страницу в своей тетради и стал записывать все высказанные им идеи. Его рука парила над страницей, но даже при

такой скорости, я сомневалась, что ручка поспевала записывать все слова, вылетающие из его рта.

— Нам нужно придумать название, — сказал Зак. — Что-то броское, но не слишком слашавое. Без обид, но я против мимимишности.

— Зак, — сказала я, пытаясь вклиниваться в стройный поток его мыслей.

— Может, “Любовь от А до Я”? От Эйвери до Зака?¹. О! Мы могли бы предлагать сотрудничество частным клиентам, у которых есть свои приложения. Продвижение с целью привлечения клиентов. И нам *определенно* нужна реклама.

Я попробовала снова.

— Зак.

Но он будто не слышал меня.

— Думаешь, нам стоит ограничиться определенной возрастной категорией? Сводить подростков, например? Или взрослых? Несовершеннолетние клиенты могут вызвать проблемы с безопасностью и злоумышленниками...

— Зак!

Несколько, сидящих рядом людей оглянулись на нас после моего выкрика. Зак моргнул и уставился на меня.

— Что? — спросил он. — Тебе не нравится? Это же была *твоя* идея.

Я покрутила соломинку между пальцами.

— Знаю. Но это просто шутка. Мы не можем использовать сводничество в качестве идеи для классного проекта.

— Но идея-то хорошая. Она отличается от всяких магазинов с одеждой или ресторанов, которые выберут другие команды. Кроме того, это сервис, который делает людей счастливыми. Что может пойти не так?

— Как насчет — все? — спросила я. — Сводничество — ничто иное, как мошенничество. Любой дурак сможет составить пару из людей со схожими целями и интересами. Зачем людям платить за это?

Зак пожал плечами.

— Люди *и так* платят за это все время. Не все такие симпатичные, как ты, и привлекают самцов со всей округи, заставляя тех бросаться к твоим ногам.

Я кинула в него соломинкой через стол.

— Я серьезно. Весь бизнес по подбору пар — фикция и зиждется на идиотах, которые думают, что нуждаются в ком-то, чтобы наполнить свою жизнь смыслом.

— Как ты можешь уже сейчас быть такой циничной в вопросе любви? — Зак постучал ручкой по костяшкам моих пальцев. — Ты еще даже старшую школу не закончила.

— Отношения — это пустая трата времени и сил. Я не из тех, кто станет волочиться за каждым милым парнем, который посмотрит мне вслед.

— Считаешь меня милым? — спросил он, подмигнув.

Я ненавидела краску, которая поползла вверх по моей шее, когда он улыбнулся. Нужно было вернуть контроль над этим разговором, прежде чем Зак заметит, что смущил меня. Я села прямо, расправила плечи и положила свой карандаш параллельно краю тетрадки, наводя небольшой порядок в хаосе, который учинил на нашем столике Зак.

— Как пожелаешь, — произнесла я.

Зак снова постучал ручкой по моим костяшкам, улыбаясь и отбивая ритм в своей голове на моей коже.

¹ По-английски имена героев пишутся как Avery и Zac, то есть начинаются с первой и последней буквы английского алфавита (прим.пер.).

— Никто не хочет отделяться от социума. Всем нужна любовь, так что... — он махнул рукой в сторону записей в нашей бизнес тетради. — Та-да! Всем нужны свахи.

От его постукиваний покалывало руку. Я накрыла ее второй рукой, растирая тыльную сторону ладони, чтобы избавиться от покалывания.

— Не всем. Я не настолько наивна, чтобы принять научный факт за искусственную духовную связь.

— Ох, правда? — хохотнул Зак, перегибаясь через стол так, что его лицо оказалось в нескольких дюймах от моего. — И что же говорит о любви наука?

Он был так близко, что я могла видеть золотые крапинки в его темно-карих глазах. Под левым глазом Зака притаилась едва заметная родинка, и над верхней губой виднелся светло-персиковый пушок. Я слегка щекнула и процитировала слова, отложившиеся в моей голове за годы чтения медицинских пособий. — Любовь — это форма удовольствия. За удовольствие отвечает выброс эндорфинов. Черты, привлекающие нас в других, связаны с феромонами. Если твои феромоны совпадают с феромонами другого человека, ты испытываешь притяжение и думаешь, что влюбился. Но, на самом деле, все это только в твоей голове. В буквальном смысле этого слова.

Теперь Зак улыбнулся еще шире и легонько щекнул ручкой мне по носу.

— Ты прямо ходячая медицинская энциклопедия. Знаешь все и обо всем, не так ли?

Его темные глаза смотрели прямо на меня, и уголок губ изогнулся в слабой улыбке, как если бы он уже знал, что я собиралась сказать, и не верил в это.

Нет, не все, я еще даже не начала изучать его.

— Я знаю достаточно, чтобы не идти на поводу у простой биологии.

Я смерила его долгим взглядом, молча позволяя ему опровергнуть мои слова или попытаться убедить меня в обратном. Но он не стал. Он просто так же, молча, уставился на меня в ответ, пока краска окончательно не залила мое лицо, заставив отвести взгляд.

Я сделала небольшой глоток, чтобы промочить неожиданно пересохшее горло и сказала:

— Я по-прежнему считаю сводничество мошенничеством, но, если ты думаешь, что это хорошая идея, так и быть. Мне главное получить пятерку.

Оставалось надеяться, что мистер Фримен отвергнет наш проект и заставит придумать что-то другое.

Глава 5

— Хорошо, — сказала Ханна Коэн, стукнув молотком по столу. — Решено. Деньги, вырученные с Весенней дворовой распродажи, пойдут в местный приют для животных. Уверена, собаки и кошки будут очень благодарны за еду, которую купят.

Молли откинулась на спинку сидения с противоположной стороны от Ханны, чтобы скрочить рожу и покачать головой, подражая манере Ханны выступать на собраниях младшего школьного совета. Я закашлялась, маскируя смех. Ханна относилась к своим обязанностям президента младшего школьного совета слишком серьезно и всегда вела себя более надменно, нежели на собраниях, которые мы проводили раз в месяц.

Однако хихикающий вице-президент — не лучший пример для остальных членов нашего совета. Пусть даже кривляние Молли уморительно до слез.

Ханна бросила на меня короткий взгляд, затем откинула волосы и сказала:

— Еще какие-то вопросы?

Натали Спинелли, подружка Ханны, подняла руку.

— Я хотела бы обсудить выборы короля и королевы в этом году.

Ножки стула Молли с громким стуком ударились об пол, и она резко выпрямилась на сидении.

— Что тут обсуждать? Выборы короля и королевы класса — архаичный ритуал, который следовало бы отменить лет двадцать тому назад. Неужели мы станем принимать всерьез школьный конкурс на популярность? Поправьте меня, если я ошибаюсь, но разве сейчас не двадцать первый век?

Послышалось несколько бормочущих голосов, одни поддерживали Молли, другие явно нет, и тут Ханна снова постучала по столу своим молотком.

— Ваши замечания приняты к сведению, мадам секретарь, — сказала Ханна Молли, — но отклонены. Выборы короля и королевы класса — давняя традиция Уиллоубрук Хай, заключающаяся в том, что каждый год мы чтим тех, кто пришел раньше нас. Выступаю за предложение обсудить выборы, выдвинувшее вторым членом Спинелли.

Ну, еще бы. За избрание Ханны королевой проголосовали, как новички, так и второгодки. Она уже знала, что титул королевы младших классов у нее в кармане.

После очередного мучительного обсуждения выборов короля и королевы класса — под “обсуждением” я имею в виду причины, по которым Ханна должна была стать королевой — собрание, наконец, закончилось.

— Слава богу, — выдохнула я, собирая рюкзак и пенал. — Еще пять секунд, и я прибила бы себя молотком Ханны.

Молли, которая сидела, надувшись на протяжении всего обсуждения, и отказалась делать пометки по ходу собрания, посмотрела вслед покидающей класс Ханне.

— Все бы отдала за то, чтобы она проиграла на выборах. Представляешь, каким бы ударом это для нее стало?

Я представляла. Она проревела четыре дня, когда проиграла мне в конкурсе правописания для четвероклассников. Удивительно, как нам удавалось дружить до великого разрыва, если учесть, как часто мы соперничали друг с другом за одни и те же награды и титулы.

— Ханна не проиграет, — сказала я. — Слишком многих она одурачила своей невинностью.

Мы вышли из кабинета, в котором обычно проходили собрания школьного совета и спустились в холл.

— Кстати, а какой бизнес вы придумали для классного проекта? — поинтересовалась Молли.

— Зак просил никому ничего не рассказывать до следующей недели, — ответила я. Молли издала негодящий звук.

— Не можешь сказать даже *мне*, своей лучшей подруге во всей вселенной?

Я закатила глаза.

— Ладно уж. Это сервис для подбора парочек.

— Крутяк! Украду-ка я эту идею.

— Не имеешь права, — процедила я сквозь зубы. — Если Зак узнает, что я тебе рассказала, он убьет меня.

Молли потрепала меня по плечу.

— Не заводись. Мы с Нейтаном уже придумали бизнес. Мы откроем пекарню.

Ее слова слегка меня обескуражили.

— А что ты знаешь о выпечке?

— Ничего, — отозвалась Молли. — Но это была единственная идея, с которой мы оба согласились. Он любит печь, я есть. Плюс, в своих мыслях, я представляю, что мы тайные агенты ЦРУ, а пекарня — прикрытие, чтобы никто ничего не заподозрил.

В нескольких футах от нас от толпы отделился Эллиот. Агрх, я была абсолютно не в настроении общаться с ним после того, как последний час я провела с Ханной. Я втолкнула Молли в туалет для девочек, прежде чем она успела его увидеть.

Молли стрельнула в меня раздраженным взглядом, разгладив складки на своей юбке.

— Да что с тобой не так?

— Ничего, — сказала я. — Мне просто нужно в туалет.

— Ааххххх, — Молли скрестила руки на груди и облокотилась на раковину. — И тот факт, что к нам шел Эллиот, совершенно с этим не связан?

Если Молли когда-нибудь станет секретным агентом, ее цель никогда не исчезнет из поля ее зрения, благодаря экстраординарной чуйке.

— Конечно, нет. Я его даже не видела.

Молли посмотрела на меня недоверчивым взглядом.

Я отвернулась и стала поправлять волосы перед зеркалом. Не то, чтобы моя прическа нуждалась в улучшении, однако это позволило мне на чем-то сфокусироваться.

— Эй, — сказала я, — как думаешь, твоя мама заплатит мне, если я снова подстригу ваш газон?

— Не думаю, — безапелляционно заявила Молли. — В прошлый раз ты подстригла его слишком коротко. Потребовался месяц, чтобы трава отросла до нормальной длины.

— Я говорила, что нужно поменять газонокосилку.

Молли порылась в рюкзаке и вытащила оттуда арбузный блеск для губ.

— Дело не в газонокосилке, а в человеке, который ей пользовался.

Я вздохнула.

— Мне нужно найти подработку, чтобы заработать еще денег, иначе не видать мне Коста-Рики этим летом.

— Моя сестра могла бы иногда нанимать тебя в качестве сиделки, — сказала Молли.

— Если пообещаешь не ронять и не терять ребенка.

Я сморщила нос при мысли о грязных подгузниках. Подтирание детской попы — не лучший вариант, каким бы милым ни был племянник Молли.

— Боюсь, что даже после этого не накоплю нужную сумму, — сказала я, хмурясь своему отражению. — Эта программа — шанс всей жизни. Я ждала своего взросления долгие годы, чтобы поехать. Если я не поеду этим летом, выпадет ли мне еще раз такая возможность?

— Ты поедешь туда, — сказала Молли. — Я могу одолжить тебе двести долларов из своих.

Я улыбнулась.

— Спасибо, но я не могу взять у тебя деньги. Ты ведь копишь на новый компьютер.

Молли пожала плечами.

— У меня еще будет куча компов в будущем. Так что предложение в силе, если нужно. Пойду, перехвачу Эллиота. Ты со мной?

Я покачала головой, стараясь скрыть раздражение. Неужели она думает об Эллиоте каждые пять секунд?

— Нет, я присоединюсь к тебе позже, когда ты отлипнешь от него.

— Эй, я все еще могу быть современной, нацеленной на карьеру женщиной и иметь при этом прекрасную личную жизнь, — сказала мне Молли, покидая помещение.

Как только дверь за ней закрылась, зашумел сливной бачок и одна из кабинок распахнулась. Из нее, набросив на плечо рюкзак, вышла Ханна Коэн. Она молча подошла к раковинам, помыла руки и тщательно высушала их. Я притворилась, что крайне увлечена содержимым своего рюкзака, роясь внутри, лишь бы не говорить с ней.

Наконец, выбросив бумажное полотенце в мусорное ведро, она повернулась ко мне и сказала:

— Здравствуй, Эйвери.

— Привет, — ответила я, все еще находясь по локоть в рюкзаке. Моя настороженность мгновенно усилилась. Ханна не стала бы говорить со мной без причины.

Ханна разгладила складку на красном кардигане, который носила, несмотря на жару снаружи. Белые розочки на нижней окантовке гармонировали с белой розой на ее ободке. Темно-каштановые волосы завивались в идеальные кудряшки на ее плечах, и длина юбки до колена в точности соответствовала школьному дресс-коду. Ханна никогда не экспериментировала с длиной, как делали другие девочки. По мнению наших учителей, Ханна была образцово-показательной студенткой.

— Ты прекрасно справилась с опросом по истории на прошлой неделе, Эйвери, — сказала Ханна. — Даже на дополнительные вопросы ответила. Браво.

— Прекрати подглядывать в учебник, — сказала ей я. — Ты ведь не хочешь попасться и испортить свою безупречную репутацию.

Ханна одарила меня фальшивой улыбкой.

— По крайней мере, у меня есть *отличная* репутация, о которой можно беспокоиться. Это не тут Снежная Королева.

У меня не было настроения стоять тут весь день и восхищаться ведьмовато-зеленой кожей Ханны в ужасном свете туалетных ламп.

— Приятно было поболтать с тобой, но мне нужно идти, — я двинулась к двери, закрывая рюкзак и зацикливая его на плечо.

— Подожди, — сказала Ханна. — Я хочу сделать тебе предложение.

— Ты не в моем вкусе, — парировала я.

Ханна ухмыльнулась.

— Ха-ха, я имею в виду бизнес предложение, включающее все то, чему учил нас мистер Фримен на этой неделе. Я не могла не услышать ваш разговор. Я-то знаю, как ты расстроишься, если не сможешь помочь всем этим бедным больным людям и почувствовать себя героиней. Тебе ведь всегда нравилось *помогать*, не так ли?

Я вздохнула, возводя глаза к потолку.

— Мы можем отбросить игры в сторону и перейти к делу? Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты увела моего парня.

Прошло несколько минут прежде, чем до меня дошел смысл ее слов.

— Ты хочешь расстаться с Заком? — воскликнула я.

Ханна поморщилась.

— Думаешь, стоит кричать об этом во всеуслышание? Да, я хочу расстаться с Заком. Но я хочу, чтобы он бросил меня. Вот, что от тебя требуется.

В моей голове крутилось множество вопросов, но я задала тот, который смогла из себя выдавить:

— Почему ты хочешь порвать с Заком?

Ханна повела плечами.

— Это мое дело.

— Ладно. Но почему не расстанешься с ним сама?

— Ох, да потому что это отразится на моей репутации, разве не ясно? Если ты не заметила, многие тут любят Зака. Поговаривают, что он может даже стать королем класса. Если я брошу его прямо перед голосованием на титул королевы младших классов, это уничтожит меня.

Королева младших классов. Ханна не хотела проиграть в крупнейшем и тупейшем школьном конкурсе на популярность? Титулы короля и королевы класса ничего не решали. Не было никаких особых обязанностей, никаких дополнительных привилегий, короче, ничего, за что стоило бы бороться. Это был всего лишь конкурс на популярность, который наша школа проводила каждый год для того, чтобы пара студентов могла написать об этом в своей заявке на поступление в колледж. Я сомневалась, что Колумбийский университет волновало, стала Ханна королевой класса в третий раз или нет.

Вот поэтому я и не верила в настоящую любовь. Зак и не догадывался, что Ханна разговаривала со мной о разрыве с ним. Изо дня в день ты думаешь, что в твоих отношениях все прекрасно, и вы сильно любите друг друга, а на деле твоя благоверная плетет заговор, чтобы избавиться от тебя.

— А ты не можешь заставить его бросить тебя самостоятельно? — поинтересовалась я. — Уверена, если ты покажешь ему свое истинное лицо, он тут же уйдет от тебя.

Смех Ханны эхом отразился от стен вокруг нас.

— Думаешь, я не рассматривала этот вариант? Я пытаюсь вынудить его расстаться со мной последние два месяца. Я грубила, отменяла свидания, игнорировала его. Но он не понимает намеков. Заставить его влюбиться в тебя — моя последняя надежда.

Я прислонилась к стене, изучая ее взглядом.

— А мне какая выгода от вашего расставания с Заком?

— Я же говорю — это бизнес-предложение. Если ты сделаешь это для меня, я прослежу за тем, чтобы ты попала в Коста-Рику. И мы обе получим, что хотим.

Не может быть. Это, должно быть, ловушка. С чего Ханне Коэн помогать мне в осуществлении моих желаний?

— Почему я? — спросила я, посмотрев на нее с прищуром. — Почему не найдешь кого-то более бессердечного, готового сделать это для тебя?

— А ты разве недостаточно бессердечная, Эйвери? Во всяком случае, так ты повела себя в тот день в подвале Эллиота. — Она пожала плечами. — У тебя уже есть опыт в краже моих парней. Это все исправит.

— Я не уводила у тебя Эллиота, — сказала я.

— Не уводила, но все разрушила, — прошептала Ханна. — Не только ты потеряла друга в тот день.

Я впилась ногтями в ладони. Я не стану плакать на глазах у Ханны. Она обрадуется, увидев, что все еще имеет на меня подобное воздействие, хоть и четыре года спустя.

— Иди, найди кого-нибудь другого, кто сделает эту грязную работу, — буркнула я, стараясь пробиться к двери.

— Только не говори, что у тебя появилась совесть, — произнесла Ханна.

Я начала открывать дверь, но ее следующие слова остановили меня.

— Если ты это не сделаешь, я расскажу Молли о твоих встречах с Эллиотом в седьмом классе.

Я резко обернулась к ней, мое сердце колотилось о ребра.

Ханна усмехнулась.

— Она ведь не в курсе, да? Она не знает, за что именно ты так ненавидишь Эллиота.

Я несколько раз втянула ртом воздух.

— Ты не осмелишься.

— Проверим? Ты моя должница, Эйвери. И это твой шанс исправить допущенную ошибку, — она скрестила руки на груди. — Так что, ты в деле или нет?

Я покачала головой, но Ханна разыграла последний козырь от которого, я не могла отказаться.

— Я заплачу тебе пять сотен долларов.

Я застыла. Она сказала пять сотен?

Ханна достала из кошелька чековую книжку.

— Две сотни сейчас, остальное, когда закончишь. Последний шанс. Да или нет? — она открыла книжку и взглянула на меня, ее ручка застыла на бумаге.

Пятьсот долларов. Для нее это даже не деньги. Когда-то Ханна жила через дорогу от меня, в доме по соседству с Эллиотом. Но через два года банк ее отца стал

государственным, и он разбогател. Теперь Коэны жили в огромном доме в коттеджном поселке престижного района Уиллоубрука. Для Ханны пятьсот долларов — капля в море.

Но для меня пять сотен долларов были *всем*. Есть разница: лететь в Коста-Рику на самолете или носить костюм хот-дога еще одно лето.

К тому же, кто мне Зак Грили? Просто парень, с которым я учусь в школе. Мы даже никогда друзьями не были. До бизнес-проекта мы никогда не тусовались вместе вне школы.

Я облизала пересохшие губы.

— Я в деле, — прохрипела я.

Ханна выписала чек и вырвала его из книжки.

— Так я и думала.

Глава 6

— Итак, Эйвери, — сказала Триша, улыбаясь мне через стол поверх вазы с лилиями, которые папа купил сегодня днем. — Твой папа говорит, ты отличница в классе?

У меня, наконец, выдался вечер, свободный от хот-догов, кричащих детишек и Эллиота Райсера. Новенькая книга о заболеваниях позвоночника лежала нетронутая возле моего стола, в ожидании, когда я ее открою.

Но не тут-то было. Папа огорошил меня *другими* планами. Когда мы с Ианом вернулись из школы, он сказал нам одеться поприличнее и подготовиться к ужину в шесть тридцать с его девушкой.

Его *девушкой*. Людям за сорок запрещено иметь девушек или бойфрендов. Только друзей, не более.

Триша Монтгомери работала учительницей пятых классов в начальной школе Уиллоубрука. И не выглядела как красноглазый рогатый монстр, которого я в глубине души ожидала увидеть. Наоборот, она смотрелась мило в цветастом платье и золотистых босоножках, и ее русые волосы были уложены на голове в небрежные завитки, на создание которых, возможно, потребовалось больше времени, чем казалось на первый взгляд. Это была одна из тех причесок, с которой мне никогда не удавалось достичь баланса между небрежностью и стилем.

Впрочем, декольте ее платья было чуть более глубоким, чем пристало учительнице младших классов. Несколько раз мне пришлось даже пнуть Иана по ноге, когда я понимала, что он пялится в ее вырез.

— Наверное, — ответила я, пожав плечами. — Никогда не знаешь наверняка. В следующем году в мою школу могут перевестись талантливые ученики и сместить меня с этой позиции.

Папа засмеялся.

— Эйвери скромничает. У нее всегда блестящие оценки. Она надеется стать врачом.

— И собирается в Коста-Рику, — встриял Иан. — Чтобы помочь беднякам, — ткните в лицо Иана пару грудей, и он моментально забудет, что семья должна стоять единым фронтом против злоумышленника.

Улыбка Триши стала шире.

— Звучит волшебно. Мне всегда хотелось побывать там.

Волшебно. Почти тридцативосьмилетняя девушка моего отца только что употребила слово “волшебно”. Теперь, когда я услышала, как нелепо звучит это слово в устах Триши, я никогда больше не стану употреблять его.

— Ну, это пока *гипотетически*, — поправил папа. Его улыбка слегка померкла, и тело напряглось, как происходило всякий раз, когда всплывала тема моего отъезда в Коста-Рику. — Еще ничего не решено.

Папа не любил обсуждать поездку. Он поддерживал мою мечту стать врачом, но перспектива моего отъезда в дальние края совсем его не радовала. Я знаю, что по большей части это из-за мамы. Что, если я уеду и решу не возвращаться, как она?

Это было в моих генах, однако, этой части моего ДНК никогда не позволялось перейти мне по наследству и навредить кому бы то ни было. Жажду приключений, влекущую за собой глупые ошибки можно контролировать и уничтожить. Разница между мной и моей мамой в том, что я *полностью* контролировала любые отвлекающие факторы.

Я выровняла ложку на столе, убедившись, что та лежит точно параллельно тарелке. Затем передвинула стакан с водой чуть более, чем на полдюйма, до идеального положения в три дюйма от правой верхней части моей тарелки. Идеальный порядок.

— Я поеду, — сказала я ему. — Этим летом. У меня собрана уже почти вся сумма.

Папа отпил воды, сглотнул и осторожно опустил стакан обратно на стол.

— Давай поговорим об этом в другой раз, — предложил он.

Но я не смогла сдержаться, хоть и знала, что сейчас не самое подходящее время для подобного разговора.

— Ты относишься ко мне, как к маленькой.

Моя ярость по поводу папиной незваной гостьи не позволила мне сидеть тихо. Если Триша хочет стать частью нашей семьи, пусть видит, что мы прячем за свежими лилиями и стейком на гриле.

— Я более чем в состоянии принимать важные решения, когда дело касается моей жизни.

Иан склонился над тарелкой и стал набивать рот фасолью, словно не мог есть еще быстрее. Даже если мы с папой ссорились, Иан ел. После ухода мамы, у него появилась привычка прятать коробки с печеньем и тортиками в своей комнате. Папа в его поведении ничего плохого не видел, но я выгребала вредную пищу каждые несколько месяцев и выбрасывала на помойку.

Я посмотрела на отца, нахмурившись, но он уткнулся в тарелку и ел, намеренно игнорируя меня, в то время как Иан набивал свои щеки, как барсук, запасающийся на зиму.

— Итак, — произнесла Триша спустя минуту после неприятной сцены, — ты встречаешься с кем-то из школы?

Этот вопрос явно был адресован мне, пока она резала стейк на маленькие кусочки.

Что еще за допрос? Я находилась на середине непрекращающейся игры в двадцать вопросов, играть в которую была не в настроении. Особенно с кричащим декольте Триши. Глаза Иана оторвались от тарелки, и я снова пнула его ногой под столом.

— Нет, — ответила я. — Ни с кем не встречаюсь.

— Это ничего, — сказала Триша. — Никогда не знаешь, когда идеальный мужчина возникнет на твоем пути. Он может быть даже твоим другом, — она протянула руку и переплела свои пальцы с папиными. — До того как ваш отец предложил мне встречаться, мы были друзьями. Он рассказывал вам, как мы познакомились? — и не дожидаясь ответа, она продолжила с сияющим лицом. — Это произошло в кафе “Кофеварка”. Мы всегда заказывали один и тот же напиток и маффин, и однажды, устав ждать, когда ваш папа сделает первый шаг, я сказала что-то по этому поводу. С тех пор мы встречались в кафе каждое утро и просто общались в течение нескольких недель до тех пор, пока ваш отец не набрался смелости пригласить меня на свидание.

Я сдерживалась изо всех сил, чтобы не ляпнуть лишнего. Мне совершенно не хотелось знать подробности папиной личной жизни. Пусть даже такие невинные, как в кафе “Кофеварка”.

— Эйвери еще слишком мала, чтобы думать о романтике, — сказал отец. — У нее впереди светлое будущее. И не нужно отвлекать ее на мальчиков.

— Ох, Митч, — сказала Триша, закатывая глаза так, чтобы я видела, как будто давала мне понять, что моей отец *вообще* ничего не понимает. — Для девочек абсолютно естественно проявлять интерес к мальчикам. Даже для таких умных, как Эйвери.

Это что передача “Давайте поговорим о дне Эйвери”? Пора было сменить тему.

— Как там твой художественный проект? — спросила я брата.

— Отлично, — сообщил тот набитым ртом. — У меня получилось много хороших фотографий.

Перемена темы сработала. Триша повернулась к Иану, и ее глаза заблестели. С тем же успехом она могла оказаться подлизой.

— А что за проект ты делаешь?

Иан подскочил на своем сидении.

— Я покажу.

Он бросился в коридор и вернулся минуту спустя с коробкой из-под обуви. Отодвинув пустую тарелку в сторону, Иан открыл коробку и разбросал десятки фотографий по всему столу.

— Я хочу сделать коллаж из портретов городских жителей. “Повседневная жизнь Уиллоубрука”. Просто случайные люди, которых я вижу по всему городу за повседневными занятиями. Думаю, эта будет в центре, — он указал на пожилую хозяйку пекарни, ковыряющую в носу за прилавком.

Триша хихикнула.

— Что ж, это цепляет. Замечательные фотографии. Тебе отлично удается фотографировать людей в обычных обстоятельствах.

Иан просиял.

— Спасибо!

— Тебе так повезло, Митч, — сказала Триша, перебирая фотографии. — У тебя двое умных и талантливых ребятишек.

— Да, мне повезло, — отозвался он, широко улыбаясь всем нам.

Через пелену слез в моих глазах, Триша могла почти сойти за мою маму. У них было одинаковое телосложение — по крайней мере Триша была того же размера, который был у мамы, прежде чем она ушла. Это мог быть обычный семейный ужин, если бы на самом деле это не являлось пустой тратой времени.

В свои шестнадцать я четко усвоила одно: нельзя рассчитывать ни на кого вокруг. Раскроешь душу — жди беды.

И сегодня беда пришла к нам в откровенном платье.

Я внезапно встала и сказала:

— Я пойду в свою комнату. Мне нужно сделать домашнюю работу.

— Я думал, ты уже сделала ее, — сказал Иан. — Я видел, как ты делала ее за столом.

Еще одна причина, по которой мой брат не доживет до переходного возраста.

— У меня есть *другая* домашняя работа.

— Не слишком ли много домашки для одного человека? — Иан снова порылся в своих фотографиях и показал Трише еще два кадра. — Посмотрите на эти. Мне кажется, это мои лучшие снимки.

Никто не пытался остановить меня, когда я тихонько выскользнула из кухни и исчезла в коридоре. Все были сосредоточены на Иане и ненадолго забыли обо мне и моем плохом настроении.

Я направилась в свою комнату, чувствуя себя ужасно раздраженной. Мне хотелось хлопнуть дверью, избить стену или вытворить что-то в этом роде. «*Сосредоточься*», — приказала я себе, закрыв глаза и сделав глубокий вдох.

Я ходила туда-сюда по комнате, перечисляя кости своих рук.

— Дистальные фаланги, — бормотала я.

Почему папа позволяет своим гормонам разрушать нашу жизнь?

— Промежуточные фаланги, — сказала я, переходя к следующей кости.

Бросив нас, мама оставила после себя гигантскую зияющую пустоту. Потребовалось столько усилий, чтобы устранить последствия разрушений. Нам не нужен кто-то еще, кто войдет в нашу жизнь, а потом предаст нас. Все, что нам нужно — это ответы на вопросы, которые остались в прошлом.

Я дошла до конца комнаты, развернулась на каблуках и пошла в обратную сторону.

— Проксимальные фаланги.

Нам с Ианом не нужна мама на замену. Разве я недостаточно хороша в этой роли? Что не устраивает папу в сложившемся порядке вещей? Я сделала все возможное, чтобы исправить ситуацию. После маминого ухода Иану потребовался почти год на то, чтобы отпускать отца из дома без истерик и опасений, что он тоже нас бросит. Долгие годы мы не выбирались в отпуск, потому что не хватало денег. Я полностью посвятила себя учебе, получая отличные оценки, чтобы в будущем вы碧ть стипендию на обучение в колледже и не напрягать этим папу. Затем я пошла работать, чтобы покупать вещи, в которых нуждалась, и не просить у отца. Когда я не работала, то готовила и убиралась, оплачивала счета, следила за тем, чтобы все в доме исправно работало, и чтобы Иан опрятно одевался и не ел только пиццу и чизбургеры.

— Пястные кости.

Это я штудировала ее старые журналы, письма и даже магазинные чеки, которые она оставила в ящиках, отбирая возможные места, в которых она могла быть, и сузила поиск до пяти стран, отмеченных на моей карте. Это я догадалась, что Коста-Рика — вероятнее всего то место, о котором она столько рассказывала и в котором мечтала жить, затерявшись в высоких горах.

Но этого недостаточно. Что бы я ни делала, этого никогда не бывает достаточно. Недостаточно для того, чтобы оградить папу от желания привести в семью новую маму и для того, чтобы заставить оставаться мою маму.

— Запястья, — прошептала я, глубоко вздохнув. Это мама пробудила во мне интерес к медицине. Я помню, как в детстве рассматривала вместе с ней старые медицинские пособия, заучивая названия костей и органов. Это стало нашим ритуалом, и порой, она удивляла меня новой медицинской книжкой, которую мы могли изучить вместе. Когда-то мама сама хотела стать врачом, когда была маленькой.

— Я вышла замуж, — сказала она, когда я как-то спросила ее о том, почему ее мечта не осуществилась. — И у меня родились вы с Ианом.

Тогда я впервые почувствовала, что сделала что-то плохое, просто появиввшись на свет.

После ее ухода я изучала оставшиеся после нее медицинские пособия, в поисках ответа на вопрос, что произошло с мамой, которую я знала.

Я подвигала руками в определенном ритме, чувствуя, как работает каждая косточка. Плавно. Управляю. В частях тела, которые можно было увидеть и изучить, есть смысл. Остальные же, такие как гормоны, непредсказуемы.

Если бы не я, мужчины в этом доме сломались бы. Для всех здесь я должна быть голосом разума и напоминать им о воздействии гормонов на способность ясно мыслить. Нам никто не нужен. Я могу быть отличницей, поступить в медуниверситет и самостоятельно оплатить поездку на Коста-Рику. Я должна найти ответы на все вопросы, дабы залечить раны и оставить прошлое позади.

Когда папа расстанется с Тришей, а я уверена, что так оно и будет, я буду собирать осколки и обо всех заботиться.

Снова.

Глава 7

— Доброе утро, солнышко, — поприветствовал папа, когда я появилась на кухне в субботу утром. Или, по крайней мере, мне показалось, что это был мой отец. Он сидел за столом, одетый в футболку, спортивные шорты и кроссовки для бега с белой повязкой на голове и надевал напульсники на запястья.

Я вскинула на него брови.

— Хэллоуин наступил раньше срока?

— Смешно, — сказал папа, допив остатки апельсинового сока. — Мы с Тришой идем на пробежку в парк.

Я открыла было дверцу холодильника, чтобы взять молоко с третьей полки, но застыла с зависшей в воздухе рукой.

— На пробежку? Ты?

Подобное заявление поразило меня так сильно, что я даже не обратила внимания на упоминание его девушки.

— Я бегаю, — настаивал папа.

— С каких пор?

— Ну ладно, я не бегал с колледжа, но это пойдет мне на пользу, — произнес он. И стукнул себя кулаком в грудь. — Вдохнем свежего воздуха в эти старые легкие.

— Думаю, тебе больше стоит беспокоиться о том, чтобы в твои старые легкие вообще воздух не попадал. Без обид, пап, но ты же не спортсмен. С тех пор как ты забросил регулярные тренировки, прошло больше двадцати лет.

Я наполнила тарелку хлопьями и села за стол напротив него. Папу мои сомнения в его атлетических способностях возмутили до глубины души.

— Я бегал кроссы в старшей школе, — сказал он. — Небольшая пробежка не убьет меня.

— Пробежка? — спросил Иан, вползая на кухню с наполовину закрытыми глазами.
— Ты собрался на пробежку?

Папа хлопнул по столу.

— Почему вы двое думаете, что я не справлюсь с такой простой задачей, как бег? Я ведь не марафон бежать собираюсь.

Чтобы не отвечать, я засунула полную ложку хлопьев в рот.

Иан же не особенно беспокоился о папиных чувствах.

— Я никогда не видел, чтобы ты хотя бы ходил быстрым шагом, — сказал он, снимая упаковку “Cap’n Crunch” с холодильника. — За исключением того раза в продуктовом, когда объявили, что в мясном отделе бесплатно раздают крылышки Баффало².

Папа встал из-за стола и поставил пустой стакан в раковину.

— Вы двое думаете, будто все знаете, — сказал он, оборачиваясь и хмуро смотря на нас. — Но я докажу, что вы неправы, после удачной пробежки.

Сказав так, папа, топая, покинул помещение. Через мгновение хлопнула входная дверь.

— Он ведь не вернется домой на скорой, правда? — спросил Иан, садясь.

— Вполне вероятно. Он ведь с Тришой бегает.

— И? — уточнил Иан, рассеивая кусочки еды по всему столу.

²

Крылышки Баффало — жареные куриные крылышки под соусом. (прим. пер.)

— И... — Я стерла пережеванный кусочек хлопьев со своей руки. Мой взгляд зацепился за очередную отцовскую книгу по самопомощи, лежащую на краю столешницы. *Обрети любовь, даже если чувствуешь себя сломленным.*

— Как думаешь, насколько серьезно он рассматривает отношения с ней?

Иан пожал плечами.

— Скажем так, если наш папа идет на пробежку, значит все серьезно.

Я поводила ложкой в тарелке, глядя как остатки хлопьев крутятся на поверхности молока.

— А ты много думаешь о ней? — задала я следующий вопрос.

Мы с Ианом понимали друг друга так, что мне не нужно было объяснять, кого я имела в виду. Он и так знал. Мы вместе прошли с ним через все это; он ревел, свернувшись калачиком у меня на коленях, а я баюкала его и убеждала, что все будет хорошо. И это не были пустые слова. Все бы *надалось*. Я бы позаботилась об этом.

— Да не особо, — ответил он, немного помолчав.

А вот и второй факт о нас с Ианом: я всегда знала, когда он врал. Поэтому я притворилась, что не заметила, как он достал из пижамных штанов пару конфет “Hershey’s Kisses” и добавил их в свои хлопья.

Доев остатки завтрака, я помыла тарелку и ложку и вернула их на законное место, прежде чем пойти наверх принять душ и переодеться. Этим утром я встречалась с Заком у него дома, чтобы поработать над проектом перед моей сменой.

Днем раньше по дороге домой, я заскочила в киоск и купила несколько журналов. На обложке красовались заголовки в стиле: “Покори Его Сейчас! 10 Беспрогрызных Вариантов Заполучить Парня Своей Мечты” и “Искусство Поцелуев Как Надолго Приковать к Себе Его Губы”. В любой другой момент, я бы никогда публично не купила подобное, но тема требовала исследования. Я не знала даже первого варианта завоевания парня.

Последовав совету одной из десяти прочитанных статей, я влезла в свой любимый сарафан и собрала волосы в небрежный хвост. На губы нанесла немного блеска, чтобы сделать их соблазнительнее.

Я осмотрела свое отражение в зеркале. Поразительно, как несколько незначительных изменений заставили настоящую Эйвери немного померкнуть.

— Феромоны и макияж увеличивают внешнюю привлекательность и стимулируют выброс эндорфинов, — напомнила себе я. Это почти жалко: на что только не идут девушки, чтобы заполучить парней. Слава богу, это только бизнес-стратегия, и я не отчаялась настолько, чтобы прибегать к помощи всех этих уловок.

Но все же выглядела я мило. Определенно, не как всегда. Я никогда не красилась и надевала поверх платья кардиган. Я улыбнулась своему отражению, отметив, как засияли глаза, поймав идущий из окна солнечный свет.

Несколько минут спустя я остановила машину по адресу, который дал мне Зак, возле красного кирпичного дома в стиле ранчо. Он был красивым, ухоженным и гармонично вписывался в окружающие дома.

Совсем не в стиле Зака Грили.

Я нажала на кнопку звонка, и по дому разнесся едва слышный перезвон. Поправив сумку на плече, я потянулась вниз, чтобы разгладить складки сарафана. И почему казалось, будто в моем животе свила гнездо стая живых белок?

«В этом нет ничего особенного, — напомнила себе я. — Относись к этому как к научному эксперименту». Мне нравились научные эксперименты. Построение гипотез, исследование данных и вывод казались мне логичными.

Гипотеза: нужно убедить беззаботного юношу расстаться со своей девушкой ради другой девушки с помощью обаяния, остроумия и капли сексуальности.

Дверь распахнулась, и мне улыбнулся Зак. Глаза юноши слегка округлились, когда его взгляд проследовал от моих плеч к ногам, после чего снова вернулся к моим глазам.

Дано: Зак определенно разглядывает меня.

— Привет. Отлично выглядишь. Собираешься на важное свидание после учебы?

— Нет, — ответила я, хохотнув и пожав плечами. — Сначала займусь учебой, потом на работу поеду.

Зак отступил, позволяя мне войти в дом.

— Вот же, черт, — произнес он, сильно растягивая слова. — Ты же не ради меня так разоделась?

Может, платье и макияж были не самой лучшей идеей. Мне не хотелось выглядеть так, словно я старалась произвести впечатление. Может Ханна в подобном приките и выглядела органично, но я предпочитала джинсы или обычные джинсовые юбки с футболками с забавными слоганами и фиолетовым кедами Chuck Taylors. Мои пальцы чувствовали себя голыми в босоножках, которые я нацепила.

От необходимости отвечать на заигрывание Зака меня спасло появление светловолосого мужчины в темно-синих брюках и выглаженной белой рубашке. Бейдж, приколотый к его левому нагрудному карману гласил: “Замки и Ключи от Грили: Джордж Грили, управляющий”.

— Ой, — сказал он, заметив нас. — Мне показалось, в дверь звонили.

— Здравствуйте, — поздоровалась я, вежливо улыбнувшись ему.

Зак неожиданно сосредоточился на созерцании цветочков на обоях.

Мужчина протянул мне руку.

— Раз уж мой сын не желает познакомить нас, я сделаю это сам. Я Джордж Грили, папа Зака.

— Эйвери Джеймс. Я… эм… знакомая Зака по школе.

Зак засунул руки в карманы.

— Я говорил вам с мамой вчера, что Эйвери приедет сегодня, чтобы поработать над проектом по экономике, помнишь?

Мистер Грили кивнул, но рассеянный взгляд на его лице сообщал, что он не помнил об этом.

— Ах, да. Ну что ж, Эйвери, я рассчитываю, что ты заставишь Зака как следует поработать. Не позволяй ему валять дурака и втянуть тебя в одну из его безумных затей, хорошо?

Весь наш проект был основан на одной большой безумной затее Зака. Но мрачный взгляд на лице Зака сообщил, что упоминать об этом не стоило.

Я кивнула.

— Я постараюсь.

Мистер Грили облегченно улыбнулся.

— Я иду в магазин, Зак, жду тебя там к трем. *Не* в три тридцать. А ровно в три. Справишься?

Зак закатил глаза.

— Подумаешь, *один раз* не уследил за временем, — пробормотал он. — Это же не конец света.

Но мистер Грили достал из шкафа сумку и, очевидно, не услышал ответ Зака.

— До скорого, Зак. Эйвери, приятно познакомиться.

Как только за папой Зака закрылась дверь, напряжение, которое сковывало его тело,казалось, спало. Он улыбнулся, и я не могла не заметить облегчения в его взгляде.

— Готова к построению бизнеса по подбору пары? — спросил он.

Я вскинула брови.

— Веди меня, Купидон.

Зак провел меня через коридор в их семейную гостиную, укрупненную милой мягкой мебелью напротив плоского телевизора над камином. Но мои глаза заметили небольшую трещину на абажуре и то, что стол стоит не на одной линии с диваном. Кто-то разбросал журналы по журнальному столику и у меня мгновенно зачесались руки сложить их в аккуратную стопку. Я быстро села, засунув руки под ноги. Я не из тех чудил, которые приходят в чужие дома и наводят там порядок.

На углу кофейного столика, неподалеку от моего места на зеленом диване, стояла пара банок с содовой и миска с чипсами.

Зак сел рядом со мной и открыл тетрадку с бизнес-планом, которую забрал домой днем раньше. Я боялась, что он потеряет ее, но Зак очень настаивал на том, чтобы забрать тетрадь и перечитать записи. Он раскрыл ее на первой странице с вопросами, на которой уже заполнил некоторые строчки своим крупным небрежным почерком, будто пляшущим на листе.

— Ты уже выполнил всю работу? — спросила я, смотря на страницу.

— Не смог удержаться, — застенчиво признался он. — Я не сплю, так что у меня уйма свободного времени.

Я посмотрела на него.

— Ты не спишь?

— Да нет, сплю. Просто не так много, как другие. То тут пару часов, то там. Вполне достаточно, чтобы набраться сил, — он пожал плечами, будто в этом не было ничего особенного, за тем исключением, что, не досыпая, он нарушал процесс естественной клеточной регенерации тела. — В любом случае, я проснулся и понял, что крайне воодушевлен этим проектом. Я не мог перестать думать о нем и ответил на некоторые вопросы. У нас получится шикарный бизнес.

— А ты сам планируешь когда-нибудь открыть собственный бизнес?

Улыбка Зака стала шире.

— Нет. Я унаследую слесарный бизнес моей семьи. Если верить отцу.

Я подумала о серьезном взгляде отца Зака и о том, как напряглось его тело, когда тот вошел в комнату.

— А что ты об этом думаешь?

Зак пожал плечами. В эту минуту он совсем не был похож на себя. Его плечи поникли, а привычная улыбка уступила место мрачному выражению лица.

— Неважно, — ответил он, почти автоматически. — А ты? Собираешься открыть собственный бизнес однажды?

— Я хочу стать врачом. И может быть оказывать медицинскую помощь в бедных регионах мира.

Глаза Зака округлились.

— Ух-ты! Серьезно?

— Да. Мне кажется, это интересно и достойно. Или это, или я подамся в генетику и попробую понять, что делает нас теми, кто мы есть. Типа, как сильно влияют гены на наш характер.

— Вот было бы здорово, — сказал Зак. — Ты сможешь понять, что человек вспыльчивый или полный профан в математике только по тому, кем были его родители.

Или почему ему суждено быть брошенным по тому, кем был один из его родителей.

— Возможно, тебе даже удастся определить, каким человеком станет с момента своего рождения, — продолжил он. Веселый Зак, которого я начала узнавать, вернулся и размахивал руками во время разговора. — Или даже до него. Ты можешь сформировать абсолютно новый взгляд на людей и их личность. Может, даже поймешь, как управлять генами, чтобы избавляться от менее предпочтительных черт характера.

— Все это только теоретические планы, — напомнила ему я. — Сперва я должна закончить медучилище и вообще поступить.

— Да ты поступишь. Ты слишком умная, чтобы провалиться.

Я закатила глаза.

— Спасибо, что веришь в меня. Но, может быть, сосредоточимся на нашем проекте?

— Ой, — сказал Зак, словно забыв, почему я впервые оказалась у него дома. — Ладно.

Он склонился над тетрадкой по экономике, позволяя темным волосам упасть на глаза. Я искаса посмотрела на его профиль. Раньше я не замечала, что кончик его носа слегка вздернут. И что над его ухом висит один завиток.

Я закашлялась и отвернулась, чтобы Зак не заметил, как покраснела моя шея.

Самое время приступить к заданию, которое мне поручили. Похоже, подвернулась хорошая возможность.

— Я уверена, ты намного умнее, чем думаешь.

— Все зависит от мнения окружающих, — произнес Зак. — И большинство из них с тобой не согласятся, — он улыбнулся мне, но я заметила боль в его взгляде.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я.

Он изогнул брови.

— Что?

— Приникаешь себя. Я сделала тебе комплимент, а ты свел все к шутке.

Зак постучал пальцами по книге на своем колене.

— Я люблю шутить.

— Не все в жизни — шутка.

Зак прокашлялся, слегка смущившись.

— Прости. Спасибо за комплимент, — с румянцем на щеках он выглядел мило.

Зачем я думаю, что Зак милый?

— На здоровье, — сказала я, мое собственное смущение не позволяло мне смотреть ему в глаза.

Мы немного помолчали. Я оглядела комнату, пока голос в моей голове кричал, чтобы я что-нибудь сказала. Что угодно, лишь бы заполнить тишину.

К счастью, Зак сделал это за меня.

— Ну... нам нужно работать.

— Да, давай.

Почему в доме Зака так жарко? Я слегка приподняла край сарафана, помахав им, чтобы охладиться.

— Нам нужно понять, сколько денег потребуется на кредит, — произнес Зак, читая страницу из учебника. — Посмотрим. Нам нужен фронтон для частных клиентов. Мебель и...

Неожиданный визг моего мобильного, донесшийся из кармана сарафана, напугал меня и заставил вскрикнуть. Зак подпрыгнул и сильно стукнулся коленом о кофейный столик.

— Прости! — воскликнула я, наклоняясь, чтобы приложить руки к колену Зака. Которое крепилось к плотному мускулистому бедру, не заметить которое я не могла, пока проверяла его на предмет травм — выражаясь сугубо медицинским языком, конечно.

— Ты в порядке?

— В порядке, — скривившись, ответил Зак. — Ответить собираешься? — он кивнул на мой карман, где все еще надрывался мобильник.

— Да, точно, — я достала телефон и нажала на ответ, даже не посмотрев, кто звонит.
— Алло?

— Привет, Эйвери, — произнес мне в ухо знакомый голос. Мой мозг все еще был рассеян, так что я не узнала голос на том конце провода.

— Кто это?

— Вот так удар. Цель всей твоей жизни заставить меня страдать, и ты не узнаешь мой голос?

— Эллиот, — сказала я, подавляя стон. — Откуда у тебя мой номер?

— Твой брат охотно поделился со мной номерком в обмен на номер одной чирлидерши, — сообщил мне Эллиот.

Я убью Иана, как только доберусь до дома.

— Что ж, — сказала я, стараясь звучать приветливо и борясь с бурлящим внутри гневом, — было приятно поболтать с тобой, но я сейчас очень занята.

— Да, я знаю, — ответил Эллиот. — Я видел твою машину у дома Зака Грили.

— Теперь ты следишь за мной?

Зак взглянул на меня, вопросительно вскинув брови.

— Я проходил мимо его дома, когда шел на обед. Не моя вина, что я живу через дорогу от тебя и знаю, как выглядит твоя машина.

— Ну и. Чего ты хочешь?

— Перестань рассказывать Молли всю эту ложь, которую ты напридумывала о нас с Тарой.

— Я не позволю тебе сделать больно моей лучшей подруге.

— Я никогда не сделаю Молли больно, — сказал Эллиот. — Сколько раз мне повторить это? Что сделать, чтобы обелить себя в ваших глазах?

Я зажмурилась и сделала несколько глубоких успокаивающих вздохов.

— Слушай, Эллиот, мне нужно идти...

— А мне нужна твоя помощь, — сказал Эллиот немного хрипло, будто находился в отчаянии. — Молли не похожа на других девушек, которых я знаю. Я правда хочу...

— Пока, Эллиот, — сказала я, прежде чем повесить трубку. Телефон тут же зазвонил снова, но я отключила его и спрятала обратно в карман.

Зак посмотрел на меня.

— Все нормально?

— Да, — я махнула рукой. — Ежедневная угроза от Эллиота Райсера, который в эти дни, похоже, особенно безумен.

Не стоит говорить ему, что это моя вина.

— Он встречаться с тобой хочет или что? — спросил Зак.

От этой мысли у меня мурашки побежали по коже.

— *Нет*. Ни за что. Мы с Эллиотом убили бы друг друга на первом свидании. Ему нравится моя подруга Молли. И по какой-то неведомой причине чувство взаимно.

— Но?

— Но, — продолжила я, не в силах смотреть на Зака, — я не питаю к Эллиоту теплых чувств. Так что Молли пока не согласилась встречаться с ним, вот он и психует.

Зак откинулся на спинку дивана и кивнул, постукивая пальцами по колену.

— Ага. Значит Эллиот винит тебя и пытается убедить изменить свое решение, чтобы ты разрешила Молли встречаться с ним.

— Почти, — ответила я. — Только не получится. Не знаю, что он должен сделать, чтобы я передумала.

— А что ты имеешь против Эллиота? — поинтересовался Зак.

Единственное, за что я была благодарна событиям, произошедшим летом после седьмого класса, так это за то, что они не разнеслись по школе. Эллиот с Ханной могли обо всем рассказать, но, по какой-то неведомой причине, не стали. Все знали только, что

мы трое сильно поссорились и к началу учебного года осенью больше не дружили. Я не хотела посвящать Зака во все неприятные подробности, поэтому сказала:

— Он придурок, и я не хочу, чтобы Молли было больно.

— Почему ты так уверена, что он сделает ей больно?

Я подняла глаза, чтобы встретиться с ним взглядом. Он выглядел абсолютно сбитым с толку, словно не понимал смысла этого разговора. Бедный, наивный Зак, он должно быть все еще верил в сказки и счастливые концы.

— Потому что все причиняют боль в конце отношений, — сказала я ему. — Вопрос не в том, причинят ли, а в том — *когда причинят*.

— Но есть и хорошие расставания и даже хорошие дни, когда можешь оглянуться назад и посмотреть на прошлое без боли.

— Не всегда, — возразила я.

Зак вперился в меня взглядом, словно пытался понять, что у меня на душе.

— Хмм... — протянул он.

— Что? — буркнула я. Под его взглядом я чувствовала себя образцом под микроскопом. Это он тут научный эксперимент, а не я.

— Знаешь, что тебе нужно? Свидание.

Я поперхнулась Спрайтом, который только что глотнула из банки, едва не расплескав его на свои колени.

— Мне не нужны свидания, — сказала ему я, брызжа слюной и вытирая подбородок.

— В списке тех, кто нуждается в свидании, ты заняла бы лидирующие позиции. Когда ты в последний раз была на свидании?

Мои щеки вспыхнули, и я вскочила на ноги, запихивая вещи обратно в сумку.

— Очевидно, это свидание по учебе — я имею в виду *сессию* — окончено, так что я поеду на работу.

— Эй, постой, — Зак встал и схватил меня за руку, от его прикосновения волоски на моем предплечье наэлектризовались. — Ты никогда не была на свидании, верно?

— У меня были свидания! — соврала я.

Зак склонил голову на бок.

— С кем? Куда вы ходили? И *когда* это было?

Я вырвала свою руку из его хватки.

— Мы не будем обсуждать это.

— Свидания с твоим отцом не в счет.

Я протопала в коридор к входной двери, притворившись, будто не слышу его.

— Больше не заполняй тетрадь без меня.

— Это должен быть ужин или кино, — продолжал Зак, следя за мной по пятам. — С настоящим человеком, не по интернету.

— И ты не должен бодрствовать по ночам, — сказала я, не обращая внимания на жар в шее, пока он говорил. Почему в его доме такое невыносимое пекло? — Твое тело нуждается в отдыхе, чтобы восстанавливаться.

— Ты когда-нибудь целовалась?

Я резко обернулась, случайно задев его своей сумкой.

— Тебе не кажется, что это не твое дело?

Зак ухмыльнулся.

— Но это мое дело, — спокойно заметил он. — *Наше* дело, помнишь? Мы сводим людей, так почему не подобрать тебе пару, раз уж мы этим занимаемся?

— Мы не будем подбирать мне пару, — я скрестила руки на груди и посмотрела на него в то время, как мое сердце пыталось вернуться к нормальному ритму, а не остановиться совсем.

— Ты можешь быть нашим первым клиентом, — гнул свое Зак. — Неужели не хочешь быть счастлива в любви?

Он улыбнулся мне, и я ненавидела тот факт, что для того, чтобы посмотреть на него, мне требовалось слегка задрать голову. Это заставляло меня чувствовать себя маленькой и незначительной, как будто он был искушен в вопросах любви и жизни.

— Я не считаю, что быть влюбленным — значит быть счастливым. Мое счастье не зависит от другого человека.

Зак махнул рукой, отвергая мои слова.

— Ну конечно же нет, я и не говорил такого. Я сказал только, что с бойфрендом ты можешь стать еще счастливее.

— Ох, — произнесла я, склонив голову на бок, — только потому что нахождение в отношениях — это ой какое счастье? А ты, наверное, один из самых счастливых людей на земле, да?

В моих словах скрывался вызов. Я хотела, чтобы он заявил, как сильно он счастлив с Ханной и какие у них идеальные отношения. Потому что я знала лучше. Я знала, что за его спиной Ханна попросила меня разлучить их.

Но Зак не ответил. С минуту он переминался с ноги на ногу, избегая моего взгляда.

— Мы можем найти другого первого клиента, — сказал он, наконец, после длительного неловкого молчания. Он кивнул в сторону гостиной. — Брось, тебе ведь не нужно прямо сейчас на работу? Мы можем еще немного поработать над нашим проектом и, обещаю, я не стану ни с кем тебя сводить. Пожалуйста.

Он сложил ладони под подбородком, но прежде чем ответить, я долго-долго проверяла время на своем телефоне.

— Ладно, — сдалась я. — Так и быть, задержусь еще на несколько минут, раз уж ты ведешь себя, как ребенок.

Зак потряс кулаком в воздухе в победном жесте. Я засмеялась, следя за ним обратно в учебную зону, пока он, прыгая, шел по коридору передо мной.

Тем не менее, отметила я, он так и не ответил на мой вопрос о счастье в его отношениях.

Глава 8

— Еще какие-то вопросы? — спросила я, сканируя взглядом нескольких оставшихся членов математического клуба. Математический клуб, определенно, не входил в список кружков, к которым хотелось присоединиться и с каждым годом участников становилось все меньше. Это произошло снова в прошлом учебном году, когда двое ушли, а одного поймали на списывании во время промежуточного теста по алгебре. Если списывание на уроках истории или английского математический клуб еще мог терпеть, то списывание на математике — ни за что. Это вроде как перечило самой идее клуба.

Поскольку до конца учебного года осталось пять недель, большинство забило на заседания нашего клуба. Кондиционер в классе, в котором обычно проходили собрания, никогда не работал как надо, и даже если все окна открывали максимально широко, в помещении стояла жара. Все скорее были увлечены складыванием бумажных вееров, нежели слушали то, что я говорила, за исключением двух девочек, которые явно переписывались друг с другом.

Никто даже не уважал президента математического клуба. Я вздохнула и начала убирать тетрадь и ручку.

— У меня есть предложение, — подала голос сидящая справа от меня Ханна. Мой вице-президент довольно громко отодвинула свой стул, разбудив новичка, спящего на задних партах, и встала, прокашлявшись. — Как вам всем известно, — начала она, — у меня неплохие шансы стать королевой младших классов.

— Только не это снова, — простонала Молли. Он запихала тетрадь в рюкзак и скорчила рожу для меня. — Я не стану заносить это в протокол.

Я пожала плечами, демонстрируя свое равнодушие. Официально выборы королевы младших классов под юрисдикцию математического клуба не попадали.

Ханна рассыпала по плечам блестящие каштановые волосы.

— Так или иначе, — продолжила она, игнорируя стоны Молли, — голосование начнется в среду. С самого утра в холле установят урны. Ваша задача найти ту, на которой будет моя фотография, — она одарила присутствующих ослепительной улыбкой, будто кто-то снимал ее прямо в эту минуту. Единственная вещь, с которой Ханнаправлялась на все сто, — это умасливание толпы милыми ужимками.

— Вспомним, как проходит голосование. Каждые пять или десять центов, а также четвертаки расцениваются как голос, отданный за кандидата, монета в один цент отнимает голос. Все деньги, собранные студенческим советом, пойдут на проекты по улучшению нашей школы в следующем году. Поэтому, пожалуйста, соберите все монетки, завалившиеся под вашими диванами, и приготовьтесь голосовать за кандидатов, олицетворяющих чистоту, ум и амбиции нашей школы. Спасибо.

Ханна чинно опустилась на стул, словно только что провела воодушевляющую беседу со своими избирателями. Сложно сказать, слушал ли ее кто-нибудь, люди по-прежнему эсэмэсились, спали или собирали свои сумки, ожидая окончания собрания.

— Спасибо, Ханна, — сказала я ровным голосом. Мне с трудом удавалось быть с ней милой, однако слухи о войне между президентом и вице-президентом могли привести к скандалу в математическом клубе.

С другой стороны, это могло повысить интерес к нашему клубу и увеличить число его участников...

Стук в дверь заставил головы присутствующих вскинуться и посмотреть на Зака Грили, прижавшегося к узкой оконной щели над ручкой с прилипшей к стеклу щекой. Он медленно сполз по дверному окну в преувеличенно долгом обморочном жесте.

Я не смогла удержаться от смеха, но заметила, как закатила глаза Ханна, отворачиваясь от него.

— Еще какие-то вопросы? — спросила я, проглатывая смешок, который подкатил к горлу, когда Зак прижал к стеклу выдранный из тетради лист. На нем большими буквами было написано: МАТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛУБ — ЭТО ДИСКРИМИНАЦИЯ ПРОТИВ ЧИСЛОЛЮБОВ!

— Ты забыла о распродаже гвоздик, — сказала мне Ханна.

— Я не забыла, — ответила я. — Все и так знают, что это такое. Распродажа проходит каждый год в одно и то же время, в последнюю школьную неделю.

Ханна отбросила волосы назад, не обращая внимания на новую выходку Зака, который маршировал туда-сюда с высоко поднятым над головой листом.

— Что ж, раз ты не упомянула об этом, — заметила она, — я воспользуюсь возложенными на меня обязанностями вице-президента.

Ханна разозлилась, когда я стала президентом математического клуба в прошлом году. Вероятно, она хотела доказать, что справилась бы с президентскими обязанностями лучше меня.

— Внимание, распродажа гвоздик. Правила те же, что и в прошлом году. Продавать цветы студентам, чтобы они могли подарить их кому-то еще. По пять долларов за гвоздику. Доход с продаж пойдет на развитие клуба в следующем году. Всем ясно? Хорошо. Собрание окончено, — я не собиралась давать Ханне лишний повод вмешаться и взять шефство над встречей.

Как только эти слова сорвались с моих губ, присутствующие воспрянули духом и поспешили покинуть помещение. Зак прошел внутрь мимо членов математического клуба. Он улыбнулся и помахал мне, после чего направился к Ханне.

— Тебе нужно противостоять Ханне во всем, что она делает, — сказала мне Молли.
— Мне нравится, как по-ханжески она ведет себя, когда ее лишают первенства. Эй! — она взглянула на меня и ее голубые глаза округлились. — Ты должна стать королевой младших классов. Я опустошу все ящики в своем доме, лишь бы проголосовать за тебя. Уверена, мы также сможем перетянуть множество людей на твою сторону.

Я покачала головой. Несмотря на огромное количество внеклассной деятельности и наград, необходимых для поступления в колледж, титул королевы совершенно меня не интересовал. Работа и текущие занятия занимали меня настолько, что думать о конкурсе не было времени.

— Спасибо, я пас, — сказала я.

До моих ушей долетел разговор, стоящих позади меня Ханны и Зака. Я старалась не подслушивать, но не получалось.

— Я не понимаю, почему ты ведешь себя так... — Ханна замолчала, не закончив предложение.

— Как? — спросил Зак. — Что такого в моих действиях?

Ханна вздохнула.

— Неужели ты не можешь хотя бы раз в жизни повести себя серьезно?

Но Зак не отступал.

— Что именно ты хотела сказать, Ханна? Почему я веду себя так...? — краем глаза я заметила, как он сурово смотрит на нее, напрягшись. — Скажи это. Ты ведь уже думала об этом раньше.

Ханна закинула на плечо рюкзак и посмотрела на него.

— Хорошо. Почему ты ведешь себя так тупо?

Теперь я перестала даже делать вид, что не слежу за разговором. Зак выглядел так, словно ему влепили пощечину.

— Если кто-то не так хорош, как ты, это не значит, что он тупой, — тихо произнес он.

Мои щеки вспыхнули, когда я вспомнила, как думала о Заке до проекта по экономике. Безынициативный. Ленивый. Посмешище. И да, возможно даже, тупой.

Но я поверить не могла, что Ханна сказала это ему в лицо.

— Я знаю, — прошипела Ханна. — Но когда человек не знает, как себя проявить, то валяет дурака и действует себе в ущерб.

Зак отбросил волосы на сторону.

— А ты можешь хоть раз поговорить как нормальный подросток?

— Раз тебе не нравится моя манера говорить, может, будешь держаться от меня подальше? — предложила Ханна, глядя на него, уперев руку в бок.

Про себя я наусыкивала Зака сказать Ханне, куда именно ей стоит пойти и навсегда освободиться от нее. Отношения Зака и Ханны разлетались на куски прямо на моих глазах. Еще чуть-чуть и Зак с Ханной перестанут быть парой.

Локоть Молли уперся в мои ребра.

— Ты вот-вот лишишься шанса поехать на Коста-Рику, — прошептала она.

Я запаниковала. Молли права. Если Зак бросит Ханну сейчас, то не я окажусь причиной их разрыва. Ханна никогда не выплатит мне остаток вознаграждения, если я не выполню условия нашего соглашения.

— Эй, Зак, — сказала я, сама не веря, что раскрыла рот. — Хочешь встретиться в Розовом Замке сегодня и поработать над проектом?

Зак с Ханной повернулись ко мне. И даже Молли уставилась на меня, ее взгляд заметался между нами. Зак выглядел растерянно, будто забыл, где мы вообще находимся.

— Чего? — переспросил он, слегка мотнув головой, чтобы сбросить морок.

— Наш проект, — улыбнулась ему я, будто не замечала, что что-то не так. — Я подумала, мы можем встретиться в Розовом Замке сегодня и поработать над ним.

Ханна собрала оставшиеся вещи и двинулась к двери.

— Мне нужно идти.

Он проводил ее взглядом, посмотрел на пустой коридор несколько секунд и повернулся обратно ко мне.

— Эм, сегодня не могу. Работаю в магазине отца. Может завтра?

Я покачала головой.

— А завтра я работаю. Сегодня единственный свободный вечер до выходных.

Зак хрустнул пальцами.

— Эй, знаю. Можем поработать над проектом прямо в магазине. На неделе там почти никого не бывает. Основной поток покупателей приходится на выходные. Можешь сесть со мной за прилавком. И если тебе повезет, то даже научишься делать ключи, — он ухмыльнулся.

Молли ткнула меня пальцев в бок, но я не обратила на нее внимания.

— А твой отец не разозлится, если я там буду? — спросила я.

Зак покачал головой.

— Он нечасто приезжает в офис. Обычно он выезжает на вызовы или в мастерскую. Пока на смене я, проблем не будет.

— Хорошо, — согласилась я. Он дал мне адрес магазина и проверил время на телефоне.

— Мне нужно бежать, — сообщил он. — Я должен быть там уже через пять минут.

Я кивнула ему.

— Увидимся.

Он попрощался и бросился к двери, находясь, похоже, в лучшем расположении духа, нежели во время разговора с Ханной. Ногти Молли впились в мое предплечье, и она запрыгала на месте.

— Все висело на волоске, — сказала она. Я посвятила ее в детали плана по разрыву, опустив, естественно, ту часть, где Ханна грозилась рассказать Молли о нас с Эллиотом.

— Я была уверена, что Закбросит ее без твоей помощи. Но теперь у тебя есть шанс устроить романтик в магазине по изготовлению замков. Интересно, когда ты поцелуешь его, на вкус он тоже будет как ключ?

Я отодрала ее пальцы от своего предплечья и с ненавистью зыркнула на нее.

— Я не собираюсь целовать его. Можно покорить его сердце другими способами.

— Какими? Своей неповторимой индивидуальностью? — спросила Молли, закатив глаза. — Признай, Эйвери, единственное, что у тебя есть — это твоя милая улыбка. Если Зак проведет с тобой достаточно времени, то поймет, что иногда ты довольно жалкая.

Мой лоб изрезали морщинки.

— А я думала, ты моя лучшая подруга.

— Так и есть, — заверила меня Молли. — Я тоже отпугиваю людей. Поэтому мы так хорошо ладим друг с другом. Но тут другое. Твоя цель — понравиться Заку, а не заставить его бежать в противоположном направлении.

Я знала, что не встречаю людей с распростертыми объятиями, но тот факт, что Молли считала меня жалкой, породил в моем желудке тяжелый комок. Я возилась с лямками рюкзака, шагая, закусив губу и уставившись в пол. Может, это месть за попытки оградить ее от Эллиота? Может, я слишком ослабила с ней свою защиту? И ошибочно полагала, что она не сделает мне больно? Жгучие слезы в уголке моих глаз выводили меня из себя.

После ссоры с Ханной и Эллиотом, весь восьмой класс я обходила стороной остальных учеников. Я говорила с ними только по необходимости и никогда не тусовалась

с кем-то по выходным. Я так поднаторела в самозащите, что к началу девятого класса со мной просто перестали разговаривать.

Но затем появилась Молли и нашла лазейку в стене, которую я выстроила вокруг себя. Я поняла, что стала мягче. Я стала слишком доверчивой и уязвимой для новых ударов.

Я плотнее скрестила на груди руки, расправила плечи и вздернула подбородок.

— Что ж, — сказала я ледяным тоном, — я буду игривой и веселой рядом с Заком, раз уж моя истинная натура не в состоянии покорить его.

Молли раздраженно фыркнула.

— Не будь такой недотрогой, Эйвери. Ты и сама знаешь, что ты не самый дружелюбный человек на свете.

Я пожала плечами, стараясь вести себя так, словно ее слова ни капельки меня не задели.

— Мне нужно идти.

— Помни, что я сказала, — произнесла Молли. — Покори его. Очаруй. Соблазни!

Слава богу, что по вечерам в коридорах никого нет, и никто не слышал, как Молли советует мне соблазнить Зака Грили.

Глава 9

Когда я припарковалась перед “Замки и Ключи от Грили” — маленьким кирпичным зданием с вывеской в виде ключа над входом, то увидела Зака через большую витрину. Он стоял за кассой, кивая головой и подпрыгивая, стараясь повесить ключи на гигантскую доску на стене. Он пританцовывал между прилавком и стеной, описывая круги и выделывая безумные диско-движения, смешанные с Макареной так, словно его не беспокоило, что кто-то может пройти или проехать мимо и увидеть его.

Я довольно долго просидела в машине, наблюдая, как Зак отплясывает на собственной маленькой вечеринке в магазине отца. Я с трудом заставляла себя исполнить танец Дигити два раза в неделю, в то время как Зак здесь танцевал так, будто не собирался останавливаться. Как ему удается так свободно двигаться и не бояться, что кто-то войдет и застанет его? Должно быть, это и есть беззаботность?

Когда я вошла в “Замки и Ключи от Грили”, то ожидала услышать оглушительную быструю музыку, идущую оттуда, где все еще танцевал Зак. Но вместо этого меня встретил мягкий музыкальный перезвон.

Зазвенел дверной колокольчик над дверью и Зак, не прекращая танцев, повернулся в мою сторону. Он широко улыбнулся и потянулся к доске позади себя.

— Привет, — сказал он. — А я тут работаю. Развешиваю новые образцы ключей.

Я вскинула на него брови, когда он задвигался, как Бегущий Человек³.

— Ты всегда танцуешь, когда работаешь?

— Конечно, — отозвался Зак. — А ты нет?

— Только, если кто-то просит исполнить танец Дигити.

Зак посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Тебе нужно танцевать почаше, — изрек он, тыча в меня слепком ключа. — Давай посмотрим, как тыдвигаешься.

Я замотала головой.

— Ни в жизнь!

³

Бегущий человек — разновидность танца (прим. пер.)

— Давай, — Зак вышел из-за прилавка и затанцевал в мою сторону. — Может, немного диско? — Он стал покачивать бедрами из стороны в сторону, вытянув вверх одну руку. — Или робототанцев? — Его руки и торс рвано задвигались, после чего он снова улыбнулся мне.

— А как насчет домашней работы? — спросила я, похлопав по рюкзаку. — По экономике, помнишь?

— Я понял, — кивнул Зак с самодовольной улыбкой на губах.

— Что?

Он пожал плечами и вернулся к куче ключей на прилавке.

— Ничего особенного, просто ты танцевать не умеешь.

— Если я не хочу танцевать, это еще не значит, что не умею, — огрызнулась я.

Зак запрыгнул на прилавок, болтая ногами из стороны в сторону.

— Ну да. Одни разговоры и никаких действий.

Я скрестила на груди руки, злобно глядя на него.

— Я не стану плясать в магазине твоего отца, чтобы доказать, что я умею танцевать.

— Это только убедит меня в моем предположении.

То, как он улыбался мне, выводило меня из себя. Когда я была маленькой, то шесть лет посещала уроки джаза. Я умела танцевать. Но не хотела, даже ради того, чтобы стереть эту тупую ухмылку с его лица.

Я расстегнула сумку и достала тетрадь.

— Нам нужно запустить бизнес по подбору пар, помнишь?

— Давай так, — неожиданно произнес Зак, — если мы получим пятерку за наш проект, ты станцуешь для меня. Лады?

Я фыркнула.

— Ладно, идет. А что ты сделаешь для меня, если мы получим пятерку?

— А что ты хочешь, чтобы я сделал? Может быть, научил тебя своим фирменным танцевальным движением?

Он изобразил движение Cabbage Patch⁴, описав руками широкие круги.

— Я пас, спасибо.

Я прислонилась к старому, потрепанному прилавку рядом с пыльными коробками брелков для ключей и этими маленькими магнитными штучками, которые крепятся под машиной, когда прячешь запасной ключ.

— Брось, — сказал Зак. — Будет несправедливо, если ты не получишь ничего взамен. Что ты хочешь, чтобы я сделал? Назови цену.

Мне следовало попросить его бросить Ханну. Быстрый и легкий способ разобраться с тем хаосом, в который я себя втянула. Но я не смогла. Слова затерялись где-то между моими мыслями и ртом.

Поэтому взамен я попросила:

— Научи меня, как не быть скучной.

Кто это сказал? Я захлопнула рот, желая забрать слова обратно и надеясь, что Зак не расслышал.

Но он расслышал.

— Никто не может быть скучным, если исполняет Electric Slide, — он энергично задвигался, скользя по грязному полу и приглашая меня присоединиться.

Я покачала головой.

— Чтобы развести меня на танцы, сперва ты должен получить пятерку за проект.

⁴

Cabbage Patch — движение из хип-хопа (прим. пер.)

Плечи Зака поникли, и он вздохнул.

— Бездарности часто придумывают сотни оправданий, лишь бы не танцевать на глазах у всех.

— Бездарности? — переспросила я. — Ты никогда не видел, как я танцую, так что не можешь судить о моих способностях.

— Тогда покажи мне, как ты двигаешься.

Мои руки твердо уперлись в бедра, я нахмурилась и сказала ему:

— Я не стану танцевать для тебя. Тем более не в магазине твоего отца, куда в любой момент могут зайти и увидеть меня.

— Ладно-ладно, — сдался Зак. — Сначала проект. Потом танцы.

Мы долго работали над проектом, мои руки пытались поспеть за идеями, вылетающими из рта Зака, пока он говорил. Мистер Фримен подкинул нам первое случайное обстоятельство, с которым нашей компании предстояло справиться: неожиданно высокий налог, просроченный на три недели. Идеи Зака по добыче средств варьировались от продажи билетов на сеанс быстрых свиданий до встреч на мытье машин в бикини.

— Это сексизм, — сказала ему я. — Девушки в бикини, снующие по округе с водой и мылом. Неудивительно, что эта идея пришла тебе в голову. Ты же мужчина.

Я посмотрела на него с отвращением.

— А если мы нарядим парней в белье от Speedos? — предложил Зак. — Чтобы так же светили телом.

Подумав о парнях из школы, добровольно напяливших узкие трусы от Speedos, я засмеялась.

— Если нам удастся заставить ребят облачиться в Speedos — нет проблем.

Зак щелкнул меня по носу большим пальцем.

— Тогда не забудь свое бикини.

— Ты настолько в себе уверен? — спросила я, не обращая внимания на жар в том месте, где Зак коснулся моего носа.

— Единственное, что мне удается на все сто, — произнес Зак, расправив плечи и вздернув подбородок, — это умение убедить остальных сделать что-то, — он замолчал, затем добавил: — При условии, что используешь правильные рычаги давления. А если хочешь договориться с подростками, то девушки в бикини и есть тот самый рычаг.

Из-за смеха я с трудом услышала звонок дверного колокольчика. Мы обернулись и увидели пересекающего помещение мистера Грили, достающего из нагрудного кармана рубашки стопку квитанций.

— Зак, — сказал он, взглянув на меня. — А я и не знал, что ты тут не один.

— Помнишь Эйвери? — спросил Зак. Он похлопал по книгам, которые мы разложили по всему прилавку. — Мы работаем над нашим экономическим проектом.

Челюсть мистера Грили скжаслась, но он кивнул и вежливо мне улыбнулся.

— Клиенты сегодня были? — поинтересовался он.

Зак помотал головой.

— Сегодня тихо.

— Ты разобрал новые образцы ключей?

— Большую часть.

Мистер Грили вскинул брови.

— Ты либо сделал, либо нет. Я плачу тебе не за то, чтобы ты сидел здесь и дурака валял. Если бы я хотел плюнуть на долгие годы упорной работы, то принял бы одно из множества предложений и продал бы этот старый магазин.

Челюсть Зака слегка дрогнула.

— Я разберу их до ухода. Мы делали домашнюю работу.

Мистер Грили нахмурился, но сказал:

— Хорошо, я буду в кабинете, заведу эти квитанции. Если не закончу к десяти, можешь идти домой без меня. Приятно было повидаться, Эйвери.

Я едва успела улыбнуться, как мистер Грили развернулся и зашел в свой офис, закрыв за собой дверь. Очевидно, пустая болтовня его не интересовала. Зак стоял за прилавком, уставившись на книги перед собой, и с отсутствующим видом барабанил пальцами по деревянной поверхности.

— Итак, — сказала я, стараясь придумать что-то, чтобы разрушить тишину. Мой взгляд упал на машинку для изготовления ключей у стены. — Как это работает?

Зак перевел взгляд туда, куда я указывала, и слабо ухмыльнулся.

— Хочешь научиться?

Я покачала головой.

— Нет. Мне просто любопытно. Давай вернемся к работе.

— Да брось, это легко, — Зак взял меня за руку, обошел прилавок и подвел к ржавой машинке. — Существует множество более современных моделей, которые делают за тебя всю работу, но мой отец настаивает на сохранении этого динозавра. Он говорит, что ты не сможешь изготовить точную копию, пока не почувствуешь *бороздки* на ключе. Покажи свои.

Я тупо моргнула.

— Показать свои *что*?

— Свои ключи.

— А-а.

Я залезла в карман и вытащила маленький брелок, на котором висело всего два ключа: от дома и от машины. На брелке Молли болталось как минимум десять разных ключей, половина из которых, она даже не помнила, к чему подходили.

— Итак, мы берем твой ключ, — сказал Зак, снимая ключ от моего дома, — и закрепляем его на этой стороне машинки. — Он покрутил ручку слева, зажимая мой ключ между двумя металлическими пластинами. — Затем мы берем слепок ключа... — Он снял один из образцов с доски на стене, — и закрепляем его справа. — Он положил слепок на указанное место.

— Теперь становись сюда, положи одну руку на ручку, а вторую на выключатель, — проинструктировал Зак. Он мягко поставил меня перед машинкой, накрыв мои руки своими ладонями, пока показывал мне, что делать. Он был так близко, что я могла чувствовать тепло его тела, согревающее мою спину. Его дыхание щекотало мне шею, и когда он выдохнул, я слегка вздрогнула.

— Что теперь? — спросила я, немного хриплым голосом.

— Нажми на кнопку. — Он надавил моим пальцем на выключатель, и машина ожила.

— Теперь мягко направляй заготовку рукой.

Я позволила ему обхватить мою правую руку своей, пока мы водили заготовкой по вращающемуся лезвию, вытачивая копию моего ключа. Несколько движений спустя, дело было сделано. Зак выключил машинку и обошел меня, чтобы вытащить два ключа.

Я мгновенно ощутила отсутствие тела Зака рядом с собой. Я отошла назад, голова немного кружилась, руки покалывало в том месте, где он прикасался ко мне.

Он, ухмыляясь, продемонстрировал мне два ключа.

— Теперь у меня есть ключ от твоего дома. Я могу проникнуть в него ночью и нарушить твой сон красоты.

Я попыталась избавиться от остаточного эффекта, который произвела близость Зака на мои разум и тело.

— Восемь часов сна необходимы для эффективного функционирования тела, — сказала ему я, засмеявшись.

— Эффективное функционирование тела? — повторил Зак. И скривился. — Ты уверена, что тебе шестнадцать? Потому что разговариваешь ты, как Эйнштейн.

— А что я должна была сказать, по-твоему? — произнесла я тонким смешливым голосом, накрутив на палец локон. — Мне сон жизненно необходим, иначе буду как зомби.

Мгновение Зак пялился на меня, затем мы оба покатились со смеху.

— Не думаю, что быть зомби лучше. Лучше быть нормальным.

— Что значит быть нормальным? — спросила я, проходя мимо него к прилавку, где все еще лежали наши учебники.

— Ну, вот я вполне нормальный, — ответил Зак. — И для этого мне достаточно четырех часов сна и пяти тарелок “Lucky Charms” в день.

Я притворилась, что подавилась.

— Ты хоть знаешь, сколько сахара во всей этой дряни?

— Да. Куча. И это хорошо.

— Ты себя убиваешь, — я склонила голову набок, изучая его. — Ты ведь не спишь по четыре часа в день, верно?

Зак пожал плечами.

— Бывает. Иногда меньше. Я уже говорил тебе, что не сплю много. Мой мозг слишком активен.

Он поставил руки по обе стороны от головы, шевеля пальцами и издавая жужжащие звуки, будто в его черепе циркулировало электричество.

— Невозможно так мало спать и нормально существовать, — настаивала я.

— Вот поэтому и нужны пять тарелок “Lucky Charms”, — Зак облокотился на прилавок, пока я собирала свои вещи. — Если ночью тебе будет скучно и не с кем будет поговорить, знай, что я не сплю. Это сводило мою мать с ума. Как-то врач прописал мне снотворное, но я начал ходить по ночам. Однажды я готовил блинчики во сне. Мама застала меня за поеданием наполовину приготовленных блинов и решила, что отсутствие сна безопаснее, чем готовка во время него.

Я закинула рюкзак на плечо.

— Есть ритуалы, которые ты можешь проводить, чтобы подготовить свое тело ко сну. Например, горячая ванна или медитация. Это поможет расслабить ум и облегчит засыпание.

Зак покачал головой.

— Я уже все перепробовал. Мой мозг никогда не успокаивается. Он хочет проделывать пять миллиардов дел двадцать четыре часа в сутки.

— Тебе нужно найти способ спать подольше, — сказала ему я. — Это важно для твоего здоровья.

— Спасибо за заботу о моем здоровье, — сказал он с ухмылкой.

Я зарделась и уставилась в пол.

— Мне пора. Уже очень поздно. Мне *самой* необходимо поспать, чтобы нормально существовать завтра.

Зак кивнул.

— Окей. Спасибо, что пришла.

— Ага, — сказала я. — Спасибо, что научил делать ключи.

Зак засмеялся и кинул мне запасной ключ.

— Теперь у тебя будет профессия на случай, если с докторством не сложится. Мы могли бы совместно открыть слесарную мастерскую.

— Давай сначала запустим бизнес по сводничеству.

— Идет, — сказал Зак. Он ткнул в меня пальцем. — Не забудь. Ты должна мне танец.
— Сначала мы должны сдать проект, — напомнила ему я.
— Ой, да сдадим, — ответил Зак. — Я полностью уверен в наших способностях к бизнесу.

Глава 10

— Что происходит? — спросила я.

Я стояла в дверном проеме, глядя на кухню. На мою кухню. Которая в данный момент пребывала в полнейшем хаосе. Горы грязной посуды покачивались на столешнице и в раковине. На плите кипело три кастрюли, одна из которых рисковала расплескать содержимое по предварительно начищенной мной до блеска поверхности. Кухонный стол был усеян кулинарными книгами и нарезанными овощами. На краю столешницы стояло маленько включенное радио из моей спальни, орущее голосом Элвиса Пресли.

Папа поднял голову от раковины, в которой мыл грибы.

— Ой, привет, дорогая. Мы с Тришой решили приготовить кое-что ужин.

Я вздернула брови и скептически оглядела беспорядок.

— *Кое-что?*

Нарезающая морковку Триша хихикнула.

— Ну, сначала мы планировали лазанью и салат, но в середине процесса передумали и решили, что курочка каччиаторе звучит аппетитнее.

— А в эту минуту вы что готовите? — спросила я, все еще не отрывая взгляда от, готовой развалиться в любую минуту, горы мисок. Одна из кастрюль на плите забурлила, разбрызгивая красную жижу по варочной панели и полу. Я съежилась, глядя на пятно, которое, вероятно, придется оттирать от плитки не меньше часа.

— Лазанью, каччиаторе, гаспacho, шведские фрикадельки, картофельный салат и салат Цезарь, — отрапортовал папа.

— И сколько народу вы планируете накормить?

— Только нас четверых.

Я втянула воздух сквозь плотно стиснутые зубы. *Дистальные фаланги, промежуточные фаланги*, перечисляла я в голове, пытаясь сохранить самообладание. Я не могла поверить, что папа позволил этой женщине сотворить *такое* с моей кухней. *Проксимальные фаланги*. Он знает, что беспорядок выводит меня из себя. У всего есть свое место, и любой здравомыслящий человек знает, что *убираться* нужно во время готовки, дабы не оттирать кухню в конце. *Пястные кости*.

А еще здравомыслящий человек не закатит пир на двадцать персон, если нужно накормить четверых. *Запястья*.

Перечисление не успокоило меня. Я протопала по помещению и рывком открыла дверцу холодильника. Мне нужен кофеин. Обычно я стараюсь не пить содовую, но это был экстренный случай.

Я потянулась за банкой с содовой туда, где они обычно стояли, но вместо этого нашупала фрукт. Я уставилась на манго в своей руке и несколько раз моргнула, словно оно могло магическим образом перевоплотиться в содовую.

— Что это? — спросила я, размахивая красно-зеленым фруктом.

— Манго, — ответил папа. — Знаю, ты немного закрыта от остального мира, Эйвери, но уверен, до этого дня тебе приходилось есть манго.

Я едва справилась с соблазном запустить манго в отцовскую голову, чтобы вернуть ему здравомыслие.

— Я знаю, что это. Меня интересует, *почему* оно лежит на второй полке, а не в выдвижном ящичке? Вторая полка для содовой.

— Извини, — сказала Триша, виновато улыбнувшись мне. — Твой отец попросил меня разобрать продукты, а я обычно пихаю их туда, куда они помещаются. Я даже не знаю, для чего нужен выдвижной ящик.

Ее смешки начали действовать мне на нервы. Я широко распахнула дверцу холодильника, чтобы она могла видеть его содержимое.

— Выдвижной ящик, — сказала я, указывая на него, — предназначен для фруктов и овощей. Чтобы сохранять их *свежими*. Отсюда и название. Фрукты слева, овощи справа. Я даже наклеила на ящик ярлыки, чтобы каждый знал об этом и разделял их. Видите?

Я указала на два маленьких ярлыка из машинки для печати ярлыков, которую купила пару лет назад, когда Иан клал вещи не на свое место.

— На второй полке четко написано “содовая”. То есть на ней может стоять только содовая. Фрукты к полке с содовой отношения не имеют.

Я выдвинула ящичек и швырнула туда манго, вероятнее всего, раздавив его. Но мне было все равно. Придя в мой дом, разгромив мою кухню и нарушив систему хранения продуктов в моем холодильнике, Триша пересекла черту.

— Это не так важно, Эйвери, — сказал папа, процеживая содержимое одной из кастрюль. — Просто заблудившийся манго. Ничего ужасного.

Само собой я и не ждала, что он поймет меня. Он видел только сексуальную женщину за тридцать, желающую встречаться с ним. Не стоит надеяться, что папа посмотрит на вещи трезво до тех пор, пока в нем бушуют гормоны.

— Тем не менее, — сказала я, беря содовую и захлопывая дверцу холодильника. — В следующий раз смотрите на ярлыки и кладите продукты на отведенное место.

Я протопала в свою комнату, и с каждым шагом моя злость закипала все сильнее. Так и начинаются катастрофы. Папа пустил Тришу в наш дом, позволил ей творить все, что вздумается, а когда эти отношения закончатся, мне придется работать сверхурочно, чтобы вернуть все обратно.

Когда мама еще жила здесь, вещи часто лежали не на своих местах. Например, ее ключи висели на крючке для чашек. Или одна из туфель лежала на книжной полке. После ее ухода, я каждый день по многу часов убирала, систематизировала и приводила вещи в порядок. Моя система работала. Папа с Ианом никогда ничего не теряли. Они всегда знали, что где лежит благодаря крошечным ярлычкам, которые я наклеила почти на все вещи в доме.

А теперь эта женщина хочет вторгнуться и все разрушить. Неужели так трудно прочесть ярлык?

Меня напугал стук в дверь. Я хмуро посмотрела на нее. Почему папа не оставит меня одну? Я была не в настроении для глупых разговоров по душам отца и дочки с объятиями, которые должны все уладить.

Я распахнула дверь.

— Пап, я не хочу...

Внезапно я остановилась, закрыв рот. Это был не папа, а Триша. Она улыбнулась мне, но я видела в ее глазах волнение и неуверенность.

— Я зайду на секунду? — спросила она.

Я открыла дверь шире и отвернулась, встав рядом со столом, скрестив на груди руки и смотря на нее.

Триша восприняла это как молчаливое приглашение войти, шагнула в комнату и осмотрелась вокруг, разглядывая полки с академическими наградами на лавандовых в серую полоску стенах. Рядом стоял шкаф с книгами по медицине, несколькими мягкими игрушками и куклами, которые остались у меня с детства. Фиолетовые подушки на аккуратно заправленной кровати лежали по порядку, от большей к меньшей. Все было чистым и упорядоченным, все на своем месте. Так, как я любила.

— Красивая комната, — сказала Триша. — И рентген дополняет обстановку.

Она указала на фотографию с рентгеном, который я сделала в десять лет, когда Эллиот разрешил нам с Ханной съехать на великах по маленькой рампе, сооруженной им из старого деревянного забора и автомобильной шины. Ханна справилась с этим на ура, а я при столкновении с рампой запаниковала, вильнула рулем вправо, упала на тротуар и сломала руку. Это был единственный раз, когда я ломала себе кости.

Воспоминание об Эллиоте с Ханной, украшающих мой гипс рисунками и надписями заставило меня слегка улыбнуться. Но затем я вспомнила, что в тот день в больницу меня отвез папа, потому что мама не вставала с постели. Последние два года, что она провела с нами, она много лежала в постели.

Моя улыбка померкла, уступив место мрачному взгляду.

— Что ж, — сказала Триша, прокашлявшись, когда я ничего не ответила, — я хотела извиниться за то, что положила продукты не туда, где им положено быть. Твой папа рассказал мне, как сильно ты любишь порядок.

О да, могу представить, как папа рассказывает Трише, насколько я *одержима* порядком. Время от времени папа бывает неряшливым, не так сильно, как мама в свое время, но и назвать его самым аккуратным человеком в мире тоже нельзя. Он не понимал, как сильно успокаивали меня наведение порядка и уборка.

— Все в порядке, — процедила я сквозь зубы. — Но в следующий раз не забывайте класть вещи на отведенное место.

Триша уселась на край моей кровати, чуть сдвинув одеяло.

— Эйвери, я знаю, тебе сложно смириться с тем, что твой папа встречается с другой.

Я покачала плечами.

— Все нормально.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — продолжила она. — Мои родители развелись, когда я была маленькой, и когда они стали ходить на свидания, это было странно. Мне это всегда не нравилось. В душе я надеялась, что рано или поздно папа с мамой сойдутся снова.

Внутри кольнуло.

— Ага, ну, мои родители никогда не сойдутся. Потому что моя мать *исчезла*. И не вернулась.

Триша на мгновенье съежилась, но вскоре вновь дружелюбно улыбнулась.

— Уверена, твоя мама по-прежнему любит тебя и думает о тебе. И твой папа тоже любит тебя. Вы с Ианом для него целый мир. Я горжусь тем, что он позволил мне войти в свою жизнь и познакомил с тобой и твоим братом.

Я поборола желание закатить глаза. Она говорила так, будто мы были одной сияющей счастливой семейкой. Но мы никогда не были и никогда не будем ей.

— Мне нужно делать домашку, — солгала я, надеясь, что она поймет намек и уйдет.

Триша кивнула и встала. Прежде чем уйти, она снова оглянулась на меня и сказала:

— Надеюсь, мы подружимся с тобой, Эйвери. Я не так плоха, как ты думаешь.

— Ага, конечно, — пробормотала я, глядя ей вслед, когда она покинула комнату. С чего она взяла, что меня интересует дружба с ней? Она ничем не отличалась от других, бывших до нее. Скоро она уйдет из нашей жизни.

Глава 11

— Ты же знаешь, я ненавижу шопинг, — сказала я, следуя за Молли и ее мамой к красному кирпичному фасаду Уиллоубрук Молла. Как только мы прошли через раздвижные двери, мне в нос разом ударило множество запахов: тако, пиццы, попкорна, новой одежды, а также средств для умывания из магазина парфюмерии на другом конце молла, чей запах был настолько сильным, что пропитывал все помещение.

— Знаю, — ответила Молли, взяв меня под руку и потянув в толпу людей, нестройными рядами бродивших по главной галерее. — Но ты любишь меня, так что смирись.

Молли задалась целью убедить Корри купить ей новый широкоэкранный монитор, потому что Молли почти доломала свой, когда сначала разобрала, а потом попыталась собрать его обратно. Лишь для того, чтобы доказать, что способна на это. Оказалось, не способна.

— Ох, — сказала Корри, отвлекаясь на запах горячих кренделей из “Твисти шопа”. — Нужно обязательно заскочить сюда на обратном пути.

— Там же тонны соли, — отметила я. — А у вас и так давление повышенено.

Корри метнула в меня раздраженный взгляд.

— Ты пока не врач, Эйвери. И если хочешь стать им, то стой у меня на пути, когда дело касается горячих кренделей, — она предупреждающе погрозила мне пальцем.

Пока мы шли по моллу, Корри и Молли обращали внимание на разные вещи. В большинстве их привлекали еда и блестящие объекты. Наблюдая за Молли и ее мамой, я не могла не вспомнить о своей. До того, как она стала проводить дни и недели в кровати, мама любила шопинг. Помнится, мы выбирались в торговый центр чуть ли не каждые выходные, порой для того, чтобы просто поглядеть на свежие распродажи, ничего не покупая. А в другие дни, мы возвращались домой с пакетами, до отказа набитыми новой одеждой.

Последняя наша совместная вылазка в молл состоялась за три недели до ее исчезновения. До тех пор, пока через несколько лет я не прочла об этом в медицинском пособии, я не понимала, что изменения в ее поведении указывали на некую форму депрессии. В свои двенадцать я знала только, что моя мама больше не была собой, и я хотела вернуть ее. Торговый центр был единственным местом, который, как я думала, мог вернуть человека, которого я знала.

Но это не помогло. В тот день она вела себя как зомби, перемещаясь из магазина в магазин, но ни на что не глядя по-настоящему. И теперь я ненавидела это место. Меня воротило от вывесок, звуков и запахов. Крутило живот и кружилась голова.

Молли остановилась перед магазином электроники, когда я отстала от нее, и повернулась, чтобы посмотреть на меня.

— Ты идешь? — спросила она.

Корри с Молли были точно мама и сестра, которых у меня никогда не было. Корри радушно впустила меня в их жизнь с того самого дня, когда Молли впервые привела меня в свой дом. Но сегодня находиться рядом с ними было слишком больно.

— Я здесь подожду, — я жестом указала на пустую скамейку позади себя.

С минуту Молли изучала меня взглядом.

— Ты в порядке?

Я кивнула, махнув рукой, чтобы развеять ее беспокойство.

— Это из-за повышенной чувствительности. Слишком много всего вокруг.

Корри порылась в своей гигантской сумке и извлекла на свет упаковку антигистаминов.

— Держи, — сказала она, бросив ее мне. — Мне всегда помогает. Не могу прожить без них и дня. Мои маленькие спасители.

Я обхватила рукой маленькую баночку и выдавила из себя улыбку.

— Спасибо. Вы идите, я тут подожду.

— Я прослежу, чтобы она не застряла там на час, — сказала Корри, подмигнула мне и последовала за Молли внутрь.

Я немного посидела, опустив голову и прислушиваясь к жизни вокруг. Никто не обращал внимания на сидящую в одиночестве девушку. Все спешили мимо — в магазины

одежды, или игрушек, или в ресторанный дворик. Рядом с магазином электроники, в котором исчезли Корри и Молли, находился магазин открыток. Вывеска на витрине напоминала проходящим мимо покупателям, что всего через пару недель наступит День матери.

Яркие краски завлекли меня в пахнущий цветами магазин. Я побродила среди стендов с нелепыми хрустальными розами и плюшевыми мишками, сжимающими сердечки с надписью “Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ”. Завернув за угол, я наткнулась на стенд с открытками и передо мной предстал огромный выбор открыток на День матери. Я окинула веселые красочные карточки взглядом, но ничего не почувствовала. А где открытки для матерей, которые сбежали и бросили свою семью?

Мое внимание привлек знакомый голос, раздавшийся из соседнего прохода, я приподнялась над стендом и увидела знакомые каштановые волосы Ханны Коэн. Она изучала стенд с подарками ко Дню матери, которые показывала ей продавщица.

— А как насчет этого? — спросила продавщица, доставая красивый цветок, заключенный в стеклянный купол.

Ханна едва взглянула на него.

— Нет, моя мама говорит, что лилии — это розы для бедняков, — она протяжно вздохнула, изучая остальные предложения. — Нет, мне ничего из этого не подходит.

Продавщица выглядела растерянной. Похоже, Ханна забраковала все, что было в магазине.

— Возможно, вы захотите взглянуть на наш каталог? Вы можете что-то найти там и оформить заказ.

— Моя мама не заказывает вещи по каталогу, — фыркнула Ханна. Она разгладила перед своей блузки. — Простите. Я не хочу показаться грубой, но вы не знаете мою мать.

Я знала миссис Коэн или, по крайней мере, я знала ее, когда мы с Ханной были детьми. Еще до того, как Коэны стали представителями высшего класса, она всегда хотела все самое лучшее.

— Впечатление, которое вы производите в обществе — единственное, что люди должны знать о вас, — как-то сказала она нам с Ханной, пока мы наблюдали за тем, как она стирает пыль с верха кухонных шкафчиков, той их части, которую никто никогда не видел. — Ваша жизнь может превратиться в руины, но если вы ведете себя так, будто все под контролем, вы *не утратите* контроль.

Ханна снова разгладила складку на блузке, так, словно слова ее матери эхом раздавались у нее в голове. У нее всегда была эта привычка, неосознанно проверять, все ли хорошо в ее внешнем виде, все ли в порядке. Не думаю, что она понимала, как часто делает это.

— Какой бы подарок я ни преподнесла ей на День матери, он должен быть идеальным, — сказала продавщице Ханна.

— Я уверена, вашей маме понравится все, что вы подарите, — услужливо предположила продавщица, широко улыбнувшись ей.

Но плечи Ханны напряглись, и она вздохнула.

— Если честно, ничто из этого не подходит. Не обижайтесь.

— Может, вам зайди в “Аннабель”? — спросила продавщица, упомянув элитный бутик через несколько магазинов отсюда.

Ханна обернулась, и я быстро отошла назад так, чтобы она не могла видеть меня, и завернула за стенд с открытками. Налетев спиной на что-то твердое, я услышала приглушенное “Ооох!”.

Я резко развернулась и лицом к лицу столкнулась со собственным братом.

— Что ты тут делаешь? — хором спросили мы с Ианом.

— Ничего, — так же в унисон ответили мы.

Густо покраснев, Иан стоял перед стендом с хрустальными розами, глубоко засунув руки в карманы. Он выглядел так, будто я застала его за чем-то, чего он стыдился.

Я сощурилась.

— Что ты на самом деле забыл тут?

Иан передернул плечами.

— Ничего. Просто по магазинам хожу.

— И с каких пор ты закупаешься в “Открытках и подарках от Лейлы”? — спросила я.

— А *ты* с каких пор?

— Я ничего не покупаю. Я жду Молли и ее маму. Они в магазине электроники.

— Может, я тоже кого-нибудь жду, — но в эту минуту его уши стали красными под цвет волос, так что я не купилась на это.

Я скрестила на груди руки.

— Колись, иначе я скажу папе, что ты воруешь в магазинах.

Иан распахнул рот и уставился на меня.

— Но я не ворую!

— А мне кажется, что воруешь. Ты ошиваешься рядом с хрустальными розами, в магазине, в который никогда не заходишь. Что еще это может быть?

Он опустил голову и пробормотал что-то, что я не смогла разобрать.

— Что ты там долдонишь? — спросила я, наклоняясь к нему.

— Я сказал, что покупаю подарок на День матери.

Я резко выпрямилась. Мой рот открылся, но сперва из него не вылетело ни звука. Мне потребовалось несколько минут, чтобы снова обрести дар речи.

— Но у нас нет матери, — сказала я.

Иан взглянул на меня из-под упавшей на глаза челки.

— Я знаю, — проворчал он.

— Тогда зачем ты покупаешь подарок для мамы, которой больше нет рядом?

— Это не для нее.. Это для Триши.

— Что? — взвизгнула я.

Несколько стоявших рядом покупателей обернулось на нас. Я схватила Иана за руку и поволокла прочь из магазина в коридор, где наш разговор потонул в остальном гуле, царившем в молле. Мы сели на скамейку, на которой я сидела несколько минут назад.

— Зачем, ради всего святого, тебе понадобилось покупать Трише подарок на День матери? — прошипела я.

Иан передернул плечами, будто маленький мальчик, хоть и притворялся, что не является им. Говоря, он не встречался со мной взглядом.

— Я подумал, что это будет мило.

— Но Триша нам *не* мать.

— Я знаю.

Мимо прошла женщина, толкающая коляску с пухлым карапузом внутри. Малыш весело булькнул, когда мать наклонилась над ним с сияющей улыбкой.

Я протяжно выдохнула.

— Она не... Она не вернется, ты же знаешь. Хотела бы, уже вернулась.

Иан ковырял заусенец на большом пальце.

— Знаю.

— Но нам и без нее хорошо. Мы команда, ты, я и папа. Мы можем позаботиться друг о друге.

Он залез в карман и достал шоколадный батончик. Он начал разворачивать его, но я вырвала лакомство из его рук.

— Эй, — сказал он, потянувшись за ним.

Я отодвинулась от него.

— Не жди, что Триша войдет в нашу жизнь и все исправит. Потому что ей это не под силу. Она не наша мама, и у нее нет ответов.

— А я и не жду, что она все исправит! — глаза Иана заблестели от слез, и он снова попытался выхватить шоколадку.

— Нам никто больше не нужен, понял? Скажи, что понял. Нам не нужна новая мама, нам и без нее хорошо.

Было крайне важно, чтобы Иан понял это. Мы с ним, по-прежнему, одна команда. Когда папа погряз в книгах по самопомощи и свиданиях для одиноких, мы с Ианом твердо стояли на земле и здраво мыслили. Мы со всем спрашивали сообща.

Но выражение лица моего брата омрачали годы разочарований. Если я не буду следить за этим, наша команда когда-нибудь развалится.

— Разве плохо хотеть перемен? — вопрос Иана удивил меня так сильно, что ему удалось выхватить конфету из моих рук. Он встал, глянул на меня сверху вниз, зажав в кулаке шоколадку.

— У тебя тоже нет всех ответов, Эйвери. Может, нам все-таки нужен кто-то, чтобы все исправить.

И прежде, чем я успела ответить, Иан развернулся на каблуках и бросился по коридору, оставив меня, остолбенев, сидеть на скамейке, пока вокруг меня бурлила жизнь.

Глава 12

Когда я возвращалась домой из “Будки Дигити”, фары моей машины осветили одинокую темную фигуру, бредущую по тротуару. Я видела только его спину, но грязный оранжевый рюкзак, наброшенный на одно плечо показался мне знакомым, поэтому я слегка сбавила ход.

Я проехала немного вперед, остановилась и нажала на кнопку, опустив стекло со стороны пассажира.

— Почему ты гуляешь так поздно? — спросила я, когда Зак поравнялся со мной и наклонился к окну. Ярко-синие цифры на моей приборной панели показывали 10:17.

— Я работал сегодня вечером, — сказал Зак. — Отец остался в офисе, а я не хотел его ждать, так что решил прогуляться.

— Но у тебя же есть машина, — заметила я.

— Не сегодня. Машина моей мамы в сервисе, так что она ездит на моей. Ханна подбросила меня вечером до работы и должна была забрать. Но не смогла, — он пожал плечами. — Какая-то мега важная встреча по учебе или типа того.

Я махнула рукой на пустое место рядом с собой.

— Прокатиться хочешь? Или предпочитаешь брести в темноте?

Зак ухмыльнулся.

— Ходьба помогает справиться с переизбытком энергии. Но я думаю, что уже сжег достаточно энергии на работе, так что да, я хочу прокатиться.

Он открыл дверцу и нырнул на сиденье, устроив рюкзак на полу между ног. Я поежилась, вспомнив какие грязные у него ботинки. Интересно, убьют ли меня соседи, если я начну пылесосить машину в полночь?

Я отъехала от обочины, пока Зак осматривал мою Хонду, исследуя начищенный салон и пластиковые чехлы на сидениях.

— Как долго у тебя эта тачка? — спросил Зак.

— С тех пор, как я получила права в прошлом году, — сказала я. — Она поддержанная, но в довольно хорошем состоянии.

— Она в отличном состоянии. Она даже пахнет, как новая.

— Я просто часто ее мою, — сказала я, пожав плечами. — Когда я купила ее, она выглядела не так хорошо.

Зак постучал по чехлу.

— Дай угадаю, пластик — это твоя работа?

Я подняла взгляд и увидела, что он озорно улыбается мне.

— Я просто не хочу, чтобы кто-то что-то пролил на мои сиденья, — пояснила я. — Невозможно быть аккуратным вечно. Поэтому есть и пить в салоне категорически запрещено. Это правило номер один для всех пассажиров моей машины.

— Тебе стоит чаще веселиться.

Я приподняла бровь.

— Снятие пластика с сидений и риск залять их считается весельем?

— У пятен есть история, — сказал Зак, жестикулируя руками во время разговора. — В моей машине полно разных пятен.

Кто бы сомневался. Я могла вообразить себе, какой бардак царил в машине Зака Грили.

— Например, на водительском сидении осталось пятно с того дня, когда я выпил самый лучший вишнево-лимонно-виноградный коктейль в своей жизни.

— Вишнево-лимонно-виноградный? — переспросила я, содрогнувшись. — Звучит отвратительно.

— Нет, если его приготовлю я. Это целое искусство смешать вишню, лимон и виноград в правильных пропорциях. Короче, я пролил немного на колено по дороге домой, и это пятно осталось в качестве ежедневного напоминания о том, как прекрасен был тот коктейль.

Я сморщила нос.

— Ты вправе любить свои пятна и грязь, но я за чистоту и порядок. Спасибо, но моя машина в коктейлях не нуждается.

На дороге было всего несколько машин, когда я завернула за угол и направилась в район, в котором жил Зак. Пока я вела машину, каждые несколько ярдов уличные фонари отбрасывали тень на мою приборную панель и на мгновение освещали лицо Зака.

— Дай угадаю, ты была ребенком, на которого призывали равняться остальные родители? — спросил меня Зак. — У тебя была идеально чистая комната, ты убирала игрушки сразу после игры и с радостью выполняла работу по дому.

Мои руки стиснули руль, и во время движения я смотрела прямо перед собой. Жжение в уголках глаз предупреждало, что смотреть на Зака нельзя, иначе я обнаружу свою слабость.

— Вообще-то, нет. Раньше я была расхлябанной и неорганизованной. Папа часто грозился выкинуть все мои игрушки, если я не уберусь в комнате сию же секунду.

Я чувствовала, что Зак смотрит на меня, словно он не мог поверить в это и искал признак того, что я вру.

— Что произошло? — спросил он через минуту. Он потрепал меня по плечу. — Трансплантация мозга, да?

Из меня вырвалось не то фырканье, не то смешок.

— Это невозможно даже за пределами научной фантастики.

— Никогда не знаешь, какие секреты скрывает от нас правительство. Но правда, что случилось с неорганизованной Эйвери тех лет?

— Ну... ушла моя мама.

Зак втянул в себя воздух.

— Ох, — сказал он, — извини.

Я была благодарна темноте. По крайней мере, так я не видела жалостливого взгляда, которым, я знала, он на меня посмотрел. Все смотрели на меня так, поэтому я не рассказывала о маме без крайней необходимости.

— Все в порядке, — сказала ему я. — Но после ее ухода я начала убираться и наводить порядок. А потом поняла, что от этого мне становится легче.

Пальцы Зака отбили мягкий ритм на его колене.

— Ты чувствуешь, что контролируешь ситуацию, — сказал он. — Ты не смогла проконтролировать уход мамы, так что упорядочивая все в своей жизни, ты получаешь отдачу.

Я закусила нижнюю губу, на мгновение замолчав и продолжая вести машину. Кто ж знал, что Зак Грили окажется подпольным психологом-любителем?

— Да, полагаю, так и есть, — наконец сказала я.

От этого разговора мне стало не по себе. Нужно было перевести тему с себя на что-то другое.

— А как обстоят дела на твоей работе? Твой отец хочет передать тебе бизнес, но ты против?

Пальцы Зака перестали отбивать ритм и неподвижно легли на колено.

— Вообще-то, это семейный бизнес. Мой дед открыл “Замки и Ключи от Грили” около пятидесяти лет назад. Сейчас магазином управляет мой отец и мечтает передать его мне, потому что мне повезло родиться единственным сыном в семействе. Поэтому я должен работать в магазине несколько дней в неделю после школы и на выходных. Мой отец надеется, что, если заставит меня проводить там время, рано или поздно, я воспылаю к магазину любовью.

— Но сам ты слесарем быть не хочешь, — заключила я. — А чем ты хочешь заниматься?

— Даже не знаю, как тебе сказать, — произнес Зак, откинув голову на подголовник.

— Почему не знаешь?

— Потому что ты решишь, что это тупо. Ханна именно так и думает.

Сравнение с Ханной было сродни удару в поддых.

— Обещаю, что не стану этого делать.

Он протянул мне правую руку, оттопырив мизинец.

— Поклянешься на мизинчике?

— Ты это серьезно?

— Да, иначе я ничего тебе не скажу.

Я оторвала от руля одну руку, чтобы сцепиться мизинцами.

— Я не делала этого с четвертого класса.

— Люди до сих пор верят, что клятву на мизинцах нельзя нарушать, — сообщил мне Зак. — Подумай об этом. Ты когда-нибудь нарушила ее?

Я помнила только одну единственную серьезную клятву, данную мной, Эллиотом и Ханной. Когда нам было по шесть лет, мы поклялись на мизинцах всегда оставаться лучшими друзьями и обо всем друг другу рассказывать.

— Не припомню такого, — сказала я, отгоняя воспоминание. — А теперь перестань переводить тему. Что там за секретная мечта такая?

Он сделал глубокий вздох и выпалил:

— Я хочу быть комиком.

Я подняла взгляд и поняла, что он смотрит на меня.

— Серьезно? — спросила я.

— В комедии нет ничего серьезного, — парировал Зак. — Серьезность противоречит правилам комедии. Но да, именно этим я и хочу заниматься. У меня даже было несколько выступлений в Розовом Замке. Папа бы этого не одобрил, поэтому он ничего не знает.

— Я не знала, что в Розовом Замке проводят комедийные шоу.

Зак кивнул.

— Проводят, каждый субботний вечер.

Как вышло, что я не знала об этом, хотя часто посещала это место?

— Ты планируешь держать это в секрете вечно? — спросила я. — Работа в слесарной мастерской явно не доставляет тебе удовольствия.

— Может и не вечно, — признал Зак, — но ближайшие лет сорок точно. Мой отец и так сильно нервничает. Дела в магазине так себе, а еще эти предложения от застройщиков выкупить и снести лавочку.

Мы подъехали к дому Зака и я припарковалась у обочины перед ним. Внутри горело несколько окон, отбрасывая золотые квадраты на темную лужайку.

— Извини, — сказала я.

Зак уставился на темный дом, слегка скривив рот.

— Мой отец считает магазин частью семейной биографии или типа того. Он не хочет продавать его и надеется, что я продолжу его дело. Но я абсолютно не сын мечты. Отец говорит, что мне недостает усердия и амбиций.

— Тебе, — сказала я, повернувшись к нему на сидении, — не не хватает амбиций. Я твой бизнес-партнер уже несколько недель и вижу, что амбиции из тебя так и хлещут. У тебя их столько, что я едва поспеваю за тобой.

Глаза Зака засияли в свете уличных фонарей.

— Тебе стоит сказать об этом моему отцу. И Ханне.

При повторном упоминании Ханны моя улыбка померкла.

— Она не считает тебя амбициозным?

— Ханна убеждена, что для меня жизнь — одна большая шутка, и что я не могу быть серьезным. — Он пожал плечами. — По мне, сама Ханна слишком рьяно старается оставаться серьезной. Она так стремится быть номером один во всем, что делает. Без обид. Я знаю, что ты тоже озабочена этим, но жизнь, она шире, понимаешь? Ханна думает не о том, как стать выпускницей, а о том, как бы снискать славу.

— Я могу задать тебе вопрос? — спросила я. — Возможно, это не мое дело, и ты можешь не отвечать, но я должна спросить.

— Ла-а-адно, — медленно сказал Зак, с любопытством глядя на меня.

— Почему ты с Ханной? — В любой другой раз, я бы никогда не задала этот вопрос, но сейчас, в полумраке моей машины, когда мы остались наедине друг с другом, я не смогла удержаться. — Вы с ней совершенно разные и она совсем... не как ты.

Я не хотела описывать Ханну эпитетами, которые вертелись в моей голове. Все-таки, она все еще была девушкой Зака.

Зак постучал пальцами по колену.

— Полагаю, мы дополняем друг друга. Ханна заставляет меня усердно трудиться. Я быстро забываю идеи, приходящие мне в голову, а Ханна помогает мне собраться и сосредоточиться. А я, как мне кажется, помогаю ей не быть такой серьезной и переутомляться. И это работает. По крайней мере, иногда.

— Только иногда?

— Я не знаю. В последнее время все довольно странно.

Он замолчал так надолго, что я подумала, что, возможно, больше он ничего не скажет. Но затем он продолжил:

— Сейчас она такая серьезная, еще серьезнее, чем раньше. Ради учебы, она в последнюю минуту отменила наши планы.

— Похоже, она не самая хорошая девушка, — прокомментировала я.

Зак пожал плечами.

— Она не всегда так плоха.

— Ты не должен позволять ей издеваться над собой, — сказала ему я. — Почему ты просто не расстанешься с ней, раз она так поступает?

— Потому что люди не уходят друг от друга, когда все сложно, — сказал Зак. — Они обращают на себя внимание и пытаются понять, что не так.

Его слова эхом отзывались в моей голове. *Потому что люди не уходят друг от друга, когда все сложно.* Уход был той вещью, о которой я знала не понаслышке. Было очень трудно пережить сложные времена.

— По крайне мере так было не всегда и, я надеюсь, все наладится. Просто мать давит на нее слишком сильно и из-за этого она испытывает стресс. Человеку необходимо веселье в промежутках между учебой.

Мне показалось, будто он обращался ко мне, хотя я знала, что он говорил о Ханне.

— Я веселюсь, — сказала я.

Зак похлопал по пластиковому сиденью.

— О да, ты просто королева веселья, Эйвери Джеймс. Чем завтра займешься, диван пленкой обмотаешь?

Я в шутку стукнула его по руке.

— Если не замолчишь, то и тебя тоже обмотаю. Правило номер два: не сметь веселиться на моих сидениях. А теперь выметайся из моей машины и иди учи уроки.

— Да, мэм, — Зак открыл дверцу и, буквально, вытек из машины, таща за собой рюкзак. Затем он наклонился к окошку и посмотрел на меня с улыбкой. — Спасибо, что подвезла.

Я улыбнулась в ответ.

— Не за что. Но, если вздумаешь балагурить на моих сидениях снова, в следующий раз пойдешь пешком.

— Теперь моя миссия заставить тебя снять эти чертовы чехлы, — сказал мне Зак.

Я покачала головой.

— Она невыполнима.

— Еще увидим.

Внезапно я вспомнила о своей миссии. Я даже не думала флиртовать с Заком все время, пока он находился в моей машине. Я худшая воровка бойфрендов в мире, и если в ближайшее время ситуация не изменится, не видать мне Коста-Рики, как своих ушей.

— Эй, — окликнула я.

Когда он склонился к окну, чтобы посмотреть на меня, я сказала:

— Сообщи, когда будешь выступать следующий раз. Я бы посмотрела на твое выступление.

Он улыбнулся во весь рот.

— Отлично.

С этими словами Зак вприпрыжку помчался по газону, размахивая рюкзаком в руке во время движения. Дойдя до входной двери, он повернулся и размашисто помахал мне, прежде чем скрыться внутри.

Глава 13

— Передай картошку, — промычал Иан, обращаясь ко мне. Когда я передала ему миску, он даже не взглянул на меня, только пробормотал невнятное “спасибо”.

Мы с братом не разговаривали с того случая в молле. Я ничего не сказала отцу о том, что Иан хотел подарить Трише подарок на День матери. Я не знала, как это преподнести.

“Эй, пап, думаю, тебе стоит прекратить отношения, потому что Иан вообразил, что Триша наша мать. И ему это не на пользу”.

Хотела бы я знать, как защитить Иана. Я провела так много времени, защищая саму себя, что совсем забыла научить этому брата.

— Как продвигается твой творческий проект? — спросила я в попытке наладить общение между нами.

Иан пожал плечами.

— Куча фоток. Только и всего.

Я улыбнулась.

— Я бы хотела взглянуть на них.

Он взглянул на меня с подозрением, как если бы не верил мне. Я продолжала улыбаться, сжав в кулаке вилку. Через мгновение Иан уставился в свою еду, не сказав ни слова.

Мои плечи поникли. Я потянулась и поправила положение своей тарелки на зеленой клетчатой подложке, пока та не оказалась ровно по центру.

— Как на работе? — спросила я, повернувшись к папе.

— Как обычно, — ответил он мне. — С приходом жары продажи опять упали. Никто не хочет выходить на улицу.

— Может, скоро дела пойдут на лад, — сказала ему я.

Мой отец работал помощником менеджера в магазине спортивных товаров и специализировался в основном на велосипедах, байдарках и аксессуарах. В наших краях не было снега, так что зимой всегда было тяжелее всего, за исключением Рождества, когда все хотели купить своему ребенку велосипед. Каждый год в это время мы пытались свести концы с концами, поскольку папа работал меньше часов в неделю.

— А как обстоят дела с хот-догами? — спросил он, ухмыльнувшись; папа постоянно грозился прийти в “Будку Дигити” и сфотографировать меня в костюме хот-дога Боба, а я всякий раз угрожала разъехаться с ним, если он сделает это.

— Воняют и отнимают все время, как обычно. Мы выпустили менее жирный корн-дог с индейкой вместо свинины, который запекаем, а не прожариваем. Он произвел большой фурор среди людей постарше. И продается намного лучше, чем хот-дог мороженое, который мистер Трокмортон придумал в прошлом месяце.

Папа скорчил рожу.

— Слов “хот-дог” и “мороженое”, сказанных в одном предложении уже довольно, чтобы я держался от него подальше.

— Я пыталась объяснить это мистеру Трокмортону до того, как он добавил его в меню, но он не слушал.

Мой взгляд переместился на Иана, который сидел тихонько, постукивая вилкой по холмику пюре. Он даже не пытался принять участие в разговоре, как делал всегда. Обычно мой брат трещал столько, что мы с папой едва могли вставить хоть слово.

Папа прокашлялся, промокнул рот салфеткой и скомкал ее в руке.

— Мы с Тришой поговорили, — медленно начал он взволнованным голосом.

В моей груди вдруг все похолодело. Я уставилась на отца не в силах оторвать взгляд от его профиля, и пульс стучал в моих ушах так сильно, что я почти не слышала его. Слова, которые я говорила брату, сейчас вертелись в моей собственной голове: *Триша не наша мама. Триша не наша мама.*

— И решили, что всем нам пойдет на пользу, если мы вместе чем-нибудь займемся в эти выходные, — продолжил папа. — Например, на пикник выберемся, что скажете?

Вздох, который я держала при себе, тут же вырвался наружу. Я разжалла плотно сжатые кулаки, которые сжимала всё время, пока он говорил. За секунду в моей голове пронеслись все самые худшие кошмары, которые только можно было себе вообразить — переход Триши в наш дом, свадьба Триши с папой, Иан, купивший-таки ей неиссякаемый запас медведей на тупой День матери.

— Я работаю в эти выходные, — сказала я.

Папа посмотрел на меня, вскинув брови.

— Все выходные?

— По большей части. А в свободное время я буду помогать Заку с нашим бизнес-проектом.

— Полагаю, он мог бы отпустить тебя с нами на часик.

— Я не могу позволить себе получить плохую отметку за это задание, — сказала я.

— Если я провалю что-нибудь с этого момента и до конца выпускного года, то не стану лучшей выпускницей. Ты этого хочешь?

— Быть второй среди лучших — тоже неплохо, — ответил мне папа.

Я засмеялась.

— Так говорят те, кто недостаточно хорош. Второе место будет означать, что я облажалась и все испортила. Это *недопустимо*. Прости, но нет, я не смогу поехать на пикник с твоей подружкой.

Папа открыл было рот, но тут встриял Иан.

— Все всегда должно быть по-твоему, да? — брат смотрел на меня через стол поверх горы пюре. — Тебя злит, когда чье-то мнение не совпадает с твоим.

— Неправда.

— Правда. Может, *другие* хотят на пикник. Ты хоть иногда думаешь о том, чего хотят другие или у тебя круглосуточно время Эйвери?

Папа изумленно наблюдал за неожиданной метаморфозой в поведении Иана. Он посмотрел на моего брата с прищуром.

— О чем это ты, Иан?

Иан густо покраснел до самых ушей. Он вскочил и протяжно выдохнул.

— Ни о чем. Все равно это ничего не значит. И никогда не значило.

Громко топая, он удалился в свою комнату и через минуту мы услышали, как захлопнулась дверь его спальни. Взгляд отца переместился на меня.

— Объяснишь? — спросил он.

Я старалась выглядеть так же обеспокоенно, как и он.

— Понятия не имею. Может, шоколада переел? Уверена, он прячет его в своей комнате.

Папа вздохнул, проводя ладонями по лицу.

— Разреши ты ему уже есть конфеты, Эйвери. Ему это не повредит.

— Мне что, снова распечатать для тебя исследования о влиянии рафинированного сахара? Это еще как вредит ему.

Он одарил меня хмурым взглядом.

— Перестань. Сладости остаются.

Я вскинула руки вверх.

— Да-да, и книги по самопомощи тоже остаются.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы с Ианом слишком погрязли в своих выдуманных жизнях, где все решается с помощью сладкого и книг, написанных психологами шарлатанами, которые ничего не знают. Триша — не решение всех твоих проблем, папа.

Жилка на его лбу запульсировала — верный признак, что я ступила на опасную территорию.

— Я так никогда и не говорил. Но что плохого в том, чтобы найти человека, с которым я проживу остаток жизни?

— Проблема в том, что ты вредишь этим мне и Иану, — мой голос слегка дрогнул, но я втянула в себя воздух, возвращая ему твердость. — Неужели ты не понимаешь, что всякий раз, когда очередная девушка исчезает, мы вспоминаем о том, как нас бросила мама?

Мягкое тиканье часов над папиной головой несколько секунд эхом отражалось от кухонных стен, когда мои слова повисли в воздухе.

— Не все такие, как ваша мама. Не все уходят, — сказал папа тихо, уставившись на свои замершие над тарелкой руки.

— А как насчет Ванессы? Или Пэм? Или Дженнифер? Кейт? Джали? — я выплевывала имена бывших девушек, которые появлялись в нашей жизни и разбрасывались обещаниями о будущем.

Но потом все они уходили. Всегда. Менялись лишь их лица.

— Перестань исцелять нас этими книгами и девушками, — сказала ему я.

Папа стукнул кулаком по столу, заставив посуду подпрыгнуть.

— Перестань контролировать мою жизнь, Эйвери. Ты — ребенок, а я — родитель.

— Это ты любитель кого-нибудь поконтролировать!

Сама не знаю, как мы дошли до этого и когда начали кричать друг на друга через стол, пока Иан прятался в своей комнате, предположительно, набивая рот конфетами “Hershey’s Kisses”. Это так не похоже на мою семью.

— Всякий раз, как я завожу разговор о Коста-Рике, ты меняешь тему. Тебе невыносима мысль о том, что мои планы на жизнь могут отличаться от твоих.

— Мы не потянем Коста-Рику, — сказал папа. — Мы с оплатой дома едва справляемся. Я одинокий родитель и пытаюсь поднять тебя и твоего брата на одну свою зарплату.

— Тогда не переживай об этом больше, — сказала ему я. — В следующем месяце у меня будет требуемая сумма, которую я заработаю самостоятельно.

Он посмотрел на меня паническим взглядом.

— Эйвери...

Я положила вилку параллельно тарелке, встала и задвинула стул аккурат перпендикулярно столу.

— Я не могу контролировать твои действия, но иметь контроль над своей жизнью я обязана. Я не поеду на псевдосемейный пикник ни с Тришой, ни с кем-либо другим. И летом, когда она испарится, как остальные, я уеду, так что справляйся со всем как-нибудь сам.

Глава 14

— Ну? — спросила Делия Грили. У них с братом были одинаковые улыбки. Но она походила на него и в другом — те же темно-каштановые волосы и загорелая кожа. И даже блеск в глазах у нее был такой же, как у Зака.

Впрочем, она была менее энергична, чем брат. Пока колено Зака постоянно подпрыгивало, Делии удавалось сохранять неподвижность.

Я сидела в кабинете Грили, расплывшись по мягкому дивану, и слушала презентацию Делии о предварительных планах на наш сайт.

Сайт знакомств, которого *даже не существует*.

Едва я приехала в дом Грили и приступила к работе, Зак огорошил меня обстоятельным рассказом о том, как должен работать сайт нашего бизнес-проекта. Делия, которая, как выяснилось, училась на отделении графического дизайна в колледже, подготовила несколько макетов и развесила их на большие белые доски, стоящие на стульях по всей комнате. Также Делия распечатала десятистраничное описание базовых настроек и сделала скриншоты окон сбора данных, в которых клиенты должны были подтверждать информацию о себе.

Я взяла в руки один из отчетов и уставилась на нее. Подобная подставка застала меня врасплох. Я едва успела поздороваться с Заком, как он потащил меня в кабинет, где ждала его сестра. Теперь они с Делией смотрели на меня, ожидая моего ответа.

— Эм, — сказала я, стараясь разобраться в мыслях, которые вертелись в голове. — Не слишком ли это для простого школьного проекта?

Зак сверкнул глазами.

— Это может стать большим, чем школьный проект. Это может реально помогать людям.

— Что ты подразумеваешь под “реально”?

— То и подозреваю — настоящий своднический бизнес. Запущенный нами двумя.

Смех вырвался из меня прежде, чем я успела сдержать его.

— Ты с ума сошел?

Его улыбка слегка дрогнула.

— А что не так? Мы все уже рассчитали. Остается только начать.

— Просто... — начала я, делая глубокий вдох. — Я не знаю, хочу ли я, чтобы это вышло за рамки школьного проекта.

Взгляд Делии метался между нами.

— Ладно, — весело сказала она. — Может, я оставлю вас вдвоем ненадолго, чтобы вы все обсудили?

Едва она вышла из комнаты и закрыла дверь, Зак произнес:

— *Решайся, Эйвери.*

— Это не сработает, — сказала я. — Как компьютер сможет подобрать идеальную пару?

— Признаю, результат может быть не стопроцентным. Более того, я уверен, будут пары, которые не подойдут друг другу. Но в большинстве случаев все может быть хорошо. И даже если это будет не на всю жизнь, люди, по крайней мере, ненадолго окунутся в романтику. Что в этом плохого?

Зак говорил так, будто это ничего не стоило. Так, словно данная бизнес-идея не играла с людскими чувствами и жизнями.

— Есть множество факторов, из-за которых компьютер не сможет работать как надо, — сказала я. — Что, если кто-то попадет в аварию, расшибет голову, впадет в кому, а потом очнется совсем другим человеком, абсолютно не подходящим тому, с кем мы изначально его сводили?

Зак посмотрел на меня, подняв брови.

— Эйвери. Я сомневаюсь, что каждый клиент, с которым придется работать, впадет в кому и проснется другим человеком. Но, если тебе станет легче, мы можем гарантировать возврат средств людям, чья личность изменилась с момента их первого обращения к нам.

Я взволнованно замахала руками.

— Это всего один пример из того, что *может* произойти. Я утверждаю, что компьютер не всесилен.

— Конечно, нет, — ответил Зак. — Но тут вступает интерес. Ты никогда не узнаешь, как получится, пока не попробуешь. Возможно, сводничество не сработает, но в чем выгода стоять в сторонке и ничего не делать?

Я поняла, что начинаю сомневаться, когда взглянула в темные глаза Зака. Отчего я чувствую себя так странно всякий раз, когда нахожусь рядом с ним?

С этим нужно завязывать. Я должна вернуть себе вожжи и получить деньги на Коста-Рику. Да, деньги — вот, что по-настоящему важно.

Я смеялась на диване поближе к Заку.

— Я не верю, что компьютер способен сказать, с кем тебе стоит быть. Как машина сможет вызвать химию между людьми?

Я убедилась, что Заку хорошо видны мои ноги под джинсовой мини-юбкой, которую я надела. Она была почти неприлично короткой, так как я выросла на несколько дюймов с момента ее покупки два года назад. Его взгляд метнулся вниз на мои ноги и вернулся обратно. Он пытался смотреть в стену позади меня, но через пару секунд его глаза встретились с моими, как если бы он не в силах был отвести взгляд.

— Химия? — переспросил Зак. Мышцы на его шее зашевелились, когда он нервно склонил голову.

— Ага, — сказала я. — Эта невидимая сила, которая сводит людей вместе, даже если все сайты знакомств в мире утверждают, что они не подходят друг другу. Как с ней быть?

— Всегда есть исключения, — ответил Зак. — Некоторые вещи невозможно спланировать.

— А мне нравятся планировать, — сказала ему я.

Он негромко засмеялся.

— Я не удивлен.

Его тон звучал непринужденно, но слова глубоко ранили меня. Он говорил так, будто знал меня, будто разгадал мой характер. И тот факт, что я еще даже не начала разгадывать его, бесил меня.

— Вещи куда лучше, когда они упорядочены, — буркнула я, плотно скрещивая на груди руки и отодвигаясь, тем самым выстраивая между нами стену. — Тогда и жизнь обретает смысл.

Он вскинул брови.

— А может, в жизни не должно быть смысла.

— Тогда жизнь — отстой, — я судорожно вздохнула, борясь с внезапным приступом слез. Если Зак прав, и в жизни нет смысла, тогда все, что произошло, не имело причины. Это значило, что моя мама могла уйти навсегда без объяснений. Что Ханна может стать лучшей ученицей, королевой класса и вообще кем захочет, одновременно размазав меня по стенке. И что папа может жениться на Трише или любой другой безмозглой девице, которую приведет в дом, а я не смогу этому помешать.

— Эй? — голос Зака прозвучал совсем близко. — Ты в порядке?

Я опустила руки, открыла глаза и обнаружила, что он стоит передо мной на коленях. Одна его рука лежала на моём колене, вторая на плече. Я слегка вздрогнула от соприкосновения с его кожей.

— В порядке, — ответила я, отстраняя Зака. Нет, он ошибается. В жизни есть порядок. И я могу все исправить. Именно этим я занимаюсь последние четыре года.

— Я *в порядке*, — повторила я более твердо. Наведение порядка начиналось с покорения Зака и поездки в Коста-Рику. Если для этого мне придется пойти на поводу у его безумных затей, я согласна.

— Давай найдем Делию и скажем ей, что будем делать сайт.

От моих слов Зак расплылся в широченной улыбке.

— Будем? Круто! Ты не пожалеешь. У нас будет лучший проект в классе.

Зак схватил меня за руку и поднял на ноги. Он выскочил из помещения в холл и закричал:

— Делия! Она согласна!

— Кто и на что согласна? — осведомился голос позади нас. Высокая красивая женщина вошла через входную дверь, держа в руке пакет из продуктового магазина. У неё были самые блестящие черные волосы, какие я когда-либо видела, и в ее словах слышался небольшой акцент.

— Привет, мам, — поздоровался с ней Зак. — Это Эйвери, мой бизнес-партнер. Она согласилась сделать сайт знакомств.

Взгляд миссис Грили смеялся вниз, отметив, что Зак держит меня за руку и наши пальцы переплетены. Я быстро выдернула руку и спрятала ее за спину.

— Это тот школьный проект? — спросила миссис Грили. Мы с Заком проследовали за ней на кухню, где она водрузила на стол пакет с продуктами. — Другие команды тоже делают сайты?

— Нет, — признался Зак. — Но наш проект другой. Мы превратим его в настоящий бизнес, который будем вести после окончания школы.

— А я разработаю сайт, — сказала Делия, входя на кухню. — И вы ведь поговорили с программистом, да? — спросила она Зака.

— С программистом? — удивилась я. — Я думала, ты сделаешь всю работу.

Делия облокотилась о столешницу и рассмеялась.

— Вы же не хотите, чтобы я разрабатывала вашу базу данных? Зак нашел кого-то другого для этого. Как ты сказал ее зовут, Зак? Холли?

— Молли, — ответил Зак. Он кашлянул и быстро посмотрел на меня. — Эм, Молли Пински.

— Ты нанял Молли на разработку *нашего* проекта? — воскликнула я. Когда это Молли успела снюхаться с Заком за моей спиной? И почему она мне ничего не сказала?

Зак кивнул.

— Она лучший компьютерный эксперт, которого я знаю. Поэтому я рассказал ей идею, а она ответила, что это не займет много времени. И что она сделает это за очень небольшие деньги.

— Насколько небольшие?

— Не парься, — ответил Зак. — Мне хватит.

— Зак, — произнесла я так сурово, как только могла. — Насколько небольшие?

— Бесплатно, — сказал он. — Но она попросила десять процентов от нашей прибыли в бизнесе.

Молли пошла на сделку, с которой поимеет выгоду в долгосрочной перспективе. Если бизнес по подбору пары окажется успешным, она заработает больше денег, чем могла бы получить за единовременный заказ.

Не то, чтобы я ожидала, что дела пойдут в гору. Не могут же люди в Виллоу Хай оказаться настолько тупыми, чтобы повестись на этот развод.

— Поверить не могу, что ты втянул Молли в этот проект, — сказала я, покачав головой. — Ты же в курсе, что она в нашем классе? Ей бы о своем проекте беспокоиться.

— Зак, — сердито обратилась к нему миссис Грили. — Тебе не стоит втягивать весь класс в свои затеи.

— Я и не втягивал! — сказал Зак, раздраженно отмахнувшись, — Я поговорил только с Молли, и она уверила меня, что проблем не будет. Она *хотела* помочь, — он протянул руку и похлопал меня по плечу. — Ты слишком переживаешь, Эйвери.

Миссис Грили вздернула брови и посмотрела на меня.

— Надеюсь, Захария не уболтал тебя на одну из своих сумасшедших идей. У него всегда было нездоровое воображение. Помню, как-то он убедил соседских детишек купить у него пирог из грязи, по доллару за кусок. Он сказал им, что это новый сорт шоколада.

Я не смогла сдержать усмешку, появившуюся на моих губах. Щеки Зака покраснели.

— Мам, мне было семь, — напомнил ей Зак. — Я вырос со времен грязевого пирога.

— Не особенно, — сказала Делия и взлохматила и без того растрепанные волосы Зака. — Ты все тот же ненормальный ребенок, только твои идеи становятся все глобальнее и безумнее.

Подтрунивания матери и сестры разозлили Зака.

— Вы просто никогда не воспринимали меня всерьез.

— Как мы можем? — спросила Делия. — Ты и сам не воспринимаешь себя всерьез.

— Говоришь, как отец, — огрызнулся на нее Зак.

— Твой отец хочет, чтобы ты состоялся в жизни, — сказала ему миссис Грили. Она распаковала пакет, сложив помидоры и огурцы, которые купила аккуратным рядком.

— Нет, папа хочет сделать меня свой клон, — поправил ее Зак. — Но я не слесарь, который весь день делает ключи и взламывает автомобильные дверцы!

Происходящее начало принимать дурной оборот. Я не была уверена, помнили ли еще Грили о моем присутствии.

Я отступила к двери.

— Мне пора, — сказала я. — Работа ждет.

У входа я заметила семейный портрет Грили. Мистер и миссис Грили выглядели такими опрятными, ухоженными и собранными. Даже Делия будто специально приняла

позу идеальной девочки-подростка. А вот Зак... на глазах челка, галстук помят, на подбородке грязное пятно.

Он заразительно улыбался, прямо как в жизни. Я не смогла сдержать ответной улыбки при взгляде на это фото.

Зак с фотографии сильно контрастировал с сутулым и грустным Заком, стоящим сейчас рядом со мной. Он выглядел так подавлено, словно поддразнивания и упреки его семейства высосали из него всю его беспечность. Я ощутила желание подбодрить его, как будто снова нуждалась в его улыбке.

— Сайт и правда отличная идея, — сказала ему я.

Зак вяло улыбнулся мне.

— Думаешь?

Я кивнула.

— Думаю, что если кому и под силу убедить народ в школе зарегистрироваться на сайте знакомств, то только тебе.

Зак постучал пальцем по подбородку.

— Я очень убедителен.

— Не говоря уже о скромности, — добавила я, закатив глаза.

Когда его лицо расплылось в широкой улыбке, я ощущала странное покалывание во всем теле — от макушки до пяток.

— Спасибо, что поддерживаешь меня в моей безумной идее, — сказал он, потянувшись, чтобы пожать мне руку.

Мне показалось, будто меня ужалили. По руке побежали электрические разряды, смешиваясь с жаром тела, который вызвала во мне его улыбка. Я ахнула и быстро выдернула руку.

Отойдя от него к двери, я стала возиться с дверной ручкой.

— Я и так уже поддержала твою безумную идею, — сказала я, чувствуя, как дыхание перехватывает чуть сильнее, чем хотелось бы. — По тому же принципу мы можем строить наш бизнес — либо все, либо ничего.

— Непреклонная решимость, — сказал Зак, кивнув. Надеюсь, он не заметил странного эффекта, который произвело на меня его прикосновение. — Вот, что мне нравится в тебе, Эйвери. Ты никогда не смотришь свысока. И говоришь так, как есть.

Я задумалась, преимущество ли это. Но его улыбка все еще творила странные вещи с моим телом, так что на меня напало непреодолимое желание сбежать.

Бегство у меня в крови. Это единственный способ борьбы с непонятными ситуациями, который мне известен. А в эту минуту, когда улыбка Зака вызывает в моем животе вихрь из тысячи бабочек — именно такая ситуация.

Глава 15

Я села на кровати, зевая и моргая в темноте и пытаясь понять, что за звук меня разбудил. Затем я услышала его снова. Перезвон мобильного сигнализировал об смс.

Путаясь в одеяле, я выскоцила из постели и бросилась к столу выключить звук, прежде чем он разбудит кого-нибудь еще. Я прищурилась, пытаясь разобрать сияющие красные цифры на моих часах сквозь дымку сна. 00:41.

Кто в здравом уме станет писать мне после полуночи?

Я несколько раз моргнула, прежде чем мне удалось разобрать сообщение.

Не спиши?

Сообщение от Зака, чей номер я вбила в контакты из-за нашего проекта.

Уже нет, ответила я.

Открой окно.

Я отодвинула занавески и чуть не закричала, увидев лицо, смотрящее на меня через стекло. Окно со звоном открылось, впуская внутрь ночной воздух, все еще теплый после рекордной жары.

— Ты что тут делаешь? — зашипела я. — Ты хоть знаешь, который час?

— Я пришел позвать тебя на свидание.

Он оперся руками о подоконник и улыбнулся мне. Лунный свет сиял ореолом вокруг его головы.

Я тряхнула головой, все еще пытаясь проснуться.

— Какое свидание?

— Ты говорила, что хочешь посмотреть на мое выступление, когда оно состоится в следующий раз, — объяснил он. — Так вот — это сегодня.

— Сейчас? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Я люблю выступать поздно. Во-первых, все равно не сплю. А во-вторых, отец не появится посреди моего выступления, если случайно забредет к нам на огонек в поисках досуга.

Мой мозг все еще был одурманен сном, так что потребовалось много времени, прежде чем до меня дошел смысл слов Зака. Моя неспособность пошевелиться, должно быть, выводила его из себя, потому что он схватил меня за руку и сказал:

— Идем. Одевайся, и встретимся на улице.

Он исчез прежде, чем я успела воспротивиться его безумной идее. Закрыв окно и задернув шторы, я смерила постель долгим взглядом. Каким наслаждением было бы закутаться обратно в одеяло и уснуть. Сон — это хорошо. Здоровому телу просто необходим здоровый сон.

Но стоило признать, мне стало любопытно. Конечно, только так мне удастся покорить Зака. Это принесло бы мне дополнительные очки в погоне за его расположением. Сомневаюсь, что Ханна хотя бы раз была на его полночных шоу.

Так что я оделась, напялила фиолетовые туфли, джинсы и футболку. Растрепанные волосы попыталась собрать в конский хвост и довольно долго выбирала блеск для губ. Затем я на цыпочках вышла из комнаты и прокраилась в холл, прислушиваясь, не раздастся ли какой звук из папиной спальни. В доме было темно и тихо. Я едва слышала похрапывание отца и брата сквозь двери их комнат.

Зак ждал снаружи, сидя на капоте своего побитого седана. Увидев меня, он скользнул.

— Ты вышла, — сказал он так, словно не верил, что я решусь.

Я взглянула на помятый грязный автомобиль Зака и спросила:

— Может, поедем на моей?

Городок спал, пока мы ехали по темным улицам, освещенным лишь светом уличных фонарей, стоявших вдоль дороги. Я не привыкла бодрствовать так поздно. Я спала строго по восемь часов и была в кровати, самое позднее, в одиннадцать вечера. Мир, который я хорошо знала, выглядел иначе, если смотреть на него солнечным взглядом в неоновом свете. Время от времени мы проезжали мимо круглосуточных фастфудов или клубов, из которых на улицу, с хохотом, взрывающим тишину, вываливались люди, но в остальном казалось, будто в этот час во всем мире не спали только мы с Заком.

Колени, сидящего на пассажирском сидении Зака, нервно подпрыгивали.

— Надеюсь, тебе понравится мое выступление. Я еще никогда не выступал перед посторонними.

— Посторонними? — спросила я.

— Людьми, которые не входят в привычную комедийную тусовку, — он потянулся было к радио, но я шлепнула его по руке.

— Радио всегда настроено на волну 101 и 7, — сообщила ему я. — Правило проезда в моей машине номер три.

В свете фонарей я увидела, как он скорчил мне рожу.

— Это на ней крутят песни странных инди групп?

— Они не странные, — сказала я, останавливая машину на красный, хотя других машин не было видно на километр вокруг. — А *недооцененные*.

— Они нытики, — он прибавил звук, и по салону разлилась протяжная баллада. — Только послушай. Даже *меня* в сон клонит.

Я усмехнулась.

— Может, тогда стоит включить их погромче?

— Нам нужно что-нибудь драйвовое. Что-то, что взбодрит и подзарядит энергией перед большим шоу. Что-то, от чего тебе захочется кричать “Яхххууууууу!”.

Его громкий визг прямо мне в ухо заставил меня подскочить.

— Чуть меньше яххху и чуть больше тишины, — я нажала на кнопку CD-проигрывателя на приборной панели. — Это достаточно драйвово?

Любимая песня группы Hallow Flux заполнила салон, и вокруг нас заплясала оживленная музыка. Зак закивал головой, широко улыбаясь.

— Hallow Flux, — сказал он. — Вот об *этом* я и говорил.

Я вскинула брови.

— Ты знаешь Hallow Flux?

— Откуда такое удивление? Вообще-то, я знаток музыки. Делия рассказала мне о них. В прошлом году мы были на их концерте в Гринвилле.

Я стукнула по рулю руками.

— Да ладно. Я была на этом концерте с Молли. Почему я тебя там не видела?

— Наверно, потому что до нашего маленького бизнес-проекта ты со мной даже не разговаривала, — предположил Зак, ткнув в меня пальцем. — Ну и потому, что там было еще человек пятьсот.

Его слова на мгновение повисли в воздухе, отозвавшись эхом в моей голове. *До нашего маленького бизнес-проекта ты со мной даже не разговаривала.* Конечно, он прав. С того лета после седьмого класса я заговаривала с людьми только по необходимости. Мы с Заком состояли в разных школьных клубах, тусовались в разных компаниях, у нас не было вообще ничего общего. И вот мы здесь, в моей машине, ночью, едем на его комедийное шоу.

Розовый Замок поблескивал в темноте ночи. На улице смеялись и разговаривали несколько человек, а сквозь окна я увидела, что внутри их ещё больше.

— Зак, здорово! — поприветствовал его какой-то мужчина, пока мы шли через парковку.

— Муди, дружище! — ответил Зак, пожимая ему руку. Остальным собравшимся он кивнул и улыбнулся. — Привет, Марк, Элли, Нейт!

Все они были старше нас. Мужчина, которого Зак назвал Муди, и женщина выглядели, минимум, на полтинник.

— Неужто сам Зак-рюкзак пожаловал? — спросила Элли, наклоняясь, чтобы стиснуть его в объятиях.

Зак указал на меня.

— Это моя подруга Эйвери. Эйвери, это Марк, Элли, Нейт и Уолтер, но все зовут его Муди, — он наклонился ко мне и прошептал: — Иногда он бывает очень вспыльчивым.

Компания тепло меня поприветствовала, а Элли даже нарушила личное пространство, обняв так же крепко, как Зака. От неё пахло мяты. Я не привыкла обниматься с незнакомцами и сперва отступила, когда она потянулась ко мне. Но затем она заключила меня в объятия, прижала к своему теплому телу, и меня слегка передернуло. Я на мгновение закрыла глаза, наслаждаясь объятием.

После нескольких минут болтовни, во время которой, очевидно, кто-то чужой захватил мое тело, так как Элли удалось вытянуть из меня краткую историю моей жизни с помощью нескольких наводящих вопросов, Зак повел меня внутрь забегаловки. Яркий свет после темноты заставил меня несколько раз моргнуть, прежде чем мои глаза смогли хоть что-то увидеть. Люди сидели за столиками, расставленными по всему помещению,

развернув свои стулья к временной деревянной сцене, установленной вдоль дальней стены. Аишлиага не было, но зрителей все-таки собралось немало.

Казалось, Зак знал всех или, по крайней мере, все знали его. Пока мы шли по помещению, его окликнул каждый.

Мимо нас прошествовала официантка с тележкой чипсов.

— Присядьте куда-нибудь, — бросила она через плечо, не останавливаясь, — Кто-нибудь подойдёт к вам через минутку.

Я указала на столик.

— Хочешь сесть? — спросил Зак.

Он посмотрел на меня, как на умалишенную.

— Только не за столик. За столиками сидят старички и новички.

— Я новичок, — напомнила ему я.

— Ты со мной. Это другое, — он взял меня за руку и поволок к краю помещения, где вдоль стены выстроились в рядок подушки и кресла-мешки. Несколько человек развалились на подушках, широко расставив ноги на полу, и ждали начала концерта.

Зак подошёл к одному из мешков, повернулся и легким движением плюхнулся в кресло. Он сидел, с улыбкой глядя на меня снизу вверх и по мере того, как оседал под ним мешок, его колени становились все ближе к голове.

— Это не эргономично, — сказала я, бросив недоверчивый взгляд на кресло-мешок по соседству.

Зак похлопал по сиденью.

— Присядь. Расслабься. И получай удовольствие.

Я постаралась расположиться так же непринужденно, как он, но кресло оказалось намного ниже, чем я думала, и в конце концов мои колени отказались держать оседающее тело, и я застыла в неудобной позе. Мешок почти полностью поглотил меня, словно я провалилась сквозь пол.

— Итак, — произнесла я, приподняв бровь в направлении Зака, — что именно принято делать на стендах шоу?

— Шутишь? — спросил он меня таким тоном, словно все это была пародия, требующая срочного исправления.

Я пожала плечами.

— Я никогда на них не была. Не считала их достойными внимания.

— До этого момента.

— Это мы ещё посмотрим. Ты еще не выступил.

— Просто подожди, — сказал Зак, откидываясь в кресле, когда на маленькой сцене появился мужчина в коричневом вельветовом пиджаке.

— Ну что, ребята, готовы к новым выступлениям в Полночном Камеди? — прокричал в микрофон мужчина. Вокруг меня грянули аплодисменты и одобрительные выкрики. Очевидно, в Уиллоубруке Полночный Камеди считался делом серьёзным.

Первой выступала девушка-чревовещательница моих лет с куклой. Выступление было милым, и девушке удалось заслужить пару смешков даже от меня. Но сосредоточиться на ее выступлении не получилось, потому что Зак постоянно наклонялся ко мне и шептал мне на ухо. Он рассказал мне о Кэтти — девушке на сцене и о том, как она получила Регину — свою куклу, в подарок на десятый день рождения от своих, ныне почивших, бабушки с дедушкой. Он рассказал мне о других людях в зале и об их первых выступлениях на сцене. Казалось, он знал все и обо всех, впитывая их истории в память и теперь изливая их мне на ухо. От его теплого дыхания по спине побежали мурашки.

Когда девушка с куклой закончила номер, зал взорвался аплодисментами. После ее ухода на сцену снова вышел мужчина в пиджаке, очевидно, ведущий шоу.

— Поблагодарим Кэтти и Регину! — провозгласил он в микрофон.

— Кто следующий? — спросила я, наклонившись к Заку.

Но мужчина на сцене продолжил говорить, ослепительно улыбаясь залу.

— А теперь местный любимчик — Зак Грили!

Наполнившие забегаловку аплодисменты были почти оглушительными. Люди засвистели и радостно заулююкали, когда Зак, в буквальном смысле, запрыгнул на сцену, быстро отплясывая джигу.

— Ну что? — сказал Зак, снимая микрофон со стойки и обводя взглядом море лиц перед собой. — Хорош сегодня Зак-рюкзак?

Несколько людей одобрительно закричали и зааплодировали в ответ. Ухмылка Зака стала шире.

— У меня лучшие фаны в мире. Всегда так здорово быть здесь, в Розовом Замке. Кстати, для тех, кто здесь впервые, не советую пробовать суп дня. Потому что на самом деле это суп из вчерашних остатков, так что вы никогда не узнаете, что съедите. Просто предупреждаю, — он продолжил под зрительский смех. — Не знаю как вы, ребята, а я предпочитаю знать, что попадёт мне в рот. Однажды я попробовал суп, на дне которого — клянусь — обнаружил носок и три скрепки. А когда я пожаловался, они содрали с меня деньги за дополнительные скрепки. Очевидно, в супе должна была быть только *одна*, если только вы сами не попросите больше.

— Кстати, сегодняшний вечер для меня особенный, — продолжил Зак, когда смешки стихли. — Сегодня со мной особая гостья.

К моему ужасу он указал прямо на меня, и каждая голова в помещении развернулась в мою сторону. Я вжалась в кресло, надеясь, полностью в нём утонуть.

— Классная у тебя подружка! — прокричал какой-то мужчина в возрасте.

Наверное, моё лицо покраснело так сильно, что слилось с волосами. Зак, однако, зацепился за неправильно определенный статус.

— Ага, люблю иногда выводить её на прогулки по городу. Выпендриваться перед ней. Красоваться, знаете? Знали бы вы, какой я отвратный, если её нет рядом.

Я нервно захихикала, а прикованные ко мне взгляды вновь обратились к сцене.

— Прошлой ночью я ходил в боулинг, — сказал Зак. — Побил рекорд — самое большое количество гаттерболов⁵ вне своей дорожки, — он тряхнул кулаком в победном жесте. — Теперь в боулинг центре “Lucky Strike” на стене висит *моя* фотка с именем, прикиньте. Естественно это плакат с надписью: “Ни при каких обстоятельствах не пускать этого человека снова играть в боулинг”. Я сделал шесть гаттерболов через три дорожки от себя. Теперь я на своём примере знаю, что это вполне достижимо. До этого моим рекордом было четыре гаттербала через две дорожки. Но управляющий сказал, мол, я опасен для других боулеров и конфисковал мои ботинки.

— Несправедливо! — выкрикнул кто-то.

Зак помахал ему свободной рукой.

— Знаю! Я спросил управляющего, не должны ли мы сперва позвать понятых, а уже потом выносить обвинение? Так он позвал одного из тех боулеров, чью голову я едва не пробил своим ударом, такую маленькую пожилую леди со средней силой броска. Она только посмотрела на меня и сказала: “Виновен! В чёрный список его пожизненно!”. А я такой: “Ба! Я же твой родной внук!”.

Я смеялась всё пятнадцатиминутное выступление Зака. Комедийные шоу никогда меня не привлекали, но что-то в энергии Зака, в том, как сияло его лицо в свете софитов, завораживало меня. Казалось, он прекрасно себя чувствовал, и смех аудитории только подпитывал его уверенность. Наблюдать за ним было одно удовольствие. Он больше не был гиперактивным и нервным Заком Грили, он был звездой, актером от природы. Он так же проявлял свою энергию, подскакивая на сцене во время шуток, но больше не казался несобранным или беспокойным, как в повседневной жизни.

⁵

Гаттербол — шар, упавший в желоб в результате неудачного броска (прим. пер.)

Закончив, он спустился со сцены высоким прыжком и всю дорогу ко мне раздавал зрителям “пять”. Его лицо светилось от возбуждения, и выглядел он так, словно это было у него в крови. Его глаза сияли, и когда он улыбнулся мне, мой желудок, будто, разом совершил тысячу кувырков.

— Что думаешь? — спросил он.

— Ты был великолепен, — сказала ему я. — Лучшее комедийное выступление, какое я когда-либо видела.

Он засмеялся.

— Единственное комедийное выступление, которое ты когда-либо видела.

— Это потому, что раньше я не считала их достойными внимания.

Он кивнул на дверь.

— Готова идти? Я могу приготовить офигенный слуши прямо сейчас.

— Ага, идем. — Я постаралась встать с кресла-мешка, но не смогла придать себе равновесие для рывка. После двух неудачных попыток я протянула руки Заку. — Помоги.

— Эйвери Джеймс просит о помощи? — Зак притворился, что обескуражен. — А я думал, что Эйвери Джеймс сама может о себе позаботится и не нуждается в помощи.

Я стукнулась о его ногу, когда хваталась за руки, чтобы встать.

— Мне просто нужен был небольшой рывок, чтобы встать с этого дурацкого кресла.

Ума не приложу, кто назвал это орудие пытки сидением.

Когда я встала, мы оказались так близко друг другу, что мой нос чуть не касался его подбородка. В ноздри ударили мускусный запах его одеколона. Его руки все ещё держали мои руки, наши пальцы переплелись, и мы стояли, глядя друг на друга так, словно ни один из нас не в силах был отвести взгляд.

Аплодисменты, раздавшиеся в знак приветствия следующего выступающего, вырвали меня из объятий гипнотического взгляда Зака. Я отстранилась, высвободив руки из его хватки. Я разлучница, напомнила я себе. А разлучницам запрещено привязываться к объекту своей работы. Это просто деловое соглашение, ничего больше. Я не из тех девушек, что влюбляются в парней абсолютно и полностью ей неподходящих, подвернувшихся в совершенно неподходящее время. Потерять концентрацию сейчас — непозволительная роскошь.

Вот только Зак Грили отвлекал меня всем своим существом.

Глава 16

— Все дело в правильном соотношении, — сказал Зак, потянув рычаг разливного автомата с вишневым слуши. Он наполнил бумажный стаканчик на треть и затем перешел к лимонному автомату. — Перебухаешь один из ингредиентов, и все наスマрку.

После того, как мы покинули Розовый Замок, Зак настоял, чтобы мы заехали на автозаправку Gas 'N Drive за его фирменным вишнево-лимонно-виноградным слуши.

— Это послеконцертная традиция, — пояснил он мне. И ехать нужно именно в Gas 'N Drive на Миллер стрит в шести кварталах отсюда, а не на ближайшие заправки.

— На других заправках неправильные автоматы, — сказал Зак, добавляя виноградный слуши к пюре в стаканчике. Он взглянул на смесь, поболтал ее и затем добавил еще немного. — Они выдают слишком много слуши за раз, и это портит всю смесь.

Я стиснула руки в кулаки и плотно прижала их к телу, борясь с желанием стереть капельки слуши с каждого крана. Зак, казалось, был слишком увлечен приготовлением вишнево-лимонно-виноградного коктейля, чтобы заметить это.

В тихом магазине мы были единственными людьми, не считая сонного продавца, который оперся локтями о прилавок, подперев руками подбородок. Он слегка приоткрыл глаза, когда мы вошли, и коротко махнул Заку, который увел меня в конец магазина.

Когда напиток был размешан до нужной консистенции, Зак вручил мне стаканчик с такой улыбкой, словно открывал секрет бессмертия.

Я взглянула на сине-чёрный хаос внутри стакана.

— Эм, нет спасибо.

Зак покачал головой, когда я попыталась отдать стаканчик обратно, и взял другой, чтобы начать все заново.

— Это для тебя. Приготовлен по-особенному. Я угощаю.

Он высунул кончик языка, сосредоточившись на воспроизведении правильно консистенции для собственного напитка.

Я держала стаканчик перед собой, боясь сделать глоток.

— Не припомню, чтобы когда-то покупала что-то на заправках. Что-то кроме воды и чипсов, я имею в виду. Я даже не знала, что тут есть зона для еды.

Зак округлил глаза.

— Серьезно? А я, бывает, весь день живу только на кукурузных хот-догах и начос из Gas 'N Drive. Конечно кукурузные хот-доги здесь не такие, как в Будке Дигити, но подходят, если в два часа ночи страсть как хочется хот дога.

Я взболтнула наполовину замерзшую жидкость в стакане.

— Не могу сказать, что когда-то мне сильно хотелось хот-дог.

— Иногда я сомневаюсь, что ты человек, Эйвери Джеймс.

Он закончил приготовление собственного слухи, и я пошла за ним в переднюю часть магазина. Пока мы подходили, кассир проморгался и широко зевнул.

— Привет, чувак, — поприветствовал он Зака, выпрямляясь, чтобы пробить наши покупки.

— Привет, Джейк, — Зак кивнул на меня. — Ты знаком с Эйвери?

С минуту кассир Джейк изучал меня взглядом из-под полуприкрытых век и затем покачал головой.

— Не, не думаю. Я помню каждого, кто приходит во времяочных смен.

— Обычно во времяочных смен я сплю, — сказала ему я.

— Я нарушил её сладкий сон, — пояснил Зак с озорной улыбкой. — Знакомлю ее с безумным миром полночных слухи.

Джейк засмеялся и вручил Заку сдачу.

— Не разврати ее слишком сильно, Зак. Хорошей ночи, ребята.

Мы направились к моей машине, но когда Зак потянулся к двери, я нажала кнопку блокировки на брелке. Он остановился и посмотрел туда, где я застыла на тротуаре.

— Никакой еды и напитков в моей машине, — сказала я. — Правило номер один, забыл?

— У тебя на сидениях пластиковые чехлы. Не думаю, что я что-то испорчу, даже если пролью немного.

Я покачала головой.

— Никаких слухи в моей машине.

Он вздернул бровь.

— То есть ты хочешь стоять и пить в темноте?

Парковка автозаправки была ярко освещена, но остальной мир за её пределами был погружен во мрак и темень. Кто-то мог притаяться в кустах, наблюдая за нами, и ждать момента, чтобы напасть на двух тупых тинейджеров, стоящих на парковке и попивающих слухи почти в два часа ночи.

— Ладно, — сдалась я. — Мы сядем в машину. Но никуда не поедем, пока все не допьем. И если ты прольешь хотя бы капельку, тебе не жить.

К чести Зака, он вел себя в машине спокойно, а не дергался, как обычно. Я повернула ключ в зажигании, чтобы радио заработало, и мы могли слушать Hallow Flux, пока сидим.

— Итак, — сказал Зак, улыбнувшись мне. — Готова ощутить незабываемый вкус? И войти в мир вишни, лимона и винограда — настолько охренительных, что башню сносит?

— То есть, готова ли я к ужасным последствиям потребления “быстрых” углеводов? — спросила я, морща нос над стаканчиком в своей руке.

— На счет три, — Зак выставил пальцы. — Один, два... три! Пей!

Мы одновременно поднесли стаканы ко рту, но в то время как Зак жадно заглатывал жидкость, энергично двигая кадыком, я сделала лишь маленький глоточек. Ледяной напиток вдарили по зубам холодом и устремился вниз по горлу, пока язык пощипывало от сахара.

Но это не было плохо. Все-таки было что-то в теории Зака о правильном соотношении вишни, лимона и винограда. В конце концов, прохладная жидкость являлась спасением в жаркую ночь.

Зак опустил стаканчик и прижал свободную руку ко лбу.

— Слушекружение, — простонал он, со смехом наклоняясь вперед.

— Прольешь и тебе не жить! Я предупреждала!

Его стакан опасно накренился, но затем он сел прямо и успел выровнять его, прежде чем на пол упала хотя бы капля. Зак улыбнулся мне, слегка отдуваясь из-за эффекта, который произвело на него слухи.

— Ну что? Крутяк, скажи! Я гений, и ты не можешь этого отрицать.

— Неплохо, — сказала я, сделав еще глоток.

— *Неплохо?* Да это лучшая вещь во всей вселенной! Тако — это неплохо. Пицца — это неплохо. А вишнево-лимонно-виноградный слухи — это неописуемо!

— Думаю, я поняла, отчего ты всегда такой энергичный, — прокомментировала я, бросив на него взгляд поверх кромки стаканчика.

— Тонна сахара и природная живость, — согласился Зак. Его лицо озарила улыбка. Он все еще был красивым после выступления на сцене и казался еще более оживленным, чем обычно, за тем исключением, что теперь, похоже, контролировал свои движения, а не сеял вокруг полный хаос.

— Я знаю, что хочу, чтобы ты сделал для меня, — сказала я. Когда Зак непонимающе взглянул на меня, я продолжила: — Когда мы получим высший бал за бизнес-проект.

Он пристально посмотрел на меня.

— Я заинтригован. И чего же ты от меня хочешь?

— Скажи отцу, что не хочешь работать в его магазине.

Зак раздраженно зыркнул на меня.

— Не получится. Не хочу быть причиной отцовского помешательства.

— То есть ты собираешься работать там вечно, чувствовать себя несчастным, танцевать под музыку из лифта и тайно выступать на стендах шоу?

— Я не несчастен. Невозможно быть несчастным, если ты комик. Вот за что закеры-рюкзакеры так меня любят.

— Закеры-рюкзакеры? — переспросила я.

Он ухмыльнулся и кивнул.

— Мои фанаты. Я так и не придумал себе кличку, так что это сделали они. Это глупо, но у них даже футболки с такой надписью есть. Вскоре информация обо мне просочится в газеты, и рекламная кампания приведет меня пряником на Позднее шоу, но, знаешь, я стараюсь не высвечиваться. Не хочу становиться звездой слишком быстро и раздувать свое эго.

— Да уж, у тебя и так довольно большая голова, — сказала ему я.

Зак засмеялся.

— Ты пошутила? Ты! Ты выдала самую настоящую шутку?! Может, не все еще с тобой потеряно.

— Не уверена, что это хороший знак.

— Это отличный знак. Ты могла бы выступать время от времени, чтобы раскрепоститься.

Мои пальцы впились в бока стаканчика, и с лица сползла улыбка.

— Я не напряжена.

Зак повел плечами.

— А я этого и не говорил. Я просто сказал, что тебе не помешает быть немного раскрепощеннее.

Быть немного раскрепощеннее. Критика от Зака Грили.

Неожиданно у вишнево-лимонно-виноградного слуши появился металлический привкус. Я открыла окно и выплеснула фиолетово-черную мешанину на парковку за дверь машины.

— Готов ехать? — спросила я, включая зажигание. Мои пальцы отбивали по рулю размеренный ритм. *Дистальные фаланги, промежуточные фаланги, проксимальные фаланги, пястные, запястные.* Я отрегулировала ремень безопасности, убедившись, что он проходит точно через мой торс.

Зак уставился на меня, но я не осмеливалась посмотреть в ответ. Я просто не могла посмотреть.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да. Мне нужно домой. А потом на работу. Так что либо допей свой слуши, либо вылей его, чтобы мы могли ехать.

Мои пальцы продолжали отбивать ритм, идеально совпадая со словами в голове, в отличие от пляшущих коленок Зака.

Плевать я хотела на то, что он обо мне думает, будь то скованность, неидеальность или еще что-нибудь. Я не хотела думать о завоевании Зака и о том, что на утро буду похожа на зомби. Мне хотелось домой, хотелось спать, хотелось вернуться к своей обычной распланированной жизни, в которой не было места для ночных шоу или слуши.

Глава 17

Я прижала ладонь ко рту, пряча зевок, который не смогла сдержать. Веки налились свинцом. Предчувствие не обмануло меня — я была похожа на зомби. А все из-за Зака Грили с его слуши.

Мне хотелось улечься на прилавок и подремать, но сегодня моя очередь убирать кассовую зону Будки Дигити. Глаза слипались, и я почти провалилась в сон, когда кто-то подошёл к прилавку и со всей силы бухнул на него стопку книг, заставив меня встрепенуться.

— Привет, Спящая красавица, — ухмыльнулась Молли, отбрасывая с лица светло-розовую прядку волос.

— И тебе привет, — ответила я, хмуро взглянув на нее. — Где это ты была?

— Дома, потом в библиотеке, взяла почитать кое-что, — она похлопала по стопке компьютерных книг на прилавке.

— Да неужели? Я звонила тебе несколько раз утром, ты не ответила.

— Телефон сдох, — объяснила мне Молли. — Он заряжался, пока я была у компа.

— Я проверяла, в чате тебя тоже не было.

Я скрестила руки на груди и посмотрела на нее сверху вниз, желая прочитать ее мысли и узнать, чем она на самом деле занималась. Скорее всего, чем-то, что предполагает участие кретина Эллиота.

— Меня не было в чате, потому что я пыталась сосредоточиться на работе.

Я фыркнула.

— Как удобно. И что ж это за работа такая?

— Ваш сайт знакомств, — ответила Молли, нахмурившись в ответ. — Тот самый, за который твой бойфренд пообещал отчислять мне по десять процентов с прибыли.

Я выхватила из-под прилавка тряпку и принялась оттирать въевшееся пятно от кетчупа.

— Зак мне не бойфренд. И почему ты не сказала мне, что он втянул тебя в этот проект?

— Ни во что он меня не втягивал. Просто я увидела возможность извлечь выгоду. Если затея с сайтом выгорит, все наши финансовые проблемы будут решены. И ты сможешь ездить в Коста-Рику хоть по пять раз в год, если захочешь.

— Мне бы хоть раз там побывать — уже неплохо, — я рухнула на прилавок, глубоко вздохнув. — Как же все это сложно.

— Мне сложнее, я должна создать ваш сайт, — сказала Молли. — Хотя это не так сложно, хитроумное кодирование в некоторых частях куда сложнее...

— Я не о сайте говорю, — перебила ее я. — Я о том... ну ты поняла. Никак не могу выбросить из головы эту историю с Заком.

Молли вздернула бровь.

— Что? Он недостаточно идеален, чтобы подойти на роль твоего фиктивного парня?

Я швырнула в неё тряпкой, угодив прямо в лицо.

— Расслабься, — сказала Молли, закатив глаза. — Это же шутка.

Я зевнула.

— Прости. Я сегодня немного не в настроении. Плохо спала ночью.

Молли прижала ладони к сердцу в притворном ужасе.

— Ты? Плохо спала? Ты заболела?

— Нет. Я устала потому, что не спала до двух ночи. Зак пригласил меня на свое комедийное шоу. А потом мы пили слухи.

— Не знала, что ты пьешь слухи, — сказала Молли.

— Я и не пью. Это лишенный сна организм заставил меня вытворять всякие безумства, на которые я бы никогда не решилась в нормальном состоянии.

Молли склонила голову на бок, глядя на меня со странной улыбкой на лице.

Я нахмурилась.

— Что?

— Я думаю, что вся эта фигня с завоеванием Зака могла бы пойти тебе на пользу. Открыла бы для тебя новые горизонты. Вывела бы из зоны комфорта.

Я покачала головой.

— С меня хватит. Я не собираюсь гоняться за Заком по городу посреди ночи, чтобы разлучить их с Ханной. Все кончено.

— Значит, прости-прощай Коста-Рика? — для убедительности Молли послала в воздух воздушный поцелуй.

Я вытерла пятно с витрины рядом с кассой, на которой был нарисован кукурузный хот-дог.

— Я найду способ туда попасть.

Но я сама себе не верила. Предложение Ханны было моей последней надеждой на поездку этим летом. Если я не накоплю деньги до июня, то можно забыть об упоминании доврачебной практики в своей заявке в колледж. Это единственный малосенький шанс выделиться среди тысяч перспективных заявок других студентов, которые — я уверена — не волновались так сильно, как я. Я мечтала стать врачом с детства, и эта летняя программа на шагок приблизила бы меня к моей мечте. А еще это, может быть, единственная возможность стать ближе к моей маме.

— Свистни, если Ханна решит найти того, кто с этим справится, — попросила Молли, собирая книги. — За пять сотен я стану встречаться с Заком Грили и внушу ему, что я лучшая женщина во всем мире.

Я стрельнула на неё глазами.

— Чеши-ка отсюда, если не собираешься сделать заказ. Мне нужно возвращаться к работе. Может, кто-то хочет еще один хот-дог.

Помахав мне пальчиками со злобной улыбкой на лице, Молли развернулась и вышла из Будки Дигити.

— Это была Молли? — спросил Эллиот, выходя из кухни и глядя на входную дверь, несмотря на то, что Молли уже исчезла.

— Ты что, шпионишь за мной? — огрызнулась я.

Эллиот жестом указал на швабру в своей руке.

— Я работаю, Эйвери. И не моя вина, что мне приходится выполнять работу в пяти футах от тебя.

— Все равно, — сказала я, поднимая тряпку с того места, куда она приземлилась, столкнувшись с лицом моей лучшей подруги. — В любом случае, это была не она.

— Да? А похоже на неё, — сказал Эллиот.

— Тебе, наверное, показалось. Молли даже хот-доги не любит.

— Но любит коктейли от Дигити. И я почти уверен, что ты вызвала её сюда, чтобы отчитать за то, что она разговаривала со мной прошлой ночью.

Я закатила глаза.

— Эллиот, ну, в самом деле. Моя жизнь не вертится вокруг тебя. Мысли о тебе едва ли занимают мизерную часть моих мыслей за день.

Эллиот оперся на швабру, посмотрев на меня с усмешкой.

— Но могу спорить, сейчас ты умереть как хочешь знать, о чем мы с Молли болтали?

— Вовсе нет, — ответила я, поворачиваясь к нему спиной.

— На случай, если тебе любопытно, я просил Молли пойти на свидание, но она отказалась.

Мне пришлось прикусить щеку с другой стороны, чтобы скрыть ухмылку, рвущуюся на лицо. Я сосредоточилась на оттирании пятнышка с ободка в верхней части кассы.

— Может ее отпугнул переизбыток твоего одеколона?

— Ты такая забавная, Эйвери, — монотонно произнес Эллиот. — Неудивительно, что парни штабелями складываются у твоего порога. Ой, хотя погоди-ка, это же не так, верно?

Ох, если бы Эллиот не вцепился так сильно в свою швабру, я бы с удовольствием размозжила бы ей его голову.

— Никто, кроме Зака Грили, — продолжил глумиться Эллиот. — Хороший подарочек ты себе отхватила, да?

— По крайней мере, Зак не шляется с кем попало за спиной своей девушки, — сказала я.

— Не шляется, ты права, — Эллиот выпрямился и начал подметать пол рядом. — Зак никогда не поступил бы так со *своей* девушкой. С другой стороны девушки других людей — это совсем другая история.

— Что это значит? — спросила я, скрещивая руки на груди.

Эллиот пожал плечами и продолжил уборку, словно этот разговор ему наскучил.

— Почему бы тебе не спросить своего друга Зака? Уверен, он очень хорошо помнит эту историю.

В кассовую зону вошёл мистер Трокмортон и заметил нас с Эллиотом.

— Райсер! — рявкнул он. — Кончай флиртовать и возвращайся к работе.

Агрх. Мистер Трокмортон даже не подозревал, насколько далек он был в своих предположениях, чем мы с Эллиотом на самом деле занимались.

Глава 18

— Помните: голосуя за меня, вы голосуете за честность!

Ханна стояла на импровизированной платформе из шести учебников по физике посреди главного холла Уиллоухай. За ней расположился стол с урнами для голосования за короля и королеву класса с огромным плакатом улыбающейся Ханны на её урне.

Ее подружки выстроились полукругом рядом с ней, держа в руках собственные плакаты с надписью “Голосуйте за Ханну!”, где имя Ханны было выделено красной блестящей ручкой и обрамлено переливающимися серебряными звездочками.

— Последние два года я добросовестно выполняла обязанности королевы класса, — продолжала Ханна, игнорируя тот факт, что никто ее не слушал. Её это не волновало.

Ханна радовалась любой возможности произнести речь, вне зависимости от того, слушали ее или нет. Ее голос пробивался сквозь гул голосов вокруг меня, пока студенты проталкивались по коридору к своим шкафчикам или столовой, чтобы позавтракать перед первым звонком.

Голосование за короля и королеву класса осуществлялось тайно, поэтому урны покрасили в чёрный цвет, чтобы невозможно было определить, кто лидирует. Но, тем не менее, Ханна хотела удостовериться, что она самый желанный кандидат, так что вся эта предвыборная кампания в холле была организована для виду.

— Кто бы мог подумать, что первое, что мы услышим утром — это ее речь? — Молли встала на ступеньку рядом со мной, сморщив нос в направлении Ханны и ее прихлебательниц. — День, начавшийся так плохо, может стать только хуже.

— Она хочет внимания, — сказала я, уводя Молли, прежде чем она выкинет что-нибудь безумное. — Ханна очень жадная до внимания.

— Что-то не вижу, чтобы Зак на нее смотрел, — Молли оглянулась на Ханну, которая все еще вела своих избирателей к победе с вершины горы из физики. — Она такая бесячая и высокомерная. У неё был хоть один беззаботный день в жизни?

В ответ на вопрос Молли в моей памяти начали вспыхивать картинки: совместные ночевки. Скоростное катание на коньках по тротуару у наших домов. Сморы посреди ночи, которые трещали так громко, что будили моих родителей, пока по микроволновке растекался зефир. Секреты, которые мы шептали друг другу в темноте, лежа бок о бок, на ее огромной кровати.

— Наверное, нет, — пробормотала я.

Я могла бы спросить себя, что произошло со мной и Ханной, отчего мы стали такими собранными и серьезными, но я уже знала ответ. Я была там, слышала слова, видела боль, которую причинила мне Ханна в тот день, когда швырнула половинку кулона дружбы мне в лицо. С того момента все изменилось, и мы перестали быть хихикающими беззаботными детьми.

Ты могла бы выступать время от времени, чтобы раскрепоститься, сказал Зак. Его слова все еще звучали у меня в ушах, обвиняя в том, что я была такой же скованной, как Ханна.

Какой у меня был выбор? Стать неудачницей, никогда не побывать в Коста-Рике, не стать врачом.

Никогда не стать той, рядом с которой люди захотели бы остаться.

Однажды я уже проиграла. И это не должно повториться снова. Скована я или нет, я добьюсь всего самого лучшего для себя и своей семьи. И сделаю я это с помощью единственного человека, от которого по-настоящему завишу, — себя самой.

В мой транс прорвалось тарахтение Молли, очевидно заговорившей быстрее, раз я не услышала ни слова, из того, что она сказала. Я моргнула, пытаясь сосредоточиться на ее голосе.

— Так что, думаю, я удалю весь код и начну сначала, — сказала Молли. — Ни одна таблица в базе данных не работала так, как нужно, и не дала мне логических совпадений.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что речь снова шла о сайте знакомств Любовь от А до Я.

— В сводничестве нет ничего логичного, — сказала ей я, пока мы проталкивались по коридору. — Это мошенничество, всегда было мошенничеством и всегда будет. Компьютер не способен предсказать романтическое влечение между двумя людьми.

— Это ты тут бизнес по подбору пары запускаешь, — сказала Молли, пожав плечами. — Я всего лишь человек, который делает сайт.

Я начала теребить волосы.

— Я не запускаю бизнес по подбору пары. Это Зак запускает. Я же несчастная жертва, вынужденная строить вымышленный бизнес в паре с человеком, который, походу, не понимает этого.

Молли дернула меня, заставив остановиться.

— Эй, ты же не собираешься взорваться? А то твое лицо уже стало одного цвета с волосами.

Я сделала несколько глубоких вдохов. *Дистальные фаланги, промежуточные фаланги,proxимальные фаланги, пястные, запястные.* Я повторяла эти слова снова и снова, заставляя раздражение выходить из тела вместе с долгими выдохами.

— Я в норме, — сказала я, убедившись, что последние остатки здравомыслия не собираются взорваться прямо в черепной коробке. Последние недели с Заком выбили меня из колеи. Он разрушил мою идеальную систему сна и отвлекал на занятиях. Наверное, сейчас мое давление зашкаливает. Лучше бы папа послушал меня и, вместо подарочного сертификата в Gap, купил бы тонометр, который я попросила на день рождения в прошлом году.

— Хорошо, а то я не хочу делать тебе искусственное дыхание посреди коридора, — взгляд Молли переместился на что-то позади меня, и она расплылась в широкой улыбке. — О, Эллиот идет.

Я стиснула кулаки, и ни одно дыхание в мире не смогло бы меня сейчас успокоить. — Это утро с каждой минутой становится все хуже!

Молли ущипнула меня за руку.

— Будь милой, — она улыбнулась так широко, что её зубы, казалось, могли выпасть из рта в любую секунду, пока Эллиот приближался к нам.

— Здравствуйте, леди, — поприветствовал он нас. Улыбнувшись в ответ на широкую улыбку Молли, он стал похож на скользкую змею. Я так и видела, как он ждет, когда я отвернусь, чтобы вонзить клыки в наивную малышку Молли.

— Привет, — сказала она. — Готов к опросу по тригонометрии?

— Готов, насколько это возможно, — ответил он. — Я вчера зубрил до двух ночи. Так что, я либо сдам, либо усну прямо за партой от переутомления.

— Из-за недосыпа твой мозг усваивает меньше информации, — просветила его я. — Так что зубрежка допоздна не работает.

— Благодарю вас, доктор Джеймс, — сказал Эллиот. — Даже не знаю, что бы мы делали без вашего медицинского вмешательства.

Я свирепо на него посмотрела, он ухмыльнулся мне в ответ. Почему Молли никак не разглядит, какой он? Она смеялась над его тупой шуткой, которая не была даже чуточку забавной. Ему бы следовало поучиться шутить у Зака. По крайней мере, Зак кое-что смыслит в юморе.

Почему я подумала о Заке?

Я прошла мимо Эллиота, не заботясь о том, что мой рюкзак стукнул его прямо в живот.

— Мне пора на урок.

— Увидимся, — сказала Молли Эллиоту. Затем она снова нагнала меня, почти перейдя на бег, чтобы поспеть за мной.

— Что с тобой не так?

Я вскинула брови.

— Со мной? Это ты виснешь на Эллиоте Райсере, как влюбленная дурочка.

Она встала передо мной, преградив мне дорогу. Молли может и была невысокой, но могла быть невероятно сильной, когда злилась.

— Хватит постоянно грубить Эллиоту.

— Так может ему стоит держаться подальше, чтобы я не грубила?

Я постаралась обогнать ее, но Молли оказалась готова к моему маневру и шагнула влево вместе со мной. Она скрестила руки на груди и закатила глаза.

— Я слушаю твои жалобы на Эллиота уже два года. И ни разу не видела, чтобы он сделал что-то из того, в чем ты его обвиняешь. Что на самом деле произошло между тобой

и Эллиотом? Было что-то еще, помимо того, что ты рассказывала, я знаю. Не относящееся к этому.

Я почти рассказала ей все. О маленьком жевательном кольце дружбы с пластиковым фиолетовым камнем посередине, которое я спрятала на дно своей шкатулки с украшениями, потому что не могла его выбросить. Я почти рассказала ей, как в конце все отвернулись от меня. О том, что я оказалась недостаточно хороша для них. Ни для мамы, ни для Ханны, ни для Эллиота.

А однажды я окажусь недостаточно хорошей и для Молли.

Но я не могла вымолвить ни слова. Если я расскажу ей о том, что произошло, она перестанет видеть во мне человека, которого знала. Она поймет, насколько я на самом деле неидеальна.

— Я давно утратила к нему доверие, — прошептала я, уставившись на носки своих ботинок.

— Из-за Лилы Махони? — отмахнулась Молли. — Этой истории сто лет, и Эллиот сказал, что она сильно преувеличена. Нельзя все время верить тому, что говорят.

Я даже не собиралась исправлять ее. Если бы я открыла рот, слова, которых я так боялась, вырвались бы наружу.

Глава 19

Ханне всегда удавалось возникнуть передо мной из ниоткуда. В пустом туалете, в темном углу под лестницей в зале для первогодок и даже в увешанном коврами подвале, в который, как я думала, она не сунется, чтобы посмотреть, что я собираюсь сделать. Во всем, что касалось меня, у Ханны работало шестое чувство, и она всегда точно знала, когда я не хочу ее видеть.

В Будке Дигити было людно, как бывало всегда после занятий, когда все заходили сюда по дороге домой за молочным шейком или острым картофелем фри. Я стояла за прилавком у дальней стены, спиной к кассе, оттирая капельки липкой содовой с автомата с напитками. Услышать её тихий голос, произносящий моё имя, в такой суматохе казалось нереальным. Однако моя голова повернулась раньше, чем я распознала тревожный звоночек и увидела её по другую сторону прилавка.

Я хотела притвориться, будто не заметила её и вернуться к оттиранию, но знала, что Ханна Коэн не отстанет от меня так просто. Если мистер Трокмортон увидит, как я игнорирую клиента, у него случится сердечный приступ, так что проще собраться и отправиться пряником в львиную пасть.

Весь день я пыталась настроиться на разговор с ней, сказать, что я завязываю со всеми этими разлучническими делишками, и вернуть ей деньги. Чек, будто насмешка, тяжёлым грузом лежал в моём кармане. Неужели я готова распрощаться с Коста-Рикой из-за Зака Грили?

— Добро пожаловать в Будку Дигити. Чем я могу быть вам полезна в этот дигитидогный день?

Всякий раз, когда я произносила эти слова, мне хотелось затолкать свою рабочую кепку в собственную глотку.

Ханна отбросила волосы назад, вздернула подбородок и посмотрела на меня.

— Я думала, что заплатила тебе за то, чтобы ты увела у меня парня.

И как ей удается выглядеть круто и не потеть даже когда на улице адское пекло? Потная, изнывающая от жары Ханна выглядела бы не так угрожающе, нежели эта, над которой, похоже, жара была не властна, в отличие от всех остальных.

— Так и есть, — я стиснула зубы, разрываясь между тем, чтобы оставить чек, и тем, чтобы все закончить. И ради кого? Парня, который не способен держать себя в руках, ничего не воспринимает всерьёз и который умудряется оскорбить меня всякий раз, как откроет рот, даже если не пытается этого сделать? Я позволила ему пить слуши в своей машине. Позволила вытащить себя из дома посреди ночи вместо того, чтобы спрятаться в

уютной постели и спать, чтобы потом нормально себя чувствовать. Это была *не я*. Я таким не занимаюсь. Границы моей жизни сильно поистрепались и превратились в месиво, которое не починить. Я не могла позволить Заку войти и разрушить всё, над чем я так упорно работала последние четыре года.

— Тогда почему он всё ещё считает меня своей девушкой? — Ханна скрестила руки на груди и уставилась на меня, в ожидании приемлемого ответа.

Но его у меня не было. Я засунула руку в карман и достала чек, который сложила ровным прямоугольником с четкими и аккуратными сгибами.

— Я не могу этого сделать. Возьми свои деньги и расстанься с Заком как-нибудь сама.

Ханна захохотала.

— Ты сдаёшься? Вот так просто? Что случилось с Эйвери Джеймс? А где же та, что берёт моё и не волнуется о последствиях?

Я сглотнула.

— Я не отбирала у тебя Эллиота.

— Продолжай убеждать себя в этом. Возможно, однажды тебе кто-нибудь поверит, — она кивнула на чек, который я зажала между пальцами. — Тебе проще застрять здесь ещё на год, чем отправиться на медицинскую практику, или что там у тебя?

Я притворилась, будто забиваю заказ на случай, если мистер Трокмортон выглянет из офиса.

— Я не хочу этого делать. Найди кого-нибудь другого, кто выполнит за тебя грязную работу.

Ханна долго изучала меня взглядом, пока мне не стало некомфортно, и я начала постукивать пальцами по стенкам кассы.

Наконец, она подалась вперёд, и её тёмные глаза встретились с моими.

— Он утомляет, не правда ли? Когда он рядом, ты не можешь сосредоточиться. Его постоянное дёрганье раздражает. Его ничего не интересует в жизни, кроме того, что доставляет удовольствие *ему*. А если тебе доведётся выслушать хотя бы одну из его безумных идей, то захочется выдрать собственные уши.

Она выпрямилась, всё ещё прожигая меня взглядом.

Я смотрела на неё в ответ, чуть приоткрыв рот, но, не произнося ни звука.

— Я права? — Она не дождалась моего ответа. — Теперь ты видишь, с чем мне приходится иметь дело уже почти год. Он убивает меня, но даже не понимает этого, потому что никогда не замечает того, что происходит за пределами его безумного мира. Я пыталась изменить его, но это оказалось разрушительным для нас обоих. А я ни одному парню не позволю себя разрушать.

Она отбросила волосы назад.

— Хочешь отказаться от своего будущего из-за Зака — прекрасно. Я спокойно восприму твой провал, если ты свернёшь с намеченного пути, — она улыбнулась. — Но только подумай. Не поедешь в Коста-Рику этим летом, не попадешь в топ школы в следующем году. А оттуда один путь — вниз. Ты согласна на второе место?

Ханна слишком хорошо меня знала. И очень хорошо знала, как ранить меня словами.

Я бы не стала второй по успеваемости. Просто не смогла бы. Всё было спланировано, и Коста-Рика была первым пунктом этого плана.

Я же смогу пережить парочку слухи и комедийных шоу во имя собственного будущего, правда?

Входная дверь распахнулась, и в помещение вошла высокая женщина в идеально выглаженной белой блузке и кремовой юбке. Она брезгливо обвела взглядом обеденный зал, втянула носом воздух и слегка передёрнула плечами.

— Ханна, ты закончила? — Она взглянула на блестящие золотые часы на запястье.

— Мы отстаём от графика. В семь тридцать мы должны приступить к подсчёту твоих голосов.

Миссис Коэн, мама Ханны. Я не видела её с тех пор, как Коэны переехали от нас два года назад. Она ничуть не изменилась — всё такая же высокомерная, чопорная и неспособная ничему удивляться.

Я машинально выпрямилась, когда взгляд миссис Коэн остановился на мне. Неважно, была на моём лбу кепка с хот-догом или нет, в глазах миссис Коэн я всегда представляла угрозу успеху Ханны, следовательно, знатясь со мной она не желала и ничем не выдала нашего знакомства, лишь одарила меня коротким взглядом и тут же отвернулась.

— Я дам тебе несколько дней на раздумья, — прорычала Ханна. — Подумай, хочешь ли ты снова носить костюм хот-дога всё лето. Да и кто тебе Зак? Никто, просто парень, который ничего не значит. Люди, вроде нас с тобой, добиваются успеха во всём, за что берутся. Ты готова сделать всё, что нужно, чтобы его достичь?

Она развернулась и зашагала к матери.

— Серьёзно, Ханна, — рявкнула миссис Коэн, открывая дверь, — подобное поведение может стоить тебе титула первой ученицы в следующем году. Успешные люди всегда пунктуальны.

— Привет, детка, — поприветствовал меня папа, когда вечером я вошла на кухню после работы.

— Привет, — ответила я и перевела взгляд с папы, который смеялся минуту назад, на Иана, который всё ещё смеялся, а с него на Тришу. Все трое сидели за нашим кухонным столом — Триша снова заняла мамино место — и, похоже, отлично проводили без меня время.

— Что смешного?

Я открыла холодильник, чтобы достать клюквенный сок, отчасти ожидая, что обнаружу его в ящике для нарезки, благодаря безответственному отношению Триши к хранению продуктов. Но нет, наполовину початая бутылка стояла на своём месте, аккурат между яблочным соком и молоком на полке для напитков.

— Ничего, — ответил папа. — Триша рассказала нам об одном из своих учеников. Долго пересказывать.

И тут мне всё стало ясно. Это были *их* дела. И для меня в них места не было. Триша сработала безупречно, ловко обведя мужчин в этом доме вокруг пальца. Но со мной у неё это не прокатит. Я прекрасно понимала, что она стремится стать альфа-самкой в этом доме. А потом, когда все будут довольны и счастливы — БАМ — она поступит как мама и сбежит.

Хорошая попытка, Триша Монтгомери, но не все в этом доме слепые и глупенькие.

— Как прошёл твой день? — спросила меня Триша, опершись на локти.

— Нормально, — буркнула я, достав стакан из шкафчика. — Продала кучу хот-догов.

— А ты случайно не принесла нам остатки? — поинтересовался папа.

Триша засмеялась над папиным тупым комментарием так, словно это было самой чудной шуткой, которую она когда-либо слышала.

— Не дразни её, Митч. Эйвери упорно работает, чтобы поехать в Коста-Рику, — она посмотрела на меня большими сияющими глазами. — Сколько там осталось? Полтора месяца вроде, да? Ты, наверное, очень взволнована?

— Да, — ответила я. — Взволнована.

— Не могу представить, каково это, уехать так далеко от дома в твоём возрасте, — сказала Триша, подперев подбородок рукой. — Мои родители никогда мне такого не позволяли. Твой отец такой молодец, что разрешил тебе поехать.

— Уж не знаю, насколько я молодец, — отозвался папа, слегка покраснев. — Не могу сказать, что я на сто процентов одобряю эту поездку. Часть меня всё ещё думает, что я должен связать её и запретить выходить из дома этим летом.

Я бросила на отца сердитый взгляд.

— Мы уже обсуждали это. Там будут сопровождающие, куча взрослых постоянно рядом.

Папа потянулся и похлопал меня по руке.

— Я помню, но всё равно волнуюсь. Мне проще, когда ты дома, в безопасности.

— Эйвери умная девушка, — сказала ему Триша. — Она сможет о себе позаботиться.

— Ага, — сказал папа, улыбнувшись мне. — Полагаю, я просто не могу смириться с тем, что она уже взрослая. Это произошло слишком быстро.

Иан изобразил рвотные позывы.

— Вы уже закончили признаваться Эйвери в любви? Давайте уже обо мне поговорим.

Триша подалась вперед и потрепала его по щеке.

— И о чём же ты хочешь поговорить? О том, какой ты очаровашка?

Иан зарделся.

— Ну, разве что пару минут. Не всю ночь, конечно.

Они засмеялись так, словно были типичной счастливой семейкой. Мама, папа и сын собрались за столом, чтобы обсудить, как прошёл их день. А я была изгоем в собственном доме, не понимающим, как и когда это произошло. Когда эта странная женщина смешила меня на второе место в нашей семье?

— Ой! — воскликнул Иан. — Я же хотел показать новые фотки, которые сделал для проекта.

Мой братец выскочил из-за стола и бросился в свою комнату. Минуту мы слушали, как он передвигает вещи, после чего он вернулся с коробкой фотографий.

— Вот, смотри, — сказал Иан, достав стопку и вручив её Трише.

Почему Иан был так влюблён в эту женщину? Мерзко смотреть на то, как он стремится заслужить её одобрение. Он хотел, чтобы она гладила его по голове и называла хорошим мальчиком, лишь бы восполнить мамино отсутствие.

Я встала.

— Пойду, отнесу вещи в комнату. У меня куча...

Мой голос оборвался. Я опустила взгляд на стол и увидела фото, которое Триша положила перед собой, рассматривая снимки.

— Дайте посмотреть, — мои пальцы приблизились к фотографии, привлёкшей моё внимание. Я, моргая, смотрела на снимок, стараясь впитать в себя то, что видела. Но сколько бы я ни вглядывалась в два лица на нём, не могла до конца осмыслить запечатлённую на снимке сцену.

— Эйвери? — спросил папа. — Что-то не так?

— Когда это было сделано? — спросила я Иана, показав ему фото.

Иан запрокинул голову, пытаясь вспомнить.

— Два дня назад, вроде. Точно, потому что на фоне книжный уголок. Я как раз пару дней назад делал фотки. А что не так с этой фотографией?

Я покачала головой.

— Ничего. Можно я её возьму?

Иан пожал плечами.

— Бери. Всё равно она не самая удачная. Я не собирался использовать её для коллажа.

Фотография была нечёткой, так что я не была уверена, что то, что я видела реально. Она была сделана с близкого расстояния, и я не могла оторвать от неё взгляд.

— Спасибо, — сказала я. — Я буду у себя в комнате, если понадоблюсь. Что-то мне нехорошо.

Папа встал и потрогал мне лоб.

— Ты в порядке? Что случилось? Это из-за фотографии?

Я покачала головой и отстранила его руку.

— Это фотография знакомой из школы. Я подумала, что она захочет её забрать. Вот и всё.

Папа, похоже, не поверил мне, но кивнул и сел обратно.

— Я загляну к тебе попозже проверить, как ты себя чувствуешь.

— Надеюсь, тебе станет легче, Эйвери, — сказала Триша.

Я кивнула.

— Да, спасибо. Спокойной ночи.

Едва я закрыла дверь в свою комнату, как легла на кровать и снова уставилась на фотографию. Я всё ещё не могла поверить в то, что видела.

Ханна Коэн шла за ручку с парнем.

И этот парень *не был* Заком Грили.

Глава 20

Мистер Трокмортон смотрел на меня неодобрительным взглядом. Очевидно, сегодня у него выдался трудный день, судя по торчащей из брюк рубашке и встрёпаным самим немыслимым образом волосам.

— Джеймс! — рявкнул он, заставив меня виновато подпрыгнуть. — Что-то я не вижу клиента у прилавка. Для кого ты это делаешь?

Я опустила взгляд на крышку шоколадно-молочного шейка с двойными сливками.

— Клиент появится с минуты на минуту. Этот заказ поступил сверху.

Я послала мистеру Трокмортону свою самую, как я надеялась, невинную улыбку, чтобы он не решил, будто я что-то задумала. К несчастью, мистер Трокмортон всегда считал, что я что-то задумала.

— Твои друзья не получат бесплатных шейков, — сказал он мне, решительно уперев руки в бока. — Запомни. Либо они платят, либо ты.

— Он уже оплачен, — радостно сообщила ему я.

Мистер Трокмортон посмотрел на меня ещё немного, резко кивнул и, наконец, исчез на кухне.

Я облегчённо выдохнула. Нужно валить из этого места. Мой разум не мог более выносить работу в Будке Дигити.

— Звонила? — спросил голос позади меня.

Иан облокотился о прилавок, поставив фотоаппарат на идеально чистую поверхность, которую я только что вытерла.

— Чего хотела? — спросил он скучающим тоном.

— И так-то ты приветствуешь свою сестру, которая тебя любит и обожает... — я продемонстрировала свежеприготовленный шейк, приподняв крышечку и показывая ему содержимое, — ... и сделала для тебя этот бесплатный молочный шейк?

Иан смерил меня подозрительным взглядом, но коктейль взял.

— Спасибо.

Он сделал большой глоток через соломинку и посмотрел на меня.

— И всё-таки, чего ты хочешь?

Я поманила Иана к концу прилавка подальше от кухни. Я не могла покидать свой пост, когда стояла на кассе, но могла сделать так, чтобы кое-кто на кухне не подслушал наш разговор.

— Видишь девушку? — спросила я, показывая сделанную им фотографию Ханны.

Иан всмотрелся в снимок.

— Не очень. Фотка размытая.

Я вздохнула.

— Точно. Мне нужно, чтобы ты сделал фото получше. И если ты заснимешь, как эта девушка целует этого парня, получишь целых два шейка.

— Я даже не знаю, как она выглядит, — Иан повертел фотографию, словно перевернув её вверх ногами, он мог что-то разглядеть. — Как я её узнаю, если встречу в городе?

— Пойди в мою комнату и посмотри прошлогодний альбом с фотографиями, — сказала я. — Он стоит на верхней полке в моём шкафу. И найди среди второкурсников Ханну Коэн.

Прежде чем спросить, Иан втянул в себя ещё немногого шейка.

— Почему тебя так интересует, с кем она встречается?

Младшие братья бывают такими надоедливыми. Почему просто не сделать то, о чём я прошу без лишних вопросов?

— Не твоё дело. Если хочешь бесплатные шейки, сделай, что я прошу.

— Ладно, — сказал Иан. — Но я не знаю, встречу ли я её в городе ещё раз. Не стану же я за ней шпионить.

— Нашёл её один раз, найдёшь и второй, — отозвалась я. — А я постараюсь выяснить, где она бывает после школы.

Молли отлично с этим справится.

Кухонная дверь открылась, и вышел Эллиот, помахивая шваброй и посвистывая. Увидев нас с Ианом, он ухмыльнулся.

— Ой, как мило. Воссоединение семейства?

— Иди, надоедай кому-нибудь другому, — сказала ему я.

Эллиот обошёл прилавок и с размахом опустил руку Иану на плечо.

— Я просто приветствую своего любимого маленького соседа.

Взгляд, которым Иан посмотрел на Эллиота, вызвал во мне непреодолимое желание выпить остатки шейка ему на голову. Иану стоило поучиться выбирать себе примеры для подражания. Или эта малявка думает, что каждый идиот, встречающийся на его пути, — его новый герой?

Я перегнулась через прилавок и вырвала брата из змеиной хватки.

— Тебе разве работать не надо?

Эллиот крутанул швабру.

— У меня свидание с кусочками пищи.

— Пока, Эллиот, — крикнул Иан, когда тот ушёл.

Я посмотрела на него, скривив гримасу.

— Только не говори, что тоже попал под его обаяние.

Кончики ушей Иана порозовели.

— Он, вроде, довольно классный парень.

— Он самый большой придурок в городе. Держись от него подальше.

Я потянулась за тряпкой, чтобы снова протереть прилавок, как вдруг мне в голову пришла идея:

— Или даже лучше, — медленно проговорила я, перегибаясь через прилавок и понижая голос, — проследи и за ним. Узнай, чем он занят, когда никто не видит.

— Если ты его ненавидишь, то зачем тебе знать, что он делает? — спросил Иан, потягивая молочный шейк.

— Для собственного успокоения.

— Если я соглашусь на это, придётся поднять цену до четырёх бесплатных коктейлей.

— Трёх.

— Идёт.

— Только сделай чёткие фотки. А не размытые.

Если всё сработает, я разом решу сразу две проблемы.

Глава 21

Когда в четверть двенадцатого пришло смс от Зака, я лежала без сна в своей постели.

Готова к полночному шоу?

Секунду я думала не отвечать. Мне следовало остаться в уютной кровати и в нормальной жизни, в которой не было всех этих сложностей.

Готова, написала я в ответ.

Моё тело взбунтовалось против меня. Голова твердила — нет, пока ноги водили меня по комнате, руки хватали одежду, а ступни выносили на улицу к Заку, ожидавшему на подъездной дорожке.

— Тебе понравится моё сегодняшнее выступление, — сообщил Зак. — Я приготовил кое-что новенькое.

Я что-то пробормотала, но на самом деле почти его не слушала. Мои пальцы отбивали по рулю едва различимый ритм. Сердце билось так, словно я выпила слишком много кофеина.

— Эй, ты в порядке? — спросил Зак, похлопав меня по руке.

Я подскочила и неожиданно осознала, что едва не рванула на красный свет. Моя машина с визгом затормозила на пустом перекрёстке.

— Что?

— Ты забылась на минуту.

Я тяжело вздохнула. Неужели я не могу держаться подальше от Зака? Что заставило меня пойти с ним сегодня?

— Ой, прости... Я задумалась о Коста-Рике.

Зак кивнул.

— Волнуешься из-за отъезда?

Загорелся зелёный, и я вдавила газ, поднимая позади нас клубы пыли.

— Да, очень. Старшеклассников не допускают до медицинской практики, максимум до наблюдений и пополнения запасов. Но я все равно очень туда хочу, — вздохнула я. — Найти бы только недостающую сумму.

Зак откинул голову на подголовник и посмотрел на меня.

— Много не хватает?

— Четыреста долларов, — ответила я. — Поэтому я работаю в Будке Дигити.

Зак присвистнул.

— Спасение мира недёшево обходится.

— Недёшево. Но если удастся поехать, это того стоит.

Зак провёл пальцем по шву на пластиковом чехле.

— А что случится, если ты не поедешь? Рухнут планы на будущее?

Прежде чем ответить, я с минуту поразмыслила над его вопросом. Мама — единственная, кто мог объяснить, почему она решила сбежать вместо того, чтобы остаться. Может, мама жила в Коста-Рике жизнью мечты, а, может, находилась где-то ещё. Но это была моя единственная зацепка, единственный шанс найти её и потребовать ответов.

— Нет, полагаю, всё будет в порядке, если я не поеду. Или, по крайней мере, всё останется по-прежнему.

— Что не очень-то хорошо, да?

Я пожала плечами, не в силах встретиться с ним взглядом.

— Всё не очень-то хорошо вот уже четыре года.

Мы очень долго молчали, пока я ехала по тёмным улицам. Я почти чувствовала умиротворение, сидя в машине с Заком и не произнося ни слова. Тишину нарушало лишь тихое бормотание радио.

— Родители не всегда понимают, как ранят детей своими поступками, — сказал мне Зак. Он смотрел прямо перед собой, его пальцы ходили туда-сюда по бедру, очерчивая строчки на джинсах. — Они совершают ошибки. Очень большие ошибки.

— Некоторые ошибки невозможно простить, — заметила я.

— Да, — согласился он. — Некоторые простить невозможно.

И тут я произнесла то, чего ещё никогда и никому не говорила:

— Иногда мне хочется навсегда забыть её.

Он повернулся ко мне, и его взгляд, казалось, пронзил меня насквозь.

— Ты действительно этого хочешь?

— Иногда да. Мне не нравится вспоминать о том, что она сделала с папой и о том, как мой брат рыдал несколько месяцев. Для всех нас будет лучше, если мы притворимся, что её не существовало. Будто она миф, понимаешь? Хотя кое-кто из нас, похоже, хочет забыть о ней сильнее остальных.

— О чём ты? — спросил Зак.

Я вздохнула, сильнее стиснув руль.

— Мой отец. Он встречается с одной женщиной и, похоже, всё серьёзно. Не понимаю, зачем он снова завёл отношения. Как будто забыл, как больно сделала ему мама.

— Может, ему одиноко, — предположил Зак. — Может, твой пapa решил вспомнить лучшие моменты влюблённости и хочет пережить их вновь?

— А стоило бы подумать о худших. Тогда бы он не захотел заново открываться кому-то и испытывать боль.

Зак послал мне полуулыбку.

— Да уж, лучшего партнёра для запуска бизнеса по подбору пары не сыщешь.

Я слегка хихикнула.

— А я тебя предупреждала. Зачем подставлять себя под удар? Намного лучше жить, не позволяя гормонам довлесть над нами и втягивать нас в безумства.

Зак подался вперёд и сжал мою руку.

— Знаешь, порой отношения — это нечто большее, чем гормоны.

Казалось, будто мою руку сунули в огонь, так горела кожа в том месте, где Зак коснулся её.

Гормоны, напомнила я себе. Всему виной гормоны.

— Иногда, дело в глубокой связи между людьми, — продолжил Зак. — Это... ну, не знаю. Сложно объяснить. Но я точно знаю, что это больше, чем гормоны.

Свет проносящихся мимо светофоров отразился в глазах Зака, когда я взглянула на него. Мы находились близко друг к другу, и смотря на него, я чувствовала, что тону в его глазах, прямо как пишут во всех этих тупых журнальчиках. Мой разум затуманился, и я не могла вспомнить, где мы, будто весь остальной мир вокруг нас исчез. Неожиданно в моём мозгу осталась только одна мысль.

Каково это, целовать Зака Грили?

Я не могла сосредоточиться на выступлении Зака. Ощущение, будто кости готовы выпрыгнуть из тела. Пальцы постукивали по бедру, снова и снова отбивая чёткий ритм. Раз, два, три. Раз, два, три.

Прошло несколько минут, прежде чем я заметила, что всеобщее внимание в зале обращено ко мне. Все без исключения зрители развернули ко мне сияющие лица и лукезарно улыбались. Кто-то кричал мне: “Давай, поднимайся на сцену!” и “Ты сможешь!”. И подбадривал аплодисментами.

Стоящий на сцене Зак махал рукой, подзывая меня к себе.

— Поднимайся сюда, Эйвери! Не стесняйся.

О, нет. Только не это. Я могла выйти на сцену только в одном случае, чтобы произнести тщательно продуманную и заготовленную речь, точно зная, чего ожидать, а вот перспектива опозориться меня совсем не вдохновляла. Выкрики стали громче и теперь уже все в зале скандировали: “Эй-ве-ри! Эй-ве-ри!”.

— Не стесняйся, — сказал Зак. — Выходи.

Моё тело приросло к месту, пальцы замерли над бедром на середине постукивания. Я вспомнила об окончании восьмого класса, когда меня вызывали на сцену, чтобы вручить награду за успехи в учёбе. Вся аудитория — ученики, учителя и родители — посмеялись

над моим неловким выступлением. Эллиот потом дразнил меня всё лето, когда мы пересекались на тротуаре у наших домов, интересуясь, не принимала ли я в последнее время “какие-нибудь наркотики”.

— Будет весело, — Зак широко улыбнулся, глядя на меня поверх микрофона. — Выходи, Эйвери.

Моё тело, наконец, оттаяло, и я смогла пошевелиться. Но на сцену я не пошла. Вместо этого я выпуталась из кресла-мешка и, петляя между людьми и столиками, направилась к двери.

Я выскочила из закусочной и вдохнула тёплого ночного воздуха так жадно, словно задыхалась. Голова кружилась от тошноты, и я наклонилась, опервшись рукой о кирпичную стену, чтобы не потерять равновесие. Всё пережитое заструилось горячими слезами по щекам.

Там-то, всё ещё сгорбленную и всхлипывающую, он меня и нашёл. Без лишних слов прижал меня к себе, скользящим движением рук заключив в свои объятия и притягивая ближе. Я уткнулась лицом в его плечо. Я даже толком не знала, почему плачу, но в голове одновременно крутился миллион различных причин. Из-за воспоминаний о восьмом классе. Из-за желания поцеловать Зака. Из-за того, что Молли влюблена в Эллиота. Из-за того, что Эллиот с Ханной разрушили мою жизнь. Из-за того, что папа встречается с Тришой, и Иану она, похоже, нравится.

Или из-за того, что мама вдруг стала нам чужой, и я не знала, вспоминает ли она о нас вообще.

Я поняла, что Зак что-то говорит и гладит меня по голове, и подавила всхлип.

— Прости, — прошептал он мне на ухо, щекоча дыханием мою кожу. — Прости, прости, прости.

Я подняла на него лицо. Он нежно посмотрел на меня в ответ. И провёл большим пальцем по моим щекам, стирая слёзы. Я закрыла глаза, покорившись мягким прикосновениям его рук.

— Я не хотел расстраивать тебя, — сказал он, и его жаркое дыхание обожгло мою щёку.

Когда я открыла глаза, он был так близко, и его нос находился едва ли в дюйме от моего. Если бы я чуть-чуть подалась вперёд, то наши губы соприкоснулись бы.

Я отстранилась, создавая небольшую дистанцию между нами. Лишённая его тепла, я жаждала вернуться обратно в его объятия. Но сопротивлялась, вытирая слёзы с щёк.

— Всё в порядке, — после слёз мой голос осип и стал хриплым.

— Я и не знал, что у тебя такая сильная боязнь сцены, — сказал Зак. — Если бы знал, не просил бы тебя подняться.

Я покачала головой, но сложно было объяснить Заку, почему я так отреагировала. Поэтому я сменила тему.

— Прости, что измазала соплями всю твою рубашку.

Зак пожал плечами.

— Немного соплей никогда не повредит.

— И за то, что испортила твоё выступление, тоже прости.

— Ты его не испортила. После такого люди заговорят обо мне ещё больше. Парень с истеричной подружкой. Публичность — это всегда хорошо, по-моему.

Я съежилась. Я *не* истерила, во всяком случае, не на глазах у всех. Подобные реакции лучше демонстрировать за закрытыми дверьми, где их никто не увидит. Унизительно, что Зак считает меня неадекватной истеричкой.

— Наверное, мне лучше поехать домой, — сказала я, отступая в сторону своей безопасной машины.

— И оставить меня в затруднённом положении? — спросил Зак, напоминая мне, что я привезла его сюда. — Ни за что! Мы просто обязаны выпить слуши перед тем, как разойтись.

— Я не в настроении для слухи.

— Не в настроении для слухи? Да быть не может. Слухи всегда к месту. Тебе полегчает после него, зуб даю.

Он соединил ладони, умоляя меня согласиться на слухи. Он выглядел так жалобно с огромными карими глазами и подрагивающей нижней губой.

Я закатила глаза.

— Ладно. Выпьем слухи, но потом поедем домой и ляжем в постель, как нормальные люди, — осознав, что ляпнула, я добавила, — каждый в своём доме и в свою постель.

— Ты придаёшь слишком большое значение тому, как должны вести себя “нормальные” люди, — заметил Зак, когда мы сели в машину и направились на заправку Gas ‘N Drive.

— Что плохого в том, чтобы быть нормальным? — поинтересовалась я.

— А что есть норма? — парировал он.

Я пожала плечами.

— Ну, знаешь, хорошие отметки в школе, сон по ночам. Семейный ужин, за которым все рассказывают, как прошёл день, а после вместе смотрят телевизор.

— Это твоё определение нормальности. Но посмотри сюда, — он обвёл рукой, залитый неоном мир за окнами машины. — Это *моя* норма. Пить слухи в час ночи. Выступать по ночам. Заводить друзей везде, где бы ни оказался, и знакомиться с людьми, которые не живут по нормальным правилам. Его руки отбили быстрый и, как обычно, нестройный ритм по моей приборной панели. — Да и что хорошего в твоём понимании нормальности?

— Она… — я подобрала правильное слово. — Предсказуема. Вот что.

— Не очень-то весело.

— А тебе только веселье подавай?

Эти слова вырвались раньше, чем я успела сдержать их, раньше, чем я осознала, как сильно это похоже на Ханну. Одного взгляда на пассажирское сиденье хватило, чтобы понять — я задела его чувства.

— Прости.

Всю дорогу до заправки мы молчали. Я прибавила звук магнитолы, позволяя Hallow Flux заполнить тишину.

Несколько минут спустя мы вошли в здание заправки Gas ‘N Drive, и я заморгала, привыкая к яркому свету. Кассир, которого мы видели раньше — Джейк — стоял, растёкшись по прилавку, и снова дремал. Когда мы вошли, он слегка приоткрыл глаза.

— Привет, чувак, — сказал он, протягивая руку, чтобы поприветствовать Зака рукопожатием. Они выполнили сложное приветствие, настолько быстро, что я не успевала следить за движениями.

— Мы за слухи, — сказал Зак, и Джейк кивнул, жестом отослав нас в конец зала.

— Это ваше секретное рукопожатие? — спросила я, идя за Заком к автоматам. — Вы гангстеры что ли?

Зак тихонько хохотнул.

— Нет, мы придумали его в прошлом году. Это вроде как наша фишка. Нижнее пять, захват, удар кулаком, захват и трепет, — он пожал плечами. — Это тупо, знаю. *Нормальные* люди таким не занимаются.

Это явно был камень в мой огород, но я улыбнулась, не желая показывать ему, что меня это задело.

— Это не тупо. У меня никогда не было секретного рукопожатия.

Зак покачал головой и взял два стакана.

— И почему я не удивлён?

Он смешал наши слухи до идеальной консистенции, и мы пошли обратно к кассе, где Джейк уже слегка похрапывал за прилавком.

Зак прижал палец к губам, приказывая мне вести себя тихо. Так же бесшумно он достал деньги за напитки и положил их у локтя спящего Джейка. Затем мы на цыпочках вышли из магазина и направились к моей машине.

— Он всегда спит во время работы? — спросила я, когда мы устроились на покрытых пластиком сидениях. — Если бы я так делала, мистер Трокмортон уже давно уволил бы меня.

— Нельзя винить его за сон, — сказал Зак. — Джейк парень занятой. Так что дремлет, когда выдаётся минутка.

Я закатила глаза.

— О да, вижу, какой он занятой парень, — внутри магазина Джейк всё ещё спал.

В ответ на мой тон, Зак приподнял бровь и произнёс:

— Он учится на специалиста по оказанию первой медицинской помощи. Днём ходит на занятия, вечером идёт на работу в Lucky Burrito, а ночью приезжает в Gas 'N Drive на ночную смену.

Я оглянулась на неряшливого паренька, чувствуя стыд за то, что посчитала его лузером, прозябающим на дебильной работе, да ещё и спящим во время смены.

— Я этого не знала.

Зак постучал по левому уху.

— Чтобы составить мнение о человеке, недостаточно смотреть на него, нужно ещё и слушать.

Я набрала в рот вишнево-лимонно-виноградного слухи и проглотила.

— И что же слух говорит тебе обо мне?

Зак склонил голову на бок и осмотрел меня.

— Ты считаешь меня самым уморительным комиком на свете.

Я засмеялась.

— Мечтай.

— И ты добра к людям, о которых заботишься.

Я пожала плечами.

— А к остальным что, нет?

— И, — сказал он, тише, — ты пытаешься закрыться от остального мира, вот только я пока не понял почему.

По позвоночнику пробежала дрожь, подняв дыбом все волоски на моей руке.

— Я не закрываюсь, — мой голос даже по моим меркам звучал неуверенно.

Но я не закрывалась. Я здесь, в зоне видимости, сидела в тени заправки Gas 'N Drive, с Заком Грили и пила слухи в машине, в которой до его появления всегда запрещалось пить слухи. Если бы я закрывалась от мира, то была бы в своей комнате и мирно спала в кровати, как и каждую субботу в час ночи.

— И почему же я закрываюсь? — спросила я, опасно сжав стакан, рискуя в любую минуту расплескать фиолетово-чёрную жидкость.

Зак пожал плечами.

— Я не даю ответов, я только слушаю.

— Если уж на то пошло, то это ты закрываешься, — сказала я. Мой голос с каждой минутой становился всё выше. Я чувствовала, что если не выпущу пар и не возьму себя в руки, случится ещё одна истерика.

Но я не могла остановить поток слов, льющийся из моего рта, словно Зак пробил внутри меня какую-то плотину.

— Это ты не говоришь отцу, чем на самом деле хочешь заниматься. Ты ускользаешь из дома, чтобы выступать перед кучкой незнакомцев, но вернувшись домой, притворяешься, что тебе нравится делать ключи каждый вечер. Ты сидишь со мной, пока твоя девушка чёрт знает чем занимается, и пытаешься рассказать мне, что такое отношения? Я не закрываюсь. Я здесь! Это не я убегаю!

Я со всей дури ударила по гудку на руле, поднимая вокруг нас громкий шум. В магазине Джейк пробудился ото сна, чуть не врезавшись в стойку с журналами за прилавком.

Несколько минут меня трясло, пока нас вновь не окутала тишина. Где-то далеко залаяла собака, скорее всего, разбуженная моим гудком.

Что я наделала? Я чувствовала, как мои слова с каждой секундой увеличивали дискомфорт Зака. Теперь он знает. И видит, что я, Эйвери Джеймс, законченная истеричка. Имидж, который я с таким трудом поддерживала в школе, рассыпался в прах. Он расскажет Ханне, какая я нервная, и та поймёт, что статус лучшей ученицы у неё в кармане. Под личиной совершенства, которую я демонстрировала миру, скрывалась правда, которую я не могла выдержать. Когда всё становится слишком сложно, люди в моей семье сбегают.

Я опустила голову, прижавшись лбом к рулю, зажмурилась и стала молиться, чтобы весь остальной мир исчез.

— Ты в порядке? — спросил Зак.

— Выди.

— Что?

Я резко втянула в себя воздух, борясь с нарастающей внутри паникой.

— Выди. Хотя бы на минуту. Дай мне немного побывать одной.

С минуту он молчал. Потом спросил:

— Почему ты боишься показываться людям в таком состоянии?

Почему он не может просто выйти из машины, предоставив мне возможность истерить в одиночестве? Одного публичного унижения ему недостаточно?

— Я не уйду, Эйвери, — сказал Зак. — И прости, что пытался вытащить тебя на сцену.

Я с трудом подняла голову и посмотрела на него.

— Что?

— В закусочной, — объяснил он. — Я подумал, что если ты выйдешь на сцену, это поможет тебе..., ну, не знаю, перестать закрываться. И, возможно, поможет понять, что тебе не обязательно нужен план. Иногда приятно просто плыть по течению.

Я поставила стакан в подстаканник и включила зажигание. Я выехала на дорогу, и долгое время ехала молча.

— А что, если все посмеются надо мной, когда я выйду на сцену? — спросила я, когда мы отъехали от заправки.

— Это же комедийное шоу. Если зрители смеются, значит всё хорошо.

Я покачала головой.

— Нет, я имею в виду, если я выйду на сцену и опозорюсь? Что если они будут смеяться не над моими шутками, а надо *мной*? Что если я недостаточно хороша для них? Что тогда будет?

Зак зевнул и пожал плечами.

— Тогда ты вернёшься и попробуешь снова через какое-то время. Никто не ждёт, что ты будешь идеальной.

— Ханна идеальная, — сказала я.

— Ханна хочет, чтобы ты *думала*, что она идеальная. Поверь мне, в глубине души, она такая же неуверенная, как ты или я.

Я доехала до дома, остановившись на подъездной дорожке. Машина Зака одиноко стояла у дороги, но никто из нас не спешил покидать салон. Я выключила зажигание, взяла стаканчик и стала пить тающий напиток.

— Никто не может быть так же неуверен в себе, как я, — сказала я.

— Каждый неуверен в себе по-своему. Самое забавное, что никто не хочет показывать это, поэтому пытаются скрыть.

Он зевнул и откинул голову на подголовник. Я подумала обо всех людях, которых знала, об их неуверенности. Мой папа верил, что книги по самопомощи залечат дыру в его сердце. Иан отчаянно нуждался в матери, которая заполнила бы пустоту в его жизни, которую сейчас он забивал вредной едой. Молли взламывала электронную почту матери, чтобы удалять письма от отца, прежде чем они снова начнут делить её или имущество.

Может, Зак прав. Может, все мы прячемся от самих себя и друг от друга.

— Не знаю, стоит ли мне ехать в Коста-Рику, — пробормотала я. — Что если я приеду туда, найду маму и... ничего не изменится? Что если я всё ещё недостаточно хороша для того, чтобы она вернулась?

Когда он не ответил, я посмотрела на него и поняла, что он спит. Зак Грили, мальчик, который никогда не останавливается, наконец-то уснул. Его глаза были закрыты, тёмные ресницы подрагивали над скулами. Рот слегка приоткрылся, и дыхание было плавным и ровным.

Я потянулась и забрала слухи из его руки, прежде чем оно прольётся. Чуть опустила окно, впуская внутрь лёгкий ветерок, и тихонько вышла из машины, чтобы не разбудить его.

Глава 22

Наутро Зака не было. Не знаю, как долго он проспал. Едва я дошла до дома, как в изнеможении упала на кровать и проспала до десяти, что для меня чудовищно долго.

Папа был в приподнятом настроении и, что-то напевая себе под нос, мыл в раковине тарелки после завтрака, когда я вошла на кухню.

— Доброе утро, детка, — поприветствовал он меня. Он поцеловал меня в щёку, затем развернулся и стал пританцовывать, напевая под нос и продолжая мыть посуду.

Мой отец танцует?

Нет, он не танцует. По крайней мере, я не помню, чтобы когда-нибудь видела его танцующим.

— Что это с тобой? — спросила я, доставая из шкафчика свои хлопья.

— Ничего. Разве не может человек просто быть в хорошем настроении в воскресенье утром без всякой причины?

Я сделала себе хлопья, но продолжила пристально наблюдать за ним, пока ела, гадая, что этот танцующий псих делает в моём доме и где папа.

— Ты же не работаешь сегодня? — спросил он меня.

— Не работаю. Выходной. Но я всё равно собираюсь к Заку поработать над нашим проектом.

До конца школы осталось всего три недели. Поскольку последняя неделя была отведена под экзамены, а за неделю до этого каждая команда должна была представить свой проект, оставалась всего неделя для окончания работы над проектом “Любовь от А до Я”. Большая часть была сделана. Мы заполнили наши тетрадки по бизнесу, составили подробный отчёт о расходах, спрогнозировали прибыль и разработали рекламную стратегию. На прошлой неделе мы раздали анкеты случайным ребятам в школе, чтобы использовать эти данные для первоначального тестирования нашего сайта. Делия уже передала его Молли.

Оставались последние штрихи и презентация готового сайта, которую Молли должна была провести сегодня у Зака.

Желудок сжимало от мысли, что придётся встретиться с ним после всего, что произошло прошлой ночью. Он видел меня в минуту слабости. Что он обо мне подумал?

— Хорошо, — сказал папа, всё ещё пританцовывая, пока убирал чистые тарелки. — В шесть будь дома к ужину.

Я прищурилась.

— Зачем? Что будет за ужином?

Папа улыбнулся мне.

— Еда. Разговоры. Короче, ужин.

В моём мозгу мгновенно родились варианты. Он вёл себя как довольный ребёнок, хранящий большой секрет. Что бы папа ни задумал, мне это вряд ли понравится.

— Итак, — сказала Молли, включая ноутбук, который водрузила на кофейный столик в гостиной Зака, — это предварительная база данных. Чтобы продемонстрировать в классе и объяснить, как это работает. Я планирую добавить много разных примочек, но над ними придётся работать всё лето. Несмотря на то, что сайт очень простенький, думаю, его будет достаточно, чтобы получить пять, — она улыбнулась, явно гордая собой.

— Надеюсь, — сказал Зак. — Мне пригодится пятёрка. Не все тут претендуют на звание лучшего ученика, — он подмигнул мне.

Моё сердце странно затрепетало. Да что со мной сегодня? Я приехала к Заку всего несколько минут назад, и всё это время не могу перестать пялиться на него. Мне нравилось то, как спадали на глаза его тёмные волосы даже после того, как он откинул их. И то, как контрастировали розовые губы с его бронзовой кожей.

Прекрати смотреть на Зака! — приказала себе я.

Молли вбила адрес, и выскоцил сайт, который разработала Делия. В лого “Любовь от А до Я” был вписан мультишний купидон, натянувший стрелу между нашими инициалами.

— Я уже внесла данные, которые вы мне дали, — сказала Молли. — Так что мы можем кого-нибудь подобрать. Давай возьмём тебя, Зак, и посмотрим, что нам выдаст компьютер.

Молли ввела имя Зака, чтобы открыть его профиль и кликнула на переливающуюся кнопку “Выбери меня！”, которую она добавила на сайт. Через пару минут появилось два имени.

— Рита Хайсворт? — спросил Зак. — Кто это?

— Новенькая, — ответила я.

Молли засмеялась, прочитав второе имя.

— У тебя совпадение с Памелой Хопкинс!

Первогодку Памелу Хопкинс прозвали Голиаф. Она играла в баскетбол, была ростом почти шесть футов и имела развитую мускулатуру. Она бы с лёгкостью раздавила Зака.

— Памела милая девушка, — сказал Зак, хоть и не был в восторге от подобранной пары.

— Не забывай, что сейчас в базе данных только двадцать анкет, — сказала Молли. — Больше профилей — больше вариантов.

Зак кивнул, а затем сказал:

— Давай теперь Эйвери.

— Нет, — сказала я. — Я не стану в это ввязываться.

Зак обогнул Молли и игриво хлопнул меня по плечу.

— Боишься, что тебе выпадет кто-нибудь ужасный?

Я проигнорировала покалывание, возникшее в руке от прикосновения Зака.

— Нет, просто я не верю в это, забыл?

— Тогда тем более неважно, что скажет компьютер, — заметил он. — Это же всё шутки. Давай, Молли.

Молли ввела моё имя, нажала кнопку и... ничего.

На странице большими чёрными буквами высветилось “Совпадений не найдено”.

Супер. Даже компьютеру понятно, что я никому не подхожу.

В комнате надолго повисло напряжённое молчание. Затем Молли прокашлялась и произнесла:

— В общем, как я и сказала, в системе пока только двадцать профилей. Как только будет больше...

Я не обратила внимания на оправдания Молли и рухнула на диванные подушки. Что и требовалось доказать — идеальных пар не существует, по крайней мере, для меня. Я должна была знать это. Это должно было стать моей мантрой.

Так отчего же подтверждение ранит так сильно?

Молли осталась ещё ненадолго, делясь своими будущими планами на сайт и возможными источниками дохода. Её идеи займут её на всё лето и следующий учебный год.

Я сидела, утонув в диване Грили, и едва ли слушала, о чём они говорят. И почему эти двое считают, что что-то вообще сработает? Это же тупая компьютерная программа, код, выдающий имена на основании пунктов, которые в итоге не имеют значения. Потому что ты не можешь видеть людей насквозь, как и не под силу создать романтические отношения, просто выбрав пару имён и сведя их вместе. Весь этот проект провалится к чёртовой матери.

Что ж, по крайней мере, мне не придётся танцевать для Зака. Если он проиграет спор, и мы провалим проект, я ничего не буду ему должна. Каждый вернётся к своей жизни, в которой я сплю в ночь с субботы на воскресенье, а не ношуясь с ним по городу.

— Это самое основное, — сказала Молли, закрывая ноутбук. — Если у вас есть какие-то вопросы или предложения, киньте мне на почту, и я добавлю их в список.

Зак встал и улыбнулся ей.

— Большое спасибо, Молли. Это будет самый лучший проект в классе.

Молли оскорбилась.

— Не будь так в себе уверен. У меня есть свой проект, помнишь? И он довольно крутой, если можно так сказать.

Когда Молли ушла, мы с Заком остались вдвоём. Его семья уехала на день, так что в доме было тихо. Он достал огромную миску с чипсами и содовую, но я была слишком поглощена своими мыслями, чтобы взять их. Молли же никогда не могла устоять перед халявными чипсами, чем и воспользовалась, разбросав крошки по всему кофейному столику.

Я не смогла побороть желание убрать их, так что достала салфетку, чтобы смахнула крошки со стола.

— Ты не должна этого делать, — сказал Зак, подавшись вперёд и отводя мою руку.

Я посмотрела туда, где его пальцы касались моей кожи. От его прикосновения вверх по руке побежало странное покалывание. Я никогда не испытывала такого раньше, головокружительного чувства, лишающего дара речи. Я могла думать только о пальцах Зака на моей руке. Я тихонько перечислила названия костей, чтобы успокоиться.

Но перечисление не утихомирило вихрь мыслей в моей голове.

— Ты в норме? — спросил он. — Ты какая-то молчаливая сегодня.

Мне требовалось подумать о чём-то, что отвлекло бы меня от мысли, насколько близко сейчас ко мне Зак.

— Что, если мистер Фриман возненавидит наш проект? — выпалила я.

— Не думаю, что он его возненавидит. Наоборот, он ему очень понравился. Он сказал, что это необычно и интересно.

— Но что, если он поймёт, что сводничество не работает? Что, если все в классе захотят, чтобы им подобрали пару, а мы не сможем? Ты же видел, что для меня пары не нашлось. А если и для других тоже не найдется?

— Я думал, что ты не веришь в это, — сказал Зак.

Я глубоко вздохнула, мыслить здраво, пока он держал мою руку, было трудно. А он и думал её убирать.

— Я и не верю... Но я должна получить высший балл. Я не могу провалиться.

— Почему? — в очередной раз озадачил меня вопросом Зак.

— Потому что провал будет означать, что я недостаточно хорошая. И все узнают, что я не такая идеальная, как они думают.

Зак протянул руку и мягко провёл ей по моей щеке.

— Ты *идеальная*, Эйвери. Такая, какая есть, со всеми недостатками.

Я опустила глаза на коленки, не в силах смотреть на него.

— Я далека от совершенства.

Его пальцы очертили линию моей челюсти.

— Не делай этого, — сказал он.

— Не делать чего?

— Не унижай себя, когда кто-то делает тебе комплимент, — сказал Зак. — Помнишь, что ты сказала мне в магазине моего отца? О том, что хочешь научиться не быть скучной? Единственный человек, который делает тебя скучной, — это ты сама, и если ты не решаешься, потому что боишься провала, то дай себе шанс.

Я заставила себя снова посмотреть на него. Он посмотрел на меня в ответ, широко распахнув глаза. Я знала, что в этот момент, он *видит меня*, видит всё, что я так старательно пыталась скрыть. А я увидела, что за шутками и беззаботным внешним видом Зак, так же как и я, боится оказаться недостаточно хорошим.

Его пальцы скользнули по моей щеке и переместились на губы, заставляя их трепетать под его прикосновениями. Я старалась дышать ровно, но сердце и лёгкие работали на пределе.

Похоже, у моего тела появился свой разум. Ведь не я приказала ему преодолеть разделяющее нас расстояние. Не я приказала глазам закрыться, а губам сложиться в трубочку. Я полностью утратила над собой контроль и не могла удержать свою руку, от того, чтобы переплести наши с Заком пальцы. Свободной рукой, он скользнул вверх по моей щеке и переместил её на затылок, притягивая меня ближе к себе. Я даже не пыталась отстраниться.

Когда мы поцеловались, я уже не могла вспомнить, почему закрывалась от него.

Он прижал свои тёплые губы к моим, резко сокращая расстояние между нами. Я упала на плюшевые подушки, обхватив его руками, притягивая ближе. Наши тела идеально подходили друг другу, как если бы *всё* — мамин уход, Ханна с Эллиотом, план расставания и полночные слухи — случилось только для того, чтобы свести нас вместе.

А затем он отскочил от меня, да так резко, что его пальцы запутались в моих волосах и потянули меня следом.

Тяжело дыша, мы смотрели друг на друга с разных концов дивана. Моё сердцебиение звучало раскатами грома в тихой комнате.

Я зажала ладони между колен, стараясь успокоить дрожь в теле.

Что только что произошло?

Зак запустил руки в волосы, из-за чего они стали торчать острыми пиками.

— Я... Прости. Я не хотел. Этого не должно было случиться.

Его голос звучал странно, будто он вымучивал из себя эти слова. Его поцелуй всё ещё горел на моих губах. И я чувствовала наэлектризованность его прикосновений на своей коже.

Мне следовало сказать ему правду. *Ничего, что ты поцеловал меня, потому что твоя девушка всё равно не хочет больше быть с тобой!* Но слова застряли где-то в горле.

Он встал и отошёл, создавая как можно большую дистанцию между нами.

— Тебе стоит уйти, — сказал он. Он стоял ко мне спиной, как будто даже смотреть на меня не мог, после того, что мы сделали.

Я заставила себя подняться, несмотря на дрожь в ногах.

— Зак? — язык двигался неумело, словно я утратила способность говорить внятно.

Я потянулась к нему, но он вздрогнул, и я отдернула руку.

— У меня есть девушка, — сказал он, хоть я и не была уверена, с кем из нас двоих он говорит. — Мы не должны были этого делать.

Я закусила губу, когда к глазам подступили слёзы. *Не плачь*, сказала себе я. Нельзя испытывать чувства к Заку Грили. Это просто работа, выполнив которую, я поеду в Коста-Рику. Никаких чувств и сожалений. Я поцеловала его, только чтобы закончить работу.

— Ты, правда, хочешь, чтобы я ушла? — спросила я. То, как он целовал меня, не оставляло сомнений. Он хотел поцеловать, а я хотела поцеловать его снова.

Он кивнул, всё ещё не глядя на меня. Когда я подошла к двери, он внезапно обернулся. Я подумала — *с надеждой* — что он притянет меня к себе и попросит остаться.

Но нет. Он исчез в коридоре, в тени своего дома, будто не мог уйти от меня слишком быстро. Он оказался таким же, как все, кого я знала.

Все они в конце убегали.

Глава 23

Жужжание телефонаозвестило о новом электронном сообщении, в то время как я всё ещё стояла на подъездной дорожке у дома Грили, не в силах завести мотор. Я достала мобильный и просмотрела сообщение от Иана.

Фотки, которые ты просила, писал он.

Я скачала вложенные файлы, сосредоточенно нахмурив брови. На первых двух кадрах Ханна была одна, стояла у входа в кинотеатр. Но затем к ней присоединился высокий парень. Я не видела его лица, но блондинистые волосы явно не были тёмной шевелюрой Зака. Ни на одном фото не было видно, как Ханна целуется со своим тайным ухажером, они просто шли и разговаривали.

На других фотографиях Ханны не было. Зато был Эллиот в Розовом Замке. Иану удалось запечатлеть Эллиота, сидящим в кабинке с какой-то девушкой, но крупное растение за кабинкой отбрасывало тень на её лицо. Фото было сделано со спины, возможно, чтобы Эллиот не заметил, так что я не могла сказать, кем была эта девушка. Но Эллиот сидел с ней рядом, обняв рукой за плечо, и выглядел до омерзения милым.

Мерзкий маленький обманщик. Так и знала, что он шляется с кем-то у Молли за спиной! И что-то подсказывало мне, что эта маленькая фифа, с которой он сидел, — Тара с работы. А я знала! Теперь у меня были доказательства, чтобы дискредитировать его.

Спасибо. Приходи завтра, я дам тебе три бесплатных шейка, написала я в ответ.

Мои руки плотно сжимали руль, пока я ехала к Будке Дигити. Я хотела расквасить нос Эллиоту Райсеру. Хотя нет, сперва я хотела врезать ему по яйцам, а уже потом расквасить нос. Отплатить ему той же болью, которую он причинил Молли. Почему она не слушала меня, когда я пыталась её предупредить?

Сегодня Эллиот ходил в костюме большого хот-дога, так что, выходя, я заметила, как он стоит перед рестораном. Я влетела на парковку, едва не забыв перевести машину в парк-режим перед тем, как выскочить. Я подошла к нему, сжав в руке телефон с фотографией, на которой он мило ворковал со своей тайной подружкой.

— Лживый кусок дерьяма! — крикнула я, толкнув хот-дог в спину.

Эллиот отшатнулся на несколько шагов, прежде чем ему удалось вернуть себе равновесие. Он повернулся и поднял сеточку.

— Да что с тобой? — спросил он, уставившись на меня.

Я подняла телефон, повернув им у него перед носом.

— Вот, что со мной! Ты бабник, и, будь уверен, я расскажу об этом Молли.

Эллиот вскинул руки, затянутые в большие белые перчатки.

— Bay! Притормози-ка. О чём ты вообще?

Он попытался выхватить у меня мобильный, но я отодвинула его. Чёрта с два он получит эти фотографии. Я знала, что первое, что он попытается сделать — это избавиться от доказательств.

— Всё здесь, — сказала ему я, глядя на него самодовольно и гордо. — Теперь твоя ложь закончится. Не знаю, каким образом тебе удалось покорить Молли, но гарантирую, после того как она увидит эти фото, она больше не попадёт под влияние твоего жалкого

очарования. Теперь я докажу ей, что ты якшаешься за её спиной с какой-то пустоголовой шлюхой. Кто это? Тара? Между вами двумя есть что-то, да? Надеюсь, вы будете счастливы вместе, потому что, когда Молли узнает...

— Когда Молли узнает что?

Я перевела взгляд и увидела Молли позади Эллиота. Она только что вышла из Будки Дигити, попивая большой молочный шейк, но костюм Эллиота скрыл её от моего взгляда. Эллиот неловко обернулся с поднятыми руками.

— Клянусь, Молли, я не понимаю, о чём она говорит, — сказал он.

Я со злостью посмотрела на него.

— Ах, ты не знаешь? Тогда объясни *это*.

Молли взяла телефон и пролистала фотографии, на её лице застыло замешательство.

— Что это? — спросила она.

— У *него* спроси, — ответила я. — Спроси, с кем он шляется.

Молли покачала головой.

— Ты *шпионила* за Эллиотом?

Я совсем не ожидала такого тона. Она выглядела сердито, но всё ещё смотрела на *меня*, а не на Эллиота.

— Я попросила Иана понаблюдать за ним, — отмахнулась я. — Но посмотри! Я была права насчёт него. Он изменяет и...

— Нет, не изменяет, — сказала Молли, впихнув телефон обратно в мою руку. — Единственный человек, с которым он шляется, — это я.

Я открыла рот и уставилась на лучшую подругу.

— Что?

— Да, — сказал Эллиот, обняв Молли за плечо. — Моя пустоголовая шлюха — это твоя лучшая подруга.

Я переводила взгляд с одного на другую, пытаясь осмыслить ситуацию. Всё обернулось совсем не так, как я планировала.

— Ты врала мне? — спросила я. — Ты обещала, что не станешь с ним встречаться.

Лицо Молли раскраснелось, ноздри расширились.

— Не переводи на меня стрелки. Я не могу поверить, что ты *шпионила* за Эллиотом. Как ты могла? Ты всё время твердишь, что люди вокруг врут и предают, а сама делаешь так же.

— Молли, я...

— Не оправдывайся, — процедила Молли, стиснув зубы. — Ты ведёшь себя так, будто ты лучше остальных, ведь ты такая умная, лучше всех учишься в школе и хочешь поехать в Коста-Рику. Но знаешь что, Эйвери? Порой ты ошибаешься так же, как все. Ты хочешь, чтобы все вокруг прощали тебе твои ошибки, но, может, стоит начать самой прощать других? Ты не можешь всего знать. Ты понятия не имеешь, что чувствуют люди вокруг тебя, потому что ты слишком зациклена на себе.

Глаза заволокло слезами, я постаралась сдержать их и не дать им пролиться.

— Держись подальше от моих дел. Мне не нужно, чтобы ты решала за меня, — она встала на цыпочки и быстро поцеловала Эллиота. — Увидимся, — сказала она ему, затем развернулась и зашагала прочь.

Я уставилась на тротуар, слова Молли эхом отдавались в моей голове.

— Ну, — преувеличенно бодро произнёс Эллиот, — всё прошло хорошо! Отлично сработано, Джеймс. Теперь ты довольна? Оказывается, не такое я дермо, как ты думала. Не будь ты такой упёртой, поняла бы это намного раньше и спасла бы себя от унижения.

Сказав это, Эллиот опустил сеточку и вернулся к работе, приветствуя прохожих и не обращая на меня никакого внимания.

— Она что теперь живёт здесь? — пробормотала я, заметив кроссовер Триши на своей подъездной дорожке. Потерев слезящиеся глаза, я направилась к дому. Я не плакала из-за Зака. Я не из тех девушек, которые рыдают из-за парней. Я не плакала даже из-за Молли с Эллиотом. Лучшая подруга, которая врёт и тайно ходит на свидания за моей спиной, — совсем не лучшая подруга.

Если уж на то пошло, я плакала потому, что весь мир — отстой.

Я ввалилась в дом, захлопнув за собой дверь чуть сильнее, чем обычно, из-за чего фотографии на стенах слегка задрожали.

— Эйвери, это ты? — спросил папа из другой комнаты. — Мы на кухне. Иди сюда.

Следуя за его голосом, я вошла на кухню, но замерла в дверях, глядя на развернувшееся передо мной зрелище. Папа держал дымящуюся миску со спагетти, пока Иан растягивал над столом большой плакат с надписью “Счастливого Дня матери!”. На столе в хрустальной вазе стоял огромный букет из лилий и фиалок. Вокруг цветов были расставлены наш лучший китайский фарфор, который на моей памяти использовался всего пару раз, и блюда, доверху наполненные едой — салатом, чесночным хлебом и тушёными брокколи.

А в довершение ко всему за столом восседала сама Триша Монтгомери. Сидя на старом мамином месте, она улыбалась так, будто была королевой бала и частью нашей семьи. Перед ней лежало два подарка в фиолетовой упаковке с серебряным бантом.

День матери. Я уже и забыла, что это за день.

Кипящая внутри ярость перевалила через край.

— Что это? — тихо спросила я, стиснув зубы.

— Ужин по случаю Дня матери, — объявил папа так, словно это самое естественное событие в мире. Так, если бы у нас была мама, которой мы могли гордиться. Так, будто мы не отказались от празднования этого дня после ухода мамы.

— Удивлена? — спросил Иан. — Мы с папой две недели к нему готовились.

— Это просто смешно, — сказала я.

Папа поставил миску со спагетти на стол и поднял на меня взгляд.

— Мы подумали, что это было бы мило...

— Что было бы мило? Напомнить нам с Ианом, что у нас нет мамы? — я указала на Тришу, которая пребывала в шоке, так же, как и папа с Ианом. — Или пригласить женщину, которую мы едва знаем, чтобы она притворялась, что занимает место в нашей семье?

Неожиданная догадка обрушилась на меня, как гром среди ясного неба, и на мгновение почудилось, будто меня ударили в живот. Я сделала глубокий вдох, пытаясь восстановить дыхание.

— Ты же *не*... — сказала я папе, вцепившись в него взглядом.

Складки на папином лбу стали глубже.

— Я не *что*?

Я ткнула пальцем в Тришу.

— Ты же не собираешься жениться на *ней*? Ты едва её знаешь. Думаешь, нам это пойдёт на пользу? — я активно замахала руками в сторону папиной подружки, моя грудь быстро вздымалась и опадала, пока я судорожно глотала воздух ртом. — Я никогда не назову вас матерью. И не стану участвовать в вашем праздничном фарсе...

— Эйвери, — тихо сказала Триша, — этот ужин не для меня...

Я на мгновение нахмурилась.

— А для кого тогда?

— Для тебя, — мой взгляд переместился на Иана, который смаргивал слёзы. Его лицо стало из красного пунцовыми, и он избегал моего взгляда. — Мы всё это организовали для тебя, Эйвери.

— Это была идея Иана, — тихо сказал папа. Я различила гнев и боль в его голосе.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла произнести ни слова.

Иан потянулся и сорвал плакат, который повесил, разорвав его пополам.

— Не стоило даже пытаться. Ты всё время *всё* портишь.

Я сделала шаг вперёд, потянувшись к нему:

— Иан...

Но мой брат отшатнулся от меня, и не глядя, выбежал из кухни. Спустя мгновение хлопнула дверь его спальни.

Папа вздохнул.

— Полагаю, ужин откладывается. Если кто-то голоден, еда в холодильнике.

— Пап, — произнесла я, когда он начал собирать еду.

Он поднял руку вверх, прерывая меня.

— Давайте сперва остынем, прежде чем наговорим друг другу слова, о которых потом пожалеем.

Я посмотрела на Тришу, но она нахмурилась в ответ и встала, чтобы помочь отцу. Очевидно, я сильно ранила её своими словами. Но я не могла извиниться. Слова не шли с языка.

Я вышла в коридор, намереваясь скрыться в своей комнате, но остановилась перед закрытой дверью Иана. Мысль о том, что он организовал этот ужин специально для меня, заставляла испытывать ещё больший стыд за своё поведение.

Я тихонько постучала в дверь.

— Иан, можно войти?

Тишина была мне ответом.

— Я... — я проглотила ком в горле. Извинения давались мне с трудом. — Я прошу прощения...

Дверь оставалась закрытой.

Сдавшись, я направилась в свою комнату. Я скинула обувь, небрежно разбросав её по полу вместо того, чтобы аккуратно убрать на место в шкаф. Слёзы застили глаза и потекли по щекам, прежде чем я успела их остановить. Я лежала и плакала в подушку, сдерживая всхлипы.

Глава 24

В понедельник после школы я сидела в своей машине, наблюдая, как постепенно пустеет парковка вокруг меня. Набежали серые тучи, наконец-то обещая окончание неослабевающей жары, от которой мы страдали последние недели. Вдали слышался тихий раскат грома, мои одноклассники шли домой или спешили на свои работы. Я сидела прямо, положив руки на серый руль, двигатель работал вхолостую, а кондиционер пытался выкачивать холодный воздух.

Покончи со всем этим, — сказала я себе то, что повторяла про себя весь этот день. Но подходящая возможность всё никак не подворачивалась.

Наконец, я вытащила ключи из зажигания, закинула их в сумку и буквально вылетела из машины, спеша покинуть её. Сейчас или никогда.

Ханна, как и я, человек привычки. Она оказалась там, где я и ожидала её найти — в библиотеке. До конца учёбы оставалось две недели, но Ханна не упускала возможности дополнительно позаниматься, что бы ни происходило.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Ханна оторвала взгляд от раскрытого учебника по физике и посмотрела на меня. Её рука зависла над тетрадкой, в которой она делала пометки аккуратным, округлым почерком. Карие глаза Ханны изучали меня.

— Дружеский визит? — спросила она. — Как похоже на тебя.

Какое счастье, что библиотека была пуста. Кроме библиотекарши, в помещении больше никого не было, но она была в другом конце библиотеки, расставляла на полки книги. Ханна же заняла стол в конце зала.

Я предпочла не садиться. Глядя на неё сверху вниз, я спросила:

— У тебя вообще нет совести?

Брови Ханны взметнулись вверх.

— Ты о том, что я скину тебя на второе место? Нет, не особенно.

Я вцепилась в спинку стула напротив неё, чтобы удержать равновесие.

— Я не об этом. Я о том, как ты поступаешь с Заком.

Она смотрела на меня с невинным выражением лица.

— Это ты согласилась на этот план. Если в тебе проснулись угрызения совести, я с удовольствием заберу деньги обратно.

И как ей удаётся быть такой хладнокровной и спокойной и совсем не чувствовать вины? Это низко, даже для неё.

— Перестань притворяться, Ханна. Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Она положила ручку в книгу и закрыла её, накрыв руками обложку.

— Нет, Эйвери, не понимаю. Тебе стоит давать чуть больше информации о том, что происходит в твоей голове, прежде чем кто-то начнёт тебя понимать.

— Ты изменяешь Заку.

Ханна не отвела от меня взгляд.

— Что заставило тебя так думать?

— У меня есть доказательство. Фотографии. — Я потянулась к сумке, чтобы достать телефон, но сумки не было. Видимо, я оставила её в машине. Слишком спешила найти Ханну. — Они на моём телефоне. В моей машине.

Она усмехнулась.

— Не знаю, что у тебя там за фотографии, но ты, очевидно, совсем из ума выжила. Полагаю, это побочный эффект от чрезмерного общения с Заком. Он может быть очень подавляющим.

— Речь не обо мне, — кончики моих пальцев впились в спинку стула, когда я наклонилась над ней. — Как ты можешь так поступать с Заком?

Моя возрастающая ярость, похоже, не производила на неё никакого впечатления. Она продолжала смотреть на меня в своей спокойной манере.

— Если тебя так заботят чувства Зака, тебе стоит задать этот вопрос себе. Ведь это ты врала ему все эти недели. Никто не заставлял тебя следовать моему плану.

— Ты пыталась шантажировать меня, — напомнила ей я.

Ханна самодовольно осклабилась.

— А ты предпочла спасти свою репутацию вместо того, чтобы позаботиться о чувствах Зака. И после этого у тебя хватило наглости прийти сюда и обвинить меня в том, что я плохая? Взгляни-ка лучше на себя, Эйвери. Твой нимб не такой уж и сияющий.

— Он твой парень, — сказала я.

Ханна встала, и наши глаза оказались на одном уровне.

— Ну а тебе-то он кто?

В голове вспыхнуло воспоминание о губах Зака на моих губах. Мои руки задрожали, и я сильнее вцепилась в стул, чтобы не упасть. Зак отверг меня, прогнал и побежал к Ханне, стоило ей позвать его.

— Может, мне и не стоит расставаться с ним, — продолжила Ханна, параллельно складывая книги в аккуратную стопку. — В последнее время он изменился. Стал более собранным, сосредоточенным. Кто бы мог подумать, что ты так положительно на него повлияешь? Может, мне стоит держать его рядом. Тебя это устроит, Эйвери? Ты сможешь смотреть, как я целую его в коридоре? Слышать, как он признается мне в любви? Возможно ли, что в твоём холодном сердце стали появляться чувства к нему?

Меня бросало в холодный пот от мысли, что Зак останется с Ханной после всего, что было между нами за последние несколько недель.

— Ты не любишь его, — сказала ей я.

Ханна пожала плечами.

— Любовь обсуждаема. Я могу изображать влюблённую девушку, если, в конце концов, это приведёт меня к победе.

Я облизала пересохшие губы, чувствуя, как по телу разливается леденящая паника.

— Это несправедливо по отношению к нему. Если ты не хочешь быть с ним, брось его и позволь ему найти другую.

— Такую как ты? — она вздёрнула бровь и иронично улыбнулась. — Не знай я тебя лучше, Эйвери, решила бы, что ты влюбилась в Зака Грили. Но это, конечно же, чушь. Ты никогда никого не любила, кроме себя. — Она собрала книги, подперев стопку бедром. — Не говори мне, что вправду поверила, что между вами с Заком может что-то быть. Я заплатила тебе за то, чтобы ты проводила с ним время, а единственная причина, по которой он тусуется с тобой, за исключением бизнес-проекта — это жалость к тебе.

Я сделала шаг назад и открыла рот, пытаясь найти слова.

— Он сам мне об этом сказал, — продолжила она. — Что ты одинокая и жалкая личность, которая слишком боится подпускать к себе людей. Он *жалеет* тебя.

К моему горлу подступила тошнота. Мне не хотелось верить, что Зак мог сказать подобные слова.

Но разве он уже не говорил их мне? Он уже говорил мне — и не один раз — что мне нужно сходить на свидание, расслабиться и перестать ото всех прятаться. Правда в том, что Зак уже говорил, что он обо мне думает, и это было совсем нелестно.

Я отшатнулась от стола Ханны, пока та продолжала смотреть на меня ликующим взглядом. Она знала, что победила меня. За стенами идеальной жизни, которыми я себя окружила, она видела, что я никто. Всё, над чем я так упорно работала, развалилось на кусочки. Из-за Зака. Парня, для которого всё вокруг просто шутка, и у которого хватило мужества *пожалеть* меня.

Я заметила его у шкафчика, когда вышла из библиотеки. Он открыл дверь, и оттуда повалились и разлетелись по полу бумажки, падая вокруг его заклеенных скотчем ботинок. Он наклонился, стараясь впихнуть учебник по математике в бардак, царивший в его грязном рюкзаке.

И это *он* жалеет меня?

Моё сердце нестройным ритмом застучало в моих ушах, пока я решительно шагала к нему, сокращая расстояние между нами. В глазах темнело до тех пор, пока в зоне видимости не остался он — этот жалкий, неорганизованный классный клоун, который вошёл в мою жизнь и разрушил её. Грудь стиснуло, и я глотала ртом воздух.

Когда я подошла, он поднял взгляд. Его губы изогнулись в нервной улыбке.

— Привет, — сказал он.

— Ханна тебе изменяет, — выпалила я прежде, чем успела передумать.

Рюкзак Зака рухнул сбоку от него.

— Что?

— У меня есть фотографии, на которых она с другим парнем, — сказала я. Мой голос громко разносился по пустому коридору, как если бы я кричала. — Она хотела, чтобы ты расстался с ней, чтобы оказаться жертвой. Она заплатила мне за флирт с тобой, чтобы ты влюбился и бросил её.

Лицо Зака побледнело.

— Тебе *платили* за то, чтобы ты проводила со мной время?

Его голос был тихим, едва ли выше шепота, но в тихом помещении он звучал почти как крик. Тиски, сдавившие грудь, стали сильнее, когда я увидела боль в его взгляде. Хотела бы я забрать слова назад и стереть их из его памяти.

— Зак, — сказала я, сглатывая комок, который начал образовываться в горле. — Всё не так...

— А как тогда? — когда я не ответила, он произнёс надтреснутым голосом: — Ты можешь объяснить мне, пожалуйста, что происходит?

Он выглядел подавленным, злым и напуганным. Он казался таким маленьким в окружении ряда шкафчиков позади.

И я рассказала Заку всё. О плане разрыва. О деньгах. О том, что Ханна встречается с другим парнем. О том, что за это время я успела влюбиться в него, но до этого момента не понимала насколько сильно.

Я не знала, чего ждала, когда закончила. Может, что он будет так захвачен яростью, что пнёт или ударит что-нибудь. Или закричит.

Я ждала, что Зак сделает что-нибудь отличное от того, что он делал обычно. А обычно он ничего не делал.

Он стоял с совершенно отсутствующим выражением на лице. Казалось, ему нечего было ответить на мою исповедь. Он был полностью опустошён.

— Зак? — позвала я.

Я протянула руку и коснулась его, но он неожиданно отскочил от меня.

— Ты в порядке? — задавая вопрос, я знала, что он идиотский. Конечно же, он не в порядке.

Зак покачал головой.

— Нет. Ханна не... Ты не могла... — Он остановился, его кадык скользнул вверх, когда он сглотнул. — Всё это время ты врала насчёт того, зачем так много времени со мной проводишь? Насчет комедийных шоу, слуши, насчёт всего?

Когда он посмотрел на меня, мне захотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть боль в его глазах. Я поняла, что, возможно, сделала ему намного больнее, чем Ханна своей изменой. Может быть, он знал о неладах в их отношениях, но подозревать меня у него не было никаких причин.

Не он был жалок. А я. Я сделала то, что поклялась никогда не делать — оттолкнула близкого мне человека. Но в этот раз я не была уверена, что смогу выстроить разрушенные им стены снова.

— Зак, я...

Но он выставил перед собой руку, будто защищаясь от моих слов.

— Не надо. Просто не надо.

— Прости.

Он замотал головой.

— Я не могу говорить с тобой сейчас.

Зак развернулся, закидывая на плечо грязный оранжевый рюкзак. Из него вылетел клочок бумажки, но Зак даже не остановился, чтобы поднять его.

Парковка Уиллоубрук Хай окончательно опустела, когда я вылетела из школы. Молнии вспыхивали над головой, разрезая серые тучи. Я бросилась к машине, вслепую выуживая из кармана ключи.

Но карманы были пусты. В голове промелькнуло воспоминание — я достаю ключи из зажигания и бросаю их в сумку.

Которая осталась на пассажирском сидении в моей машине. Я безмолвно смотрела на неё через окно, пытаясь понять, почему она там, а я здесь. Я потянула за ручку, но машина была заперта.

За целый год с момента покупки машины, я ещё никогда не оказывалась запертой снаружи. Эйвери Джеймс не забывает ключи. Эйвери Джеймс не выходит из машины, предварительно не убедившись, что взяла сумку.

Эйвери Джеймс не влюбляется, а потом не разбивает своё сердце.

Облака раздвинулись, и на меня обрушился ливень, пока я брела по тротуару к дому. Я подняла лицо к небу, позволяя дождю смыть слёзы с моих щёк. Неважно, насколько я стараюсь, этого никогда недостаточно. Я разогнала всех. Неудивительно, что Зак, Молли, Иан и все остальные ненавидят меня. Глубоко внутри я была сломлена.

Раздавшийся рядом гудок машины вывел меня из размышлений. Может, это Зак?

Но притормозивший рядом со мной серебряный кроссовер принадлежал не Заку. Через окно на меня смотрела Триша.

— Подвезти тебя до дома?

Я обхватила себя руками, дрожа от холода, вызванного штормом. Триша не злилась на то, что её пассажирское сидение заливает дождь, из-за того, что я долго стою, не решаясь сесть, и не спрашивала, как я. Она просто терпеливо ждала, когда я приведу в порядок мысли.

Машина Триши была почти такой же чистой, как моя, внутри всё сверкало, а от освежителя воздуха в форме сердца на зеркале заднего вида пахло ванилью. Она прибавила тепла и медленно отъехала от бордюра, когда я пристегнулась. Она не пыталась говорить со мной, так что до дома мы ехали молча.

Когда мы были всего в паре кварталов, я, наконец, заговорила:

— Спасибо, — поблагодарила я. — За то, что подбросили.

Триша слегка улыбнулась и кивнула.

— Обращайся.

Она сказала это так небрежно, словно в этом не было ничего особенного. После того, что я наговорила ей за последние несколько недель, она имела полное право оставить меня мокнуть на тротуаре.

Но она остановилась.

— Вы могли оставить меня там, — сказала я. — Мой папа никогда бы не узнал, что вы меня не подобрали.

— Я подобрала тебя не ради папы. Я подобрала тебя потому, что ты нуждалась в друге.

Я посмотрела на неё с подозрением.

— Почему вы так добры ко мне?

— Потому что, веришь ты в это или нет, я волнуюсь за тебя, — сказала Триша.

Она заехала на подъездную дорожку и смотрела на меня, пока я отстёгивала ремень.

— Тебе что-нибудь нужно, Эйвери? — спросила она.

Я покачала головой.

— Сейчас я хочу побывать одна.

Триша поджала губы, но кивнула.

— Если вдруг захочешь поговорить, ты знаешь, где меня найти.

Я выдавила слабую улыбку и вышла из её машины.

— Спасибо.

Мои ноги повели меня к дому на автомате. Моё оцепеневшее тело работало на автопилоте. У меня не было ключа от дома, так как он остался на брелке в моей сумке, зато был запасной ключ, который сделал для меня Зак. Я достала его из маленького углубления в крыльце, в котором его прятала.

Я провела большим пальцем по впадинкам, вырезанным в ключе Заком. Он спасал меня даже сейчас, когда так сильно ненавидел. Я почти не рассышала лёгкого щелчка, раздавшегося, когда я повернула ключ в замке.

Войдя в свою комнату я остановилась на середине и взглянула на висящую на стене карту. Откуда в моей голове возникла эта безумная идея, будто я могу всё исправить? Как может тот, кто разрушает всё, едва начав, что-то починить?

Я перегнулась через кровать, протянула руку и сорвала карту со стены. Кнопки остались на месте, цепляясь за крошечные обрывки. Остальное я разорвала и разбросала по комнате. Обрывки ударились о стену и упали на пол за моим телевизором.

Не знаю, как долго я рыдала, но моё горло уже разрывало от боли, когда кто-то обнял меня. Я даже не слышала, как кто-то вошёл, но когда я открыла глаза, увидела брата, сидящего на краешке моей кровати и прижимающегося щекой к моему плечу.

— Прости, — хрипло прошептала я.

— Всё в порядке.

Он погладил меня по волосам, прямо, как мама в своё время, когда мне снился кошмар. Я совсем забыла об этом. После её ухода, я помнила лишь отстранённую беспокойную женщину, которой она стала в конце, и совсем забыла о тех моментах, за которые так давно её любила. Может, так было проще — не держаться за хорошее?

Я села, взяв Иана на руки.

— Иан, есть кое-что, о чём я тебе никогда не говорила. — Моя грудь наполнилась воздухом, когда я вздохнула, чтобы набраться смелости и сказать то, что собиралась сказать. — Это я виновата в мамином уходе.

Мой брат долго сверлил меня взглядом, после чего спросил:

— Что?

— Помнишь, какой она иногда бывала? Как она выпадала куда-то и забывала обо всём остальном? Тогда она очень много говорила о том, что хочет навсегда пропасть в джунглях или залечь на дно в маленькой европейской деревушке.

Он медленно кивнул.

— Да, помню немножко.

— За неделю до её ухода, я участвовала в школьной научной выставке и взяла с мамы слово, что она придёт. Даже папа на час отпросился с работы, что прийти, когда будут выставлять оценки. Я всё ждала, что она появится. — Я отогнала слёзы, которые угрожали политься по щекам. — Но она так и не пришла. Она забыла обо мне и провела день, сидя в пижаме за компьютером и ища информацию о своих идиотских джунглях. Она всё ещё сидела за ним, когда я вернулась.

Я гладила большим пальцем руку Иана, надеясь, что это поможет ему не возненавидеть меня слишком сильно.

— Я тогда заняла второе место и была уверена, что это из-за того, что она не пришла. Поэтому я накричала на неё так, как никогда не кричала раньше. Я сказала ей, что ненавижу её и надеюсь, что она и вправду навсегда исчезнет в своих джунглях, — на мою руку упала слезинка. — А потом она ушла. Я оказалась недостаточно хороша для того, чтобы выиграть, и недостаточно хороша для того, чтобы она осталась.

Иан обнял меня, когда я снова начала плакать. Я обняла его руками, спрятав лицо у него на плече. Он был таким сильным и широкоплечим. И когда он перестал быть мальчиком, которого я держала на своих коленях?

— Это не твоя вина, — сказал Иан.

— Он прав, Эйвери.

Мы обернулись и увидели папу, стоящего в дверном проёме с хмурым от беспокойства лицом. Он пересёк комнату и сел на противоположный край моей кровати.

— Никто не виноват, — сказал он. — Долгое время я винил себя. Я думал, что, возможно, слишком давил на неё желанием скорее пожениться. Настоял на семье, к которой она не была готова. Давал ей недостаточно свободы, внимания, любви или тысячи других вещей, которые я мог бы делать по-другому. Но книги, которые я читал, помогли мне понять, что дело не в нас. Дело в ней. Это она решила уйти и, что бы мы ни сказали, она бы не осталась. Мы даже не знаем причин, по которым она ушла, но это не твоя вина.

Папа стиснул нас в объятиях, поцеловав в макушки.

— Я думала, — сказала я, вытирая слёзы, — что смогу найти её и узнать, почему она ушла. Вот почему я всё это время хотела поехать в Коста-Рику.

Папа грустно улыбнулся.

— Я знаю, твоя мама много говорила о Коста-Рике, так что я догадался, что твой интерес связан именно с этим. Наверное, поэтому я так боялся отпускать тебя, боялся, что ты найдёшь её и тоже решить там остаться.

— Я не такая, как она.

Он погладил меня по щеке.

— Нет, не такая. Ты слишком любишь людей, о которых заботишься, чтобы навредить им, — он глубоко вздохнул, словно то, что он собирался сказать, приносило ему боль. — Но я не должен запрещать тебе следовать за своей мечтой. Если ты хочешь поехать в Коста-Рику и пройти обучение по этой медицинской программе, можешь рассчитывать на мою полную поддержку. Вот только знай, что я буду очень-очень по тебе скучать.

Иан скривил рожу.

— А я не буду. Хоть одно лето проведу без раздражающей старшей сестры.

Я запустила ему в голову подушкой.

— Тогда я останусь рядом, чтобы раздражать тебя всеми возможными способами.

Иан соскочил с кровати, очевидно насытившись душепитательной семейной идиллией. Всё-таки ему всего тринадцать лет.

— А я свалю отсюда, как только появится возможность, — сказал он, бросившись к двери.

Я улыбнулась, глядя на пустой проём. Подчас он мог быть таким надоедливым, но я любила этого парня больше жизни.

— Что случилось с твоей картой? — спросил папа, взглянув на стену над моей кроватью.

Я покачала плечами.

— Я её сорвала. В ней больше нет смысла. Дурацкая была идея. Мама может быть в любой точке мира. Мне никогда ее не найти.

Папа сжал мою руку.

— То, что ты не сможешь найти маму, ещё не значит, что ты не должна ехать. Однажды ты станешь прекрасным доктором, и эта поездка многому тебя научит. Не только в плане образования, но и в личностном плане. Не бойся ехать только потому, что можешь не справиться.

Я провела пальцем по одеялу.

— Можно кое-что спросить?

— Все, что угодно.

— Что побудило тебя искать любовь после всего того, через что ты прошёл? Неужели ты не был настолько зол и раздавлен, чтобы закрыться от всех?

Минуту папа молчал, глядя на кнопки, всё ещё оставшиеся в стене.

— Какое-то время я был жутко зол и ничего ни с кем не хотел. Но потом я понял, что не могу ограждать себя от общения с другими людьми. Не могу позволить одним неудачным отношениям определить всю мою оставшуюся жизнь. Однажды вы с Ианом уедете и начнёте собственную жизнь. Я не хотел остаться здесь в отчаянии и одиночестве только из-за того, что боялся, что мне снова сделают больно, как только представится шанс.

Он грустно улыбнулся мне.

— И ты тоже не должна упускать свой шанс. Да, у нас с твоей мамой ничего не вышло, но это не значит, что все остальные отношения заканчиваются так же.

— Я это запомню, — мне удалось выдавить из себя улыбку в ответ. — Знаешь, возможно, Триша не так уж и плоха. По сравнению с теми женщинами, с которыми ты встречалася, она одна из лучших.

Удивление на его лице сменилось счастьем.

— Она, и правда, чудесная. А иначе я бы не стал с ней встречаться.

Иан снова вошёл в мою комнату, неся в руке подарочную коробку.

— Если ты не поторопишься и не откроешь подарок, который я подготовил тебе на День матери, я его верну. И потрачу эти деньги на что-нибудь другое.

Я потянулась за подарком, бросив на него строгий взгляд.

— Если ты вернёшь мой подарок, я верну тебя. Уверена, кто-нибудь с радостью заплатит мне за тебя два цента.

Я сняла фиолетовую обёрточную бумагу и увидела одну из тех хрустальных роз из магазина в молле. Сиреневый цветок с длинным кристально-чистым стеблем и золотыми шипами. Я улыбнулась брату.

— Она прекрасна. Спасибо.

Он позволил мне поцеловать себя в щёку, затем отстранился и провёл по ней ладонью.

— Фу, — простонал он. — Теперь на мне твои микробы.

Глава 25

Во вторник вечером на работе я расставляла салфетки в держатели, когда заметила, как стоящий за кассой Эллиот разговаривает с Заком. Они стояли в дальнем конце прилавка и, похоже, были очень увлечены беседой. Зак активно жестикулировал, а выражение лица Эллиота смягчилось во время разговора. Спустя некоторое время, они попацански стукнулись кулаками, и Зак ушёл, не забывая при этом, старательно избегать моего взгляда.

Меняхватило на пять секунд, затем любопытство взяло верх.

— И что это было? — спросила я, присоединяясь к Эллиоту за прилавком. Я притворилась, что раскладываю пакетики с кетчупом и горчицей.

Он хмуро на меня посмотрел.

— Собираешься обвинить меня в том, что я изменяю Молли с Заком?

— Нет, — сказала я, зардевшись.

Глубоко вздохнув, я приказала себе быть милой. Никто же ещё не умирал от извинений, правда? Хотя подозревала, что от одного только стресса у меня мог случиться инфаркт или инсульт, но я готова была рискнуть.

— Слушай, Эллиот, — произнесла я, полностью к нему развернувшись. — Прости за то, что не верила тебе. Мне не следовало просить шпионить за тобой и делать поспешные выводы. И я вправду надеюсь, что ты сумеешь хорошо позаботиться о Молли и никогда её не ранишь.

Эллиот зло на меня посмотрел, но ответил:

— Позабочусь. Я бы никогда не стал делать что-то у Молли за спиной. Мы с Тарой просто друзья.

— А как же тот день, когда ты думал, что я — это она? — спросила я, вспомнив, что он говорил. — Что ты имел в виду, когда просил её подумать об “этом”?

— Ты же не отцепишься? — спросил Эллиот, нахмурившись ещё больше. — У Тары были сложности с её бойфрендом, а я всего лишь давал ей совет. Если не веришь, иди и спроси у неё.

Я покачала головой.

— Нет, я тебе верю. Прости. Просто все эти слухи о тебе и Лиле.

Эллиот закатил глаза.

— Ну, во-первых, это было два года назад, Эйвери. Древняя история. А во-вторых, не всё, что ты слышишь, — правда.

— И что это значит?

Эллиот развернулся обратно к кассе.

— Полагаю, Зак никогда не рассказывал тебе, что мы дружили?

— Нет, — ответила я. — Какое отношение к этому имеет Зак? И вообще, что он тут делал? — я прикусила губу, чтобы не спросить, не говорил ли он что-нибудь обо мне.

— Он приходил сюда, чтобы исправить ошибку, — сказал Эллиот. — Если хочешь знать больше, спроси у него.

Я смотрела ему в спину и голову заполняли воспоминания. Он всё ещё слегка склонял голову на бок, когда сосредотачивался, прямо как в детстве. Я провела с ним так много времени, что знала его намного лучше, чем другие.

Ты не можешь просто уйти от кого-то, когда всё становится слишком сложно, внезапно всплыли в моей голове слова Зака.

Я ушла, и это стоило мне дружбы длиною в жизнь с двумя людьми, один из которых был для меня целым миром.

— Мне правда очень жаль, — сказала я, мой голос был едва различим среди разговоров и смеха посетителей в обеденном зале. — Насчёт всего. И того, что всё испортила и разрушила нашу дружбу тем летом.

Эллиот напряг плечи. Его взгляд всё ещё был прикован к кассе, но челюсть сжалась.

— Я скучал по твоей дружбе, Эйвери.

Я никогда не допускала мысли, что Эллиот мог скучать по мне. Я никогда не задумывалась о его чувствах, предпочитая держать его в списке потерянных людей и считать парнем, которому на всё плевать.

Но когда он всё-таки посмотрел на меня, в его глазах была грусть.

— Прости, что сказал тогда, что ненавижу тебя. Я никогда так не думал, я всегда заботился о тебе, но ты меня отталкивала.

Я кивнула.

— Да, иногда я могу быть очень упрямой.

Он улыбнулся, совсем чуть-чуть. Затем раскрыл объятия, и я нырнула в них, крепко обняв его в ответ. Он всё ещё пах тем Эллиотом Райсером, которого я знала — свежим и душистым стиральным порошком, которым пользовалась его мама.

— Почему ты никогда не рассказывал Молли о том, что случилось? — спросила я его.

— Я не хотел, чтобы она плохо о тебе думала, — сказал он, и его голос эхом отразился в груди, к которой я прижималась ухом. — Это произошло в трудное для тебя время, уход мамы и всё такое. Я понимал, что ты и так многое испытала и если бы история всплыла на поверхность, тебе было бы больно.

Он с лёгкостью мог всем обо всём рассказать, но хранил мою тайну. Может быть, я ошибалась с самого начала.

— Спасибо, — я отстранилась и посмотрела на него. — Думаешь, мы смогли бы дружить снова?

Он послал мне полуулыбку.

— Если ты прекратишь обвинять меня в том, чего я не делал, то может быть, что-нибудь и получится.

Из кухни вышел мистер Трокмортон. Заметив нас, он нахмурился.

— Я плачу вам двоим не за шуры-муры у прилавка!

Глава 26

— Таким образом, — сказала Молли, уперев руки в бока, — по ночам пекарня “Сливки” становится подпольной организацией ЦРУ.

Весь класс по экономике молчал. Натан, партнёр Молли по бизнесу, смотрел на неё, распахнув рот, и выглядел так, словно она рассказывала о реально существующей подпольной организации на задворках созданной ими пекарни. Я не могла винить его. Он как раз рассказывал, каким клиентам они смогут предлагать торты и пироги, когда Молли начала собственное выступление, снабжённое рассказом о полностью функционирующей системе наблюдения, которую она продемонстрировала на своём ноутбуке и списком подозреваемых, в который входил и сам Натан.

Не нужно было обладать проницательностью агента ЦРУ, чтобы понять, что Молли не посвятила Натана в эту часть своего бизнес-плана.

Мистер Фримен прокашлялся и поднялся из-за парты на первом ряду, за которой слушал презентацию.

— Что ж, спасибо, Молли. И Натан, — запоздало добавил он. — Это было очень... впечатляюще и продумано.

Молли, сияя, сложила ноут и прошествовала к своей парте. Один из парней в классе остановил её и спросил:

— Слушай, а эту штуку можно установить в девичьей раздевалке?

Сидящие вокруг него приятели одобрительно загалдели.

— Где угодно, — ответила ему Молли.

— Ладно, успокоились, — мистер Фримен взглянул в свой список и сказал: — Следующими идут Эйвери Джеймс и Зак Грили.

Я мельком взглянула на Зака, про себя прося его взглянуть на меня в ответ. Это всё, что мне нужно. Всего один взгляд, чтобы я знала, что всё будет хорошо.

Но вместо этого я пялилась в его затылок, пока он шёл к доске.

Зак настроил ноутбук и подключился к школьной сети, чтобы продемонстрировать наш сайт. Я встала рядом с нашей тетрадью в руках.

— Мы решили создать бизнес по подбору пар, — объяснил Зак. В ответ по классу прокатился тихий гомон. Видимо всем показалось забавным, что такой человек как я, который никогда не ходит на свидания, запустил собственный сайт знакомств. — Любовь от А до Я. Сейчас на нашем сайте совсем немного анкет, однако мы планируем расширить базу данных за лето.

Продолжая рассказывать об основах нашего бизнеса, Зак раздал ученикам анкеты. Когда наступала моя очередь говорить, он даже не передал мне слово. Просто замолчал. Спустя минуту до меня дошло, что это единственный сигнал, на который я могу рассчитывать, поэтому я начала речь о наших прогнозах и маркетинговой компании.

— Конечно, — сказала я, — мы не можем гарантировать, что каждый, кто воспользуется нашим сайтом, найдёт идеальную половинку. Есть вещи, которые не под силу спрогнозировать даже самому оснащённому компьютеру. Иногда дело не в общих интересах или образе жизни. А в химии между людьми.

В конце мой голос надломился, и я закашлялась, пытаясь скрыть это.

— Впечатляет, — сказал мистер Фримен, когда мы закончили. — И крайне амбициозно пытаться превратить это в реальный бизнес. Надеюсь, вы расскажете мне, если вам это удастся.

Мы вернулись на свои места. Я облегчённо вздохнула, поняв, что презентация позади и, что она, похоже, всем понравилась. Некоторые ребята уже приступили к заполнению анкет.

Я взглянула на Зака, но как и до этого, не получила ответной реакции. Он окончательно вычеркнул меня из своей жизни.

Возможно, было бы лучше оставить его в покое, но моё сердце категорически отказывалось делать это. Мне нужен был последний шанс, чтобы всё исправить. Если и после этого он продолжит меня ненавидеть, я сдамся и подавлю свои чувства к нему.

Поэтому после экономики я пошла за Заком к его шкафчику и поймала его, преградив путь мусорной корзиной на колёсиках.

— Зак, — прошептала я. — Прости.

Лицо Зака ничего не выражало. Он даже не взглянул на меня, когда сказал:

— Мне нужно идти.

Я упёрлась ладонью ему в грудь, стараясь не думать о том, как жалко это выглядит.

— Нет, пожалуйста, выслушай меня. Пожалуйста, поговори со мной.

— Ну и что ты хочешь, чтобы я сказал?

Была только одна вещь, которую я по-настоящему хотела услышать, но он был слишком обижен, чтобы произнести её.

— Почему вы с Эллиотом перестали быть друзьями?

Зак вскинул голову и тупо заморгал. Прекрасно, я застала его врасплох. Очевидно, такого вопроса он не ожидал.

Он пожал плечами.

— Это уже неважно.

— Нет, важно. Эллиот сказал, что если мне нужны ответы, я должна обратиться к тебе.

Зак провёл подошвой по полу, поднимая пыль. Я ждала, затаив дыхание, но он ничего не говорил.

— Пожалуйста. Я не хотела тебя обижать.

И тут его прорвало.

— Не хотела обижать? — его голос эхом отражался от окруживших нас шкафчиков.

К этому моменту коридор был уже наполовину пуст, но студенты, которые ещё не успели разойтись, начали на нас оборачиваться. Я шагнула вперёд, надеясь, что Зак не устроит для них развлекательное шоу.

— Прошу тебя, Зак... — прошептала я. — Мне нужны были деньги на Коста-Рику, и я не думала, что у меня возникнут к тебе чувства. Это была просто... работа....

— Моя жизнь для тебя просто *работа*? — лицо Зака исказила мука, словно от сильной душевной боли.

— Нет, я не это имела в виду...

— Мои чувства и мысли просто грёбанная работа? Просто способ заработать пару лишних баксов, чтобы отправиться в поездку и почувствовать себя выше остальных?

Я отшатнулась, как от пощёчины.

Практически так оно и было, когда я поняла: я ничем не лучше своей матери. Она принесла папе, мне и Иану больше боли, чем кто бы то ни было ещё. А теперь я то же самое сделала с Заком. Я потратила жизнь на то, чтобы стать идеальной и не быть на неё похожей, но оказалась её полной копией. И всегда ей была, только не хотела этого признавать.

— Танцы на День святого Валентина в девятом классе, — произнёс Зак, внезапно меняя тему. — Все тогда говорили, что Эллиот изменил Лиле, поцеловавшись с Мелани. На самом деле я был влюблён в Лилу и, пока Эллиота не было, я решил признаться ей в своих чувствах. Я признался и... поцеловал её. Никто этого не видел, кроме Эллиота, который в этот момент вернулся с напитками. Эллиот страшно разозлился и в отместку поцеловал Мелани.

Он замолчал, не в силах смотреть мне в глаза.

— Все видели, как он сделал это, и начали распускать слухи. Но на самом деле во всём виноват только я.

Я уставилась на Зака, не зная, что сказать. Всё это время Эллиот хранил не только мою тайну, но и тайну Зака, взяв на себя вину за произошедшее.

— Эллиот никогда никому не рассказывал правды, — продолжил Зак. — Но и дружить со мной после той ночи он перестал. Я знал, что сделал ему больно, но даже не догадывался насколько, пока не узнал правду о тебе. Потому что теперь я знаю, каково это, когда тебя предает тот, кто тебе небезразличен.

Люди наблюдали за нами, стреляли в нас глазами и притворялись, что не подслушивают. Люди никогда меня не обсуждали. Я старалась оставаться невидимой. Я чувствовала на себе их взгляды, но продолжала смотреть на Зака.

— Зак, пожалуйста, пойми, — сказала я, подавляя рвущийся наружу всхлип. Я знала, что если сейчас расплачусь, то долго не смогу успокоиться. — Я не хотела ничего подобного, я не собиралась делать тебе больно...

— О да, и ты отлично преуспела в этом. — Никогда раньше я не слышала, чтобы он говорил таким низким колючим тоном. — Последние несколько недель я был с тобой настоящим, искренним. А ты всё это время пыталась извлечь из этого выгоду. Я уже не знаю, где настоящая ты, а где нет.

Он провёл рукой по волосам, взъерошив их.

— Ты хотела выйти из бизнеса по сводничеству? Прекрасно. Я тебя отпускаю. Можешь и дальше *не* делать другим больно или чем ты там занимаешься. Наше общение и партнёрство окончены.

С этими словами, он отпихнул мусорную корзину и зашагал прочь по коридору.

— А как насчёт не уходить? — крикнула я ему вслед. Теперь у нас появились настоящие зрители, которые уже даже не притворялись, что не смотрят и не подслушивают. Мой голос надломился, но я старалась сдержать его, старалась быть прежней, сильной и твёрдой Эйвери Джеймс.

Зак замер на середине шага, его плечи напряглись. Он слегка обернулся так, что я смогла видеть его профиль.

— Может, ты всё это время была права, — сказал он. — Может быть, не всё можно исправить.

Меня душили рыдания, пока я смотрела, как он уходит. Чтобы попасть в классы, остальным приходилось огибать меня, но я не могла пошевелиться. Мне казалось, сделай я хотя бы шаг — тут же провалюсь в небытие.

Я ожидала, что Зак разочаруется, когда узнает правду, но во мне жила маленькая надежда на то, что, в конце концов, всё будет хорошо. Что, возможно, он будет так благодарен мне за разоблачение Ханны, что простит то, что я сделала. Что посчитает такой способ заработка находчивым и забавным. Но он прав. Я предала его, и после такого мы не можем быть вместе.

Чья-то рука, дотронувшаяся до моего предплечья, заставила меня подскочить. Я обернулась и увидела Молли.

Я бросилась прямо в её раскрытые руки. По щекам побежали слёзы, но меня не волновало, что кто-то может их увидеть. Я не могла усмирить дрожь в плечах, пока рыдала на плече у Молли, а она всё сильнее меня обнимала.

Когда прозвенел звонок, она отвела меня в женский туалет. До этого я никогда не прогуливала уроки, потому что это разрушило бы образ безупречной ученицы. Но сейчас у меня не хватало мужества смотреть другим в лицо.

Мы долго сидели на полу рядом с раковинами и молчали. Как хорошо снова быть рядом с лучшей подругой.

— Мне жаль, что я не верила Эллиоту, — сказала я, наконец.

— Знаю, — ответила Молли.

— Перед ним я тоже извинилась.

— Да, он говорил. Не могу поверить, что ты шпионила за ним. Это же моя прерогатива.

— Ну, у меня был хороший учитель, — я выдавила из себя слабую улыбку.

— И как только Иану удалось сфотографировать нас без моего ведома? Если бы я была настоящим агентом ЦРУ, моё прикрытие оказалось бы под угрозой, — она помолчала и добавила: — А ты прости, что я не сказала, что встречаюсь с Эллиотом.

— Почему кстати?

Молли махнула рукой.

— Думала, ты скажешь, что я веду себя глупо. Ты не желала принимать, что люди могут меняться, а я не хотела заморачиваться, пока определялась со своим отношением к нему. Мне нужно было самой в этом разобраться, понимаешь?

Я кивнула.

— Тебе следовало приказать мне заткнуться. Если ты хочешь быть с Эллиотом, будь с ним. И неважно, что я об этом думаю.

Она хлопнула ладонями по коленям.

— Нет, это важно, потому что ты моя лучшая подруга. Как я могу встречаться с парнем, которого моя подруга не переваривает?

Комок, который я пыталась подавить в горле, должно быть был моей гордостью. Я вытянула из рюкзака торчащую нить.

— Есть кое-что, о чём я давно хотела тебе рассказать.

Молли выглядела заинтригованно.

— И что же?

— Раньше мы с Ханной и Эллиотом были друзьями. Лучшими друзьями. Дружили семь лет, ещё до школы.

Её глаза округлились от удивления.

— Почему ты не говорила мне об этом раньше?

— Потому что не хотела, чтобы ты меня ненавидела, — я сделала глубокий вдох. — Это ещё не всё. Ты же знаешь, что моя мама уехала как раз перед окончанием седьмого класса. Я просто проснулась однажды, а её нет. С того момента я совершенно раскисла и отталкивала от себя Эллиота и Ханну. Трудно привязываться к кому-то, когда понимаешь, что тебя могут бросить в любой момент.

Я закрыла глаза, вспоминая тот тёплый летний день в подвале Эллиота.

— Ханна влюбилась в Эллиота и он, похоже, отвечал ей взаимностью. Меня это бесило. Бесило, что между ними может что-то быть, а я оказалась недостаточно хороша для того, чтобы Эллиот влюбился в меня. Поэтому как-то я пошла в подвал к Эллиоту, где они обычно сидели, и выключила свет. Я заставила его думать, что я — это Ханна. А потом поцеловала...

Молли села прямо, её розово-блондинистые волосы рассыпались по плечам.

— Да ну! Ты *поцеловала* Эллиота?!

Я съежилась и кивнула.

— Я думала, что если сначала он поцелует меня, то может быть, я понравлюсь ему больше. Но в этот момент в подвал спустилась Ханна, включила свет и застукала нас. Она разозлилась на меня за то, что я пыталась увести парня, который ей нравился, а Эллиот на то, что провела его.

Я помнила всё, что они наговорили мне в тот день, но не хотела это озвучивать.

— И после этого вы не общались? — спросила Молли. — И никогда не дружили?

— Я никогда не давала им шанса наладить отношения, — призналась я. — Я оттолкнула их и убедила себя, что лучше вообще не иметь друзей. Но потом появилась ты и нашла лазейку в стене, которую я звела вокруг себя.

Молли усмехнулась.

— В этом деле я, как хорёк. Пролезу в любую дырку.

Мы засмеялись, и мне стало тепло на душе. Жизнь без друзей не может быть лучше этого.

— Интересно, почему Эллиот ни разу не рассказывал мне об этом? — спросила Молли.

— Раньше я думала, что он держит эту историю про запас. Дожидается момента, когда я растеряюсь, чтобы раскрыть тебе мой страшный секрет, — я пожала плечами. — Но, похоже, я была не права во многих вещах, касающихся Эллиота. Может, он не из тех парней, которые треплются о чужих секретах?

— А Ханна? Почему она ничего не сказала?

Я подняла взгляд к потолку, мысленно прочерчивая линию вдоль трещины в штукатурке.

— Этого я не знаю. Может, это и был её план — втянуть меня в одну из своих безумных схем. И она четыре года ждала идеального момента, чтобы уничтожить меня. Кто знает? Нынешняя Ханна мне незнакома. Она совсем не такая, какой я её помню.

Я развернулась к Молли, желая поскорее сменить тему.

— Итак. Что *ты* чувствуешь к Эллиоту?

Молли покраснела. Моя лучшая подруга и, по совместительству, сама независимость и предусмотрительность, которая никогда не краснеет, слегка смущалась из-за моего вопроса.

— У нас нет абсолютно ничего общего, но по мне, так даже лучше. Новый опыт помимо компа.

— Это всегда хорошо, — согласилась я, стараясь быть хорошей лучшей подругой.

— Он... не знаю... он *правда* очень-очень мне нравится. Понимаешь?

Я приподняла бровь.

— Ты имеешь в виду, что влюбилась в него?

Она пожала плечами, слегка улыбнувшись.

— Может быть. Думаешь, это тупо?

— Нет. И кстати, в плане тупости тебе меня никогда не превзойти.

Мы снова замолчали, и я вслушалась в бег воды по настенным трубам.

— Как бы я хотела, чтобы правда не ранила так сильно.

Молли посмотрела на меня, подняв брови.

— Он тебе нравится?

— Это не входило в план, но я не могу перестать думать о нём. А когда он поцеловал меня...

— Стой! Погоди! — Молли резко повернулась и вытаращила на меня глаза. — Он поцеловал тебя, а ты даже не рассказала об этом своей лучшей подруге во всей Вселенной?

— Ну, ты ведь не желала со мной разговаривать, — сказала я.

— И заслуженно, — ответила Молли. — Но молчанка закончилась. Подробности в студию!

Глава 27

Всю неделю я была слишком занята, чтобы думать о Заке. Я ушла с головой в подготовку к экзаменам, едва замечая, что происходило вокруг. Молли с Эллиотом официально стали парой, и мы частенько встречались у кого-нибудь дома, чтобы вместе позаниматься. Я притворялась, что не вижу, как они украдкой целуются над учебниками и ещё сильнее притворялась, что не думаю при этом о губах Зака на моих губах.

В последнее школьное утро я заметила стол с урнами для выбора короля и королевы класса. Я так погрузилась во всё, что происходит, что совершенно забыла о глупом конкурсе. В первый раз я по-настоящему разглядела яркие и смехотворные постеры “Голосуйте за меня!” расклейенные по стенам. Победителя объявили вечером на церемонии по случаю окончания учебного года.

Интересно, вспомнит ли кто-то из нас через двадцать лет, кто стал королем и королевой?

Ханна точно вспомнит. Если она выиграет, это станет одним из её моментов славы, о котором она будет вспоминать даже в глубокой старости. Потому что ей нужна эта победа. Ей необходимо знать, что она лучше всех.

Может мы с Ханной не такие уж разные?

Я порылась в сумке, ища свой кошельёк для мелочи. Я высыпала половину монет и положила их в одну из урн.

— Я уже победила, — послышался голос позади меня, — так что ничего не изменится, если ты проголосуешь против меня.

Всё такая же собранная и аккуратная Ханна самодовольно улыбалась мне. В свете флуоресцентных ламп её волосы переливались, как шёлк.

Она подошла ко мне и протянула маленький сложенный листок бумаги.

— Что это? — спросила я, отказавшись брать его.

— Оставшаяся сумма, которую я должна тебе. Чек на триста долларов, выписанный на твоё имя.

Моё сердце затрепетало в груди, и я едва могла дышать.

— Он бросил тебя?

Она кивнула.

— Вчера вечером. Такая трагедия была. Со слезами.

Я всё ещё не брала чек, который она мне протягивала. Я просто смотрела на него, не в силах пошевелиться.

— Так что ты там говорила на прошлой неделе о том, что я изменяю Заку? — Ханна вздрогнула бровь, ожидая объяснений.

— Мой брат делал фотопроект для творческого кружка, — я сама не понимала, почему хотела объяснить. Это Ханна крутила интрижки, ей и нужно было объясниться. — Он заснял тебя у книжного магазина с каким-то парнем. А потом ещё раз у кино.

А потом Ханна сделала то, что не делала на моей памяти уже очень давно.

Она рассмеялась.

Теперь уже я вздёрнула брови.

— Что смешного?

— Ты. Ты вечно видишь худшее в людях. Если девушка находится в обществе парня, который не является её бойфрендом, то она сразу изменщица. Твой мир делится только на чёрное и белое. И никакого пространства для серого.

— Значит, ты не изменяла Заку?

— Конечно же, нет. Зачем мне избавляться от одного парня, который отнимает слишком много моего времени, чтобы потом найти второго? Это не твоё дело, вообще-то, но парень, с которым ты меня видела — мой коучер. Он помогает мне держать себя в руках и не оторвать тебе голову.

У Ханны есть *коучер*?

— Это вроде терапевта? — спросила я.

Взгляд Ханны заставил меня закрыть рот.

— Он не терапевт. Коучер подсказывает мне, как поступать, чтобы избавиться от стресса. Например, какое-то время побывать в одиночестве. Не пытаться соответствовать ничьим ожиданиям, кроме собственных, — она ухмыльнулась. — Ты тоже можешь попробовать как-нибудь.

Я пыталась осознать то, что она сказала, но мой мозг окончательно закипел. Снова поднялся вихрь хаоса, и мне никак не удавалось вернуть себе контроль.

— Но если ты хочешь быть одна, зачем было устраивать весь этот цирк с расставанием? — спросила я. — Уверена, если бы ты поговорила с Заком и рассказала о своих чувствах, он бы всё понял и отошёл в сторону. Ты давно могла бы спокойно с ним расстаться. Зачем было заставлять меня причинять ему боль?

Её взгляд стал жёстче, и она скрестила руки на груди.

— Я не собиралась делать больно Заку.

Между нами повисло молчание. Вдали послышались голоса, шаги и хлопки — это ученики постепенно подтягивались в школу. Хаос в моей голове немного поулёгся, и я поняла, что именно не договорила Ханна.

План состоял не в том, чтобы сделать больно Заку. Она хотела сделать больно *мне*.

— Ханна, — сказала я, шагнув к ней и пытаясь преодолеть пропасть, возникшую между нами за четыре года, — прости за то, что случилось тем летом.

Ханна напряглась. Её челюсть сжалась, но она только пожала плечами.

— Сейчас это уже неважно. Мы квиты.

Как же много изменилось с того лета. Изменилась семья Ханны, изменилась её жизнь, да и я больше не была прежней. Уход моей мамы повлиял на стольких людей, а я осознала это только сейчас.

— Помнишь, как мы съели всё тесто для печенья, которое твоя мама поставила в холодильник? — внезапно спросила я.

Её губы изогнулись в лёгкой улыбке.

— Пять тюбиков, — произнесла она. — Мои родители клялись, что мы умрём от кишечной палочки.

— Я тогда всю ночь промучилась от боли в животе, — я горько улыбнулась. — Если бы я могла вернуться назад и всё изменить, я бы вернулась.

Лицо Ханны снова омрачилось.

— Что сделано, то сделано. И поверь мне, я по тебе *не* скучаю.

Но на середине фразы её голос дрогнул, так что слова прозвучали неискренне. Она снова протянула мне чек.

— Так ты берёшь его или нет?
Я посмотрела на чек, но не потянулась к нему.
— Нет, не беру.
Ханна моргнула.
— Что?
Я достала из рюкзака первый чек и разорвала его на мелкие кусочки.
— Я ухожу. Я не стану этого делать.
— Но всё уже сделано. Тебе осталось только обналичить чек и уехать спасать мир, как ты и хотела.
Я закинула рюкзак на плечо и улыбнулась ей.
— Не дай своей матери убедить себя, что ты недостаточно хороша, ладно?
Её взгляд стал стеклянным, челюсти напряглись, а жилка на шее набухла.
Я стала уходить, когда звонок возвестил о начале последнего школьного дня. Но затем остановилась и оглянулась на неё.
— И кстати, — сказала я, — я не голосовала против тебя.

Глава 28

— Вам помочь?
Раздавшийся позади меня голос заставил меня подпрыгнуть и выпрямиться, оторвавшись от капота грязной машины Зака. Его отец стоял на подъездной дорожке дома Грили и с подозрением смотрел на меня.
Затем в его взгляде мелькнуло узнавание, и он кивнул мне.
— Ты ведь подруга Зака, верно?
Я кивнула.
— Да. Эйвери Джеймс.
— Точно, — мистер Грили глотнул из термоса в своей руке. Другой рукой он держал кипу бумаг и папок. — Так я могу что-нибудь для тебя сделать?
Его взгляд прошёлся по стоящей за мной машине, а затем переместился на гвоздику, зажатую в моём кулаке. Этот цветок остался после распродажи гвоздик, устроенной математическим клубом. Ничего необычного. Зато понятно было, почему этот цветок никто не купил. Он был маленьким и странного цвета. Большая часть гвоздики была белой, но на одном лепестке виднелись оранжевые полоски.
Он был неидеальным, и потому — идеальным.
— Нет, я просто хотела оставить кое-что для Зака, — ответила я. Мои щёки пылали, но я старалась оставаться беспечной и собранной под изучающим взглядом мистера Грили.
Он задумчиво нахмурил лоб.
— Хочешь, я скажу Заку, что ты здесь? Он сейчас дома, — он жестом указала на дом.
Мои щёки запылали ещё больше. Мистер Грили наверное думает, что я какая-то сумасшедшая, раз прокралась на их подъездную дорожку, чтобы оставить цветок на машине его сына.
— Нет, спасибо. Я не могу остаться. Я просто хотела оставить это здесь для Зака.
Я махнула жалким цветочком в сторону машины. Мистер Грили долго изучал меня взглядом, одновременно отхлёбывая из термоса.
— Ладно. Если ты уверена. Я еду по вызовам, так что мне нужно идти. Приятно было повидаться.
Он подошёл к своей машине, с надписью “Замки и ключи от Грили” на двери. Он поставил термос на крышу машины и стал искать в кармане ключи.
— Мистер Грили?
Он остановился и повернулся ко мне.
— Да?

На мгновение я задумалась, не сказать ли ему правду о том, чем Зак хочет заниматься в жизни. Но потом решила, что это не моё дело. Я не могу контролировать жизнь Зака, так же, как и жизни остальных людей. Если Зак никогда не расскажет об этом отцу, я ничего не смогу с этим сделать.

— Зак замечательный парень, — сказала я, сглатывая комок нервов, пока он смотрел на меня. — Он забавный и умный, намного умнее, чем другие думают. Прислушивайтесь к его идеям время от времени, и хотя бы иногда воспринимайте его всерьёз. Позвольте ему быть тем, кем он хочет быть. Потому что он замечательный такой, какой он есть.

Мистер Грили продолжил молча смотреть на меня, его серьёзный взгляд прожигал меня насеквозд. Ключи повисли в его руке, крепко зажатые в кулак. Я поняла, каково Заку, когда отец смотрит на него так, словно ищет в нём несовершенство.

Но уголки его губ дрогнули в лёгкой улыбке.

— Думаю, — сказал мистер Грили, — судя по тому, как мой сын произносит твоё имя, он тоже считает тебя замечательной.

Моё дыхание спёрло где-то в районе груди, и я ничего не смогла ответить. Мистер Грили кивнул мне, сел в машину и уехал.

В доме позади меня было тихо. Я взгляделась в окна, но Зака нигде не было. Я не знала, видел ли он, что я здесь, но не хотела рисковать и пытаться поговорить с ним, чтобы у меня перед носом захлопнули дверь.

Вместо этого я повернулась к его машине и приподняла один из дворников на лобовом стекле. Я положила под него гвоздику и маленький листок, сложенный аккуратным квадратом.

В записке было только: “Полуночное шоу?”

Глава 29

Мои ботинки зашаркали по бетонному полу, когда я толкнула дверь парковки Gas ‘N Drive. Джейк сидел за прилавком, прислонившись к стойке с журналами. Я думала, что он спит, но он открыл глаза и кивнул мне.

— Привет. Эйвери, да?

Я кивнула.

— Да.

Он склонил голову на бок.

— Я никогда не забываю имена и лица. Ты с Заком?

Когда пятнадцать минут назад я выскользнула из спящего дома, чтобы приехать сюда через весь город за слухи, всё это казалось не таким безумным. Но сейчас до меня дошла вся абсурдность ситуации. Я приехала на заправку Зака, чтобы выпить напиток Зака и болтала с другом Зака. Без самого Зака.

— Нет, я одна, — я развела руками, показывая, что этой ночью я его единственная компания.

Но Джейка, похоже, это не удивило. Он снова кивнул.

— Круто.

Я поспешила вглубь магазина прежде, чем сдадут нервы. В эту минуту сахарный напиток был как раз в тему. Автомат зашумел, смешивая красную, зелёную и фиолетовую жидкости.

Я проторчала там двадцать минут, но, сколько бы ни смешивала вишню, виноград и лимон, никак не могла добиться идеальной пропорции. Очевидно, этот дар был только у Зака. Я смотрела на свой слухи, морщась от вкуса, который всё ещё был совершенно не таким, как надо. И я не понимала, как это исправить. Что бы я ни делала — ничего не помогало.

Джейк снова облокотился о стойку с журналами, пристроил голову на глянцевую обложку “Тайм” и закрыл глаза. Я уже почти готова была положить деньги на прилавок и уйти, чтобы не нарушать его сон, как вдруг заметила, что он шевелит губами.

Видимо он почувствовал, что я стояла рядом, потому что он снова открыл глаза.

— Учу, — сказал он в ответ на мой незаданный вопрос. Он пробил мой заказ.

— Зак сказал, что ты учишься на врача скорой помощи, — сказала я, протягивая ему деньги за неидеальный слухи.

Джейк кивнул.

— У меня остался ещё семестр. Тяжело, конечно, но я с нетерпением жду окончания.

— Я тоже однажды, надеюсь, стать врачом, — сказала ему я. — Но пока не определилась со специальностью. Расширяю кругозор и много читаю о разных направлениях.

Джейк склонил голову в медленном кивке.

— Круто. Возможно, однажды мы будем лечить одних и тех же пациентов.

— Может быть, — сказала я, засмеявшись. — Но сначала я должна закончить медакадемию. Я хотела поехать на одну программу этим летом в Коста-Рике. Но не успела накопить деньги, так что поездка откладывается на следующий год.

— А ты не думала о летней медицинской практике в больнице?

Я склонила голову на бок.

— В Уиллоубрукской больнице?

— Единственной и неповторимой. У них прекрасные программы для старшеклассников. Делать нужно немного — всего-то менять простыни и весь день ходить за врачом, но зато погружаешься в медицинскую атмосферу. А ещё это бесплатно, потому что программа волонтерская.

Я даже не рассматривала вариант практики в местной больнице. Все мои мысли были сосредоточены на Коста-Рике. Моё лицо расплылось в улыбке.

— Джейк, ты гений.

Он пожал плечами, чудаковато мне улыбнувшись.

— Не то, чтобы я хвастался этим...

Выходя из Gas 'N Drive, я села в машину и глотнула слухи. На улице мерцали звёзды и мигали красные огни летящего надо мной самолёта. Время от времени мимо проезжали и, негромко фырча, скрывались за поворотом редкие машины. Светящиеся синим часы на приборной панели показывали 00:21. Вокруг царили тишина и спокойствие.

От ёрзания на пластиковом сидении послышался странный скрипящий звук.

Я нахмурилась. Что-то было не так, и дело не только в неправильной консистенции слухи в моём стакане.

Выходя из машины, я наклонилась и стащила пластиковый чехол с сидения. Затем я открыла следующую дверь и так, одно за другим, сняла с сидений весь пластик. Свернув чехлы, я положила их в багажник.

Если бы кто-нибудь увидел меня сейчас, решил бы, что я сошла с ума. Я и сама запаниковала, подумав о том, что только что сделала. Я рисковала изгадить машину, которую так долго старалась поддерживать в идеальном состоянии. Для этого хватит всего одной капли.

Но сев обратно в машину и проведя рукой по мягкой обивке салона, я улыбнулась. Я совсем забыла, какими были сидения под пластиком. Избавление от чехловказалось безумством, и внутренний голос твердил, что если я пролью что-нибудь на сидение, то никогда не выведу пятно.

Меня охватило волнение. Казалось, что я способна покорить весь мир.

Я должна была сохранить это чувство для того, что собиралась сделать дальше.

Когда я подъехала к Розовому Замку, комедийное шоу уже началось. Несколько минут я просидела в машине, зачитывая свою “ручную” мантру, чтобы успокоиться.

Я смогу это сделать. Мистер Трокмортон наверняка убьёт меня за это и абсолютно точно уволит, но я справлюсь. Иногда игра стоит свеч, правда ведь?

Я проскользнула в забегаловку почти незаметно, несмотря на огромную сумку на плече. Эллиот помог мне выкрасть её вечером после моей смены. На сцене выступала молодая женщина, шутя что-то о своём бывшем. Я обвела глазами зал, но Зака нигде не было видно. На лбу выступил пот. А что, если его здесь нет? Что, если именно этой ночью он решил не идти на шоу?

Держась поближе к стене, я подошла к человеку, который был похож на организатора.

— Внесите моё имя в список выступающих, — сказала ему я.

Мужчина взглянул на меня из-под своих толстых густых бровей. Лысая голова контрастировала с обильной растительностью на лбу, из-за чего он выглядел довольно забавно.

— Ты выступала раньше?

Я покачала головой.

— В первый раз.

Минуту он изучал свой список.

— Пойдёшь через пятнадцать минут, у меня там как раз окно.

— Хорошо, — я вытерла потные ладони о джинсы. — Скажите, пожалуйста, а где здесь женский туалет?

Он указал куда-то за моё плечо и отвернулся. Я протиснулась через столики, пару раз случайно задев сумкой зрителей.

После череды извинений, я нашла туалет и открыла дверь. Голоса из зала стали звучать приглушённо.

Я склонилась над раковиной и посмотрела на своё отражение в заляпанном зеркале. Волосы наполовину выбились из хвостика, я собрала их и увидела, как горят мои щёки. В глазах читались признаки приближающейся паники. Я ополоснула лицо холодной водой, сказав себе, что всё будет хорошо. Если этой ночью Зака нет, я буду возвращаться сюда до тех пор, пока не застану его. Я должна извиниться. И это — моя последняя надежда.

Зашумел сливной бочок, и я отодвинулась, уступая место женщине, которая вышла из кабинки.

— Привет, дорогая, — весело поприветствовала меня она.

Я подняла взгляд и увидела женщину средних лет с буйными светлыми кудрями и широкой улыбкой на лице. От неё пахло мяты, а на ней красовалась ярко-синяя футболка с размашистой надписью “ЗАК РЮКЗАК”.

— Я Элли, — напомнила она мне, пока мыла руки. — А ты подруга Зака, верно?

Я кивнула и улыбнулась ей, несмотря на полуобморочное состояние.

— Верно, я Эйвери. Рада видеть вас снова.

— Я тоже рада *тебя видеть*, — она стиснула меня в объятиях, так естественно вторгаясь в моё личное пространство, словно всегда всех обнимала.

Может, так оно и было.

— Вы не знаете, Зак тут? — спросила я.

Она покачала головой.

— Я его не видела. Но ночь только началась. Возможно, он будет позже.

Я застонала.

— У меня выступление через двенадцать минут. Лучше бы ему появиться поскорее.

Элли выпустила глаза и взвизгнула:

— Ты будешь выступать? О, это круто, детка!

Её воодушевление рассмешило меня.

— Не радуйтесь раньше времени. Вы ещё не видели моего выступления. Может, это будет ужасно.

— До тех пор, пока зрители смеются, ты всё делаешь правильно, — она хлопнула в ладоши. — Не могу дождаться. Сяду впереди в самый центр.

Она ещё раз крепко меня обняла и вышла, оставив меня в одиночестве. Я зашла в кабинку и закрылась, бросив сумку на пол.

Опершись рукой о холодную металлическую дверь, я глубоко вздохнула. Я что, совсем с ума сошла? Что я забыла на сцене комедийного шоу?

В голове промелькнуло воспоминание о моём последнем появлении здесь. Когда Зак вызвал меня на сцену, а все обернулись посмотреть на меня, и я почувствовала себя так, словно меня выставили на всеобщее обозрение.

— Смысл стендапа в том, чтобы люди смотрели на тебя, — напомнила себе я. — Если они смеются, значит всё *хорошо*.

Сделав ещё один вдох, я наклонилась и расстегнула сумку.

Казалось, прошли часы, прежде, чем я услышала приглушённое:

— А сейчас новый талант в Розовом Замке. Впервые на сцене, встречайте, Эйвери Джеймс!

Я ожидала в туалете всё это время, но теперь потянула дверь на себя, подёрла её ногой, натягивая белую плюшевую перчатку, и вышла в зал.

Все зрители повернулись ко мне.

И захочотали.

Пробиться к сцене в костюме гигантского хот-дога Боба, одновременно держа в руке портативный CD плеер, оказалось не так-то просто. Я сшибла несколько столиков и стульев, пока какой-то старичок не скользнул надо мной и не помог мне подняться на сцену.

— Всем привет! — сказала я в микрофон, подпрыгнув от того, как громко прозвучал мой голос в тусклом освещённом помещении. — Как ваши дела? Мои очень хорошо. Каждое утро я совершаю аффирмации. Очень важно начинать выходной позитивно. Так что я посмотрела в зеркало и сказала себе: “Иди и покажи себя миру, Эйвери. Ты сможешь. Ты лучше всех. Ты же сосиска-оптимистка!”.

Разглядеть зрителей сквозь сеточку на лице было практически невозможно. Зато я хорошо слышала их смех. Они смеялись из вежливости, но я и не надеялась покорить их своими шутками.

— Но о том, что реально мне помогает, я узнала от своего хорошего друга, — продолжила я. — Он танцует без всякого повода. Он танцует даже тогда, когда нет музыки, потому что ему это нравится. И мы спорили, что если получим высший балл за наш школьный проект, то я станцую для него. Потому что, нет лучшего способа отпраздновать победу, чем потрясти своими булочками на сцене.

Несколько людей одобрительно засвистели, когда я поставила свой сидюшник на пол и положила рядом с динамиком микрофон, чтобы зал мог слышать музыку.

Когда из плеера послышалось “Who Let the Dogs Out”, я больше не думала. И не волновалась о том, что подумаю другие. Не имеет значения, идеальна я или нет, если аудитория смеётся.

Поэтому я исполнила все танцевальные движения, которые знала. Танец хот-дога Боба. Бегущего человека. Твист. Cabbage Patch. И даже те движения, которые и танцем-то не называлось. Я позволила музыке вести меня, хаотично выплясывая на сцене.

И зрителям это понравилось. Их крики и смех заглушили музыку, так что я даже не знала, под какую песню танцую. Многие из них встали и танцевали вместе со мной у своих сидений.

Когда я наконец остановилась, запыхавшаяся и потная, то запрокинула голову и засмеялась внутри своего костюма. Я наконец-то ощутила свободу быть *собой*, свободу от всех правил и ограничений, которых придерживалась. Я снова ощущала себя той девочкой, которой была до того, как жизнь нанесла мне свой болезненный удар и выстроила вокруг меня непроходимые стены.

— Эй-ве-ри! Эй-ве-ри! — скандировал зал, требуя выступления на бис. Спускаясь со сцены, я помахала им рукой. Для первого раза и так достаточно насыщенно.

После долгой дороги через зал, я наконец вышла на улицу. Каждый хотел остановить меня, пожать мою руку, похлопать меня по булочкам и сказать, как круто я выступила. А Элли пообещала изменить надпись на свой футболке на “ЭЙВЕРИ И ЗАК РЮКЗАК”.

Оказавшись на улице, я спустила костюм настолько, чтобы избавить верхнюю часть тела от изнуряющей жары внутри. Я замерла, закрыла глаза и втянула свежий ночной воздух. Наконец-то похолодало, рекордная жара спала, по крайней мере, до лета.

— Должен сказать, — раздался голос рядом со мной, — что это были нереально крутые движения.

Я открыла глаза и увидела его, прислонившегося к капоту моей машины и скрестившего руки на груди.

Я не смела даже вздохнуть, боялась, что разрушу чары, и он растворится в ночи.

Но когда я моргнула, он всё ещё стоял на месте.

— Привет, — сказала я.

— Привет, — ответил Зак.

— Я думала, ты не захочешь прийти.

— И пропустить то, как ты трясёшь своими булочками? Даже миллион бешеных фанатов Зака Рюкзака не удержали бы меня от этого, — он улыбнулся, но улыбка получилась дежурной, как если бы в глубине души его всё ещё пугало то, что происходило между нами.

Я улыбнулась, стараясь скрыть собственное волнение.

— Лучше поберегись. А то перетяну твоих закрюкаквцев в свой отряд Эйвери.

Он вздёрнул бровь.

— Устроим танцевальный батл и посмотрим, кто победит? Ты, может, и знаешь пару движений, но у меня свой стиль.

Он прошёлся лунной походкой по парковке, затем развернулся и лунной же походкой вернулся ко мне.

Я засмеялась, он тоже, и на мгновение единственным звуком в ночи был наш смех, а также приглушённые смешки и аплодисменты, доносившиеся из закусочной.

Затем моя улыбка померкла, и я посмотрела на него в надежде, что в этот раз он не уйдёт.

— Прости за всё, что я сделала. Я сглутила и всё испортила. Я на самом деле никогда не хотела делать тебе больно, — я задрожала, не в силах контролировать слова, вылетающие из моего рта, но мне было очень важно, чтобы он понял, как ужасно я себя чувствую из-за всего, что случилось. — Первое время я вообще ни о ком, кроме себя не думала, но потом прошло время, я начала узнавать тебя и поняла, как сильно я ошибалась. Я никогда не думала, что буду чувствовать то, что чувствую к тебе. Я не взяла денег. И вернула их обратно.

Зак спрятал руки в карманы. Я ничего не могла прочесть по его выражению лица.

— А как же Коста-Рика?

— Мне придётся подождать год, но это ничего. Коста-Рика никуда не денется, а у меня будет целое лето, чтобы скопить денег. Я бы не смогла воспользоваться деньгами Ханны, зная, что это будет стоить мне тебя. Всё это было огромной ошибкой.

— Но кое-что хорошее из этого всё-таки получилось, — сказал Зак, шаркая ногой по камешкам на парковке. — В конце концов, у нас была сделка. Если мы получаем высший бал за проект, ты танцуешь для меня, а я говорю с отцом.

Я округлила глаза.

— Ты рассказал ему о комедийном шоу?

Зак кивнул.

— Да, вчера рассказал. Он воспринял это не так хорошо, как я надеялся, но, по крайней мере, он не грозился запереть меня в магазине и заставить полюбить его. А сегодня он, кажется, даже немного смирился с этим. И сказал, что как-нибудь придёт посмотреть на моё выступление. Так что, я бы сказал, что это прогресс.

Может то, что я сказала мистеру Грили, сыграло свою роль.

— Как-нибудь он обязательно придёт, — сказала я Заку, надеясь, что так оно и будет. Когда Зак был счастлив, его лицо сияло. Он должен был выступать перед людьми.

— То, что ты сделала — ужасно, — тем временем продолжал он, не встречаясь со мной взглядом. — Всё это время я не мог поверить, что ты тусовалась со мной только потому, что Ханна тебе приплачивала.

Горечь в его голосе отозвалась болью в моей груди.

— Я проводила с тобой время не только поэтому.

Когда он ничего не ответил, я вздохнула.

— На самом деле воровка бойфрендов из меня отстойная, если тебя это утешит, конечно. Я ужасно флиртую и понятия не имею, как покорить парня.

— Вообще-то, — сказал Зак, — мне кажется, что ты в этом довольно хороша.

Всё ещё не поднимая головы, он взглянул на меня из-под тёмной чёлки, спадающей на глаза, и на его лице медленно начала появляться улыбка.

От этого моё сердце упало куда-то на дно моих булочек.

— Правда? — я постучала пальцем по подбородку. — А я-то хотела оставить эту должность, но если ты говоришь, что я хороша в этом, может, стоит продолжать работать?

Зак схватил меня за запястья и подтянул к себе, вжавшись в разделяющую нас пену костюма.

— Не кради чужих сердец больше, — сказал он мне. — У тебя уже есть моё.

И он поцеловал меня, накрыв мои губы своими тёплыми и мягкими губами. Его пальцы зарылись в мои волосы, притягивая меня ближе.

Когда мы, наконец, отстранились друг от друга, чтобы вздохнуть и мои лёгкие готовы были взорваться, я сказала:

— А мне казалось, что из нас плохая пара. Любовь от А до Я не считает, что у нас что-то получится.

— А я думал, что ты не веришь в совпадения.

— Настоящая бизнесвумен всегда уверена в своём продукте.

— Настоящая бизнесвумен должна понимать, что динамика меняется и, что компьютер не способен предусмотреть все возможные условия.

— Хмм, — промычала я, обнимая его за шею. — И что же это за условия?

— Ну, во-первых, я люблю хот-доги, — губы Зака изогнулись в улыбке, а в глазах заплясали огоньки фар проезжающих мимо машин. — А во-вторых, ты такая милая, когда трясёшь своими булочками.

Он отскочил, когда я попыталась стукнуть его своей белой плюшевой перчаткой. Смеясь, он притянул меня обратно, вовлекая в новый поцелуй.

Конец первой книги.